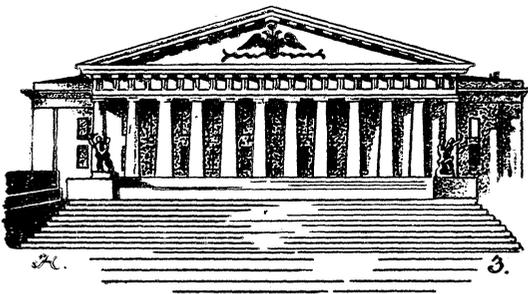

Русскій институтъ въ Прагѣ

А. И. Фенинъ

ВОСПОМИНАНІЯ
инженера

*Къ исторіи общественнаго
и хозяйственнаго развитія
Россіи
(1883~1906 г.г.)*

19-Прага-38

Tiskl Chudomei=Hostivař.

**Воспоминанія о старой великой Россіи
посвящаю дорогимъ спутникамъ моей
жизни: женѣ, дѣтямъ и внукамъ.**

ВСТУПЛЕНИЕ.

Нѣтъ большей скорби, чѣмъ въ изгнаніи
Вспоминать счастливые годы.

Изъ Данте.

Въ краткомъ вступленіи я позволю себѣ сказать нѣсколько словъ о содержаніи и характерѣ предлагаемыхъ мною воспоминаній. Моя тема — промышленно-хозяйственное строительство Россіи въ области тяжелой индустріи, воспоминанія о творцахъ и участникахъ этого строительства, характеристика обстановки, создавшей этихъ промышленныхъ дѣятелей, и условий, въ которыхъ совершалось само строительство. Мѣсто дѣйствія — югъ Россіи, такъ называемый Донецкій Бассейнъ. Я самъ не только свидѣтель, но и участникъ этого строительства, проработавшій въ Бассейнѣ въ теченіи длиннаго тридцатилѣтняго періода.

Донецкій Бассейнъ, какъ извѣстно, занимаетъ огромную территорію каменноугольныхъ отложений, включающую части Харьковской и Екатеринославской губ. и часть Области Войска Донского. Въ Донецкомъ Бассейнѣ была сосредоточена самая большая въ Россіи добыча каменнаго угля и выплавка чугуна. Бассейнъ тяготѣлъ къ Харькову, какъ къ мѣсту средоточія общественно-промышленныхъ и большинства частныхъ и казенныхъ распорядительныхъ органовъ, обслуживающихъ всю южную тяжелую промышленность.

Содержаніемъ моего повѣствованія являются не только личныя воспоминанія о жизни людей, работавшихъ вмѣстѣ со мною, инженеровъ-строителей и руководителей предприятий и о жизни рабочихъ-«шахтеровъ», но и воспоминанія о тѣхъ характерныхъ чертахъ и тѣхъ особенностяхъ, которыя представляла общественная и промышленная жизнь этого богатѣйшаго края Россіи на протяженіи отъ 1890 до 1914 г. г. Это было время исключительныхъ по государственному значенію событій какъ въ хозяйственной, такъ и въ политической жизни Россіи. Оно включаетъ большое промышленное строительство, осуществленное въ Донецкомъ Бассейнѣ при Витте въ періодъ 1895-1900 годовъ, русскую революцію 1905-6 г. г. съ послѣдовавшими за

ней политическими и хозяйственными реформами. Въ нее входитъ и замѣчательный періодъ нашей исторіи времени отъ 1908 до 1914 г. г., такъ называемый «предвоенный періодъ», когда слѣдствіемъ предыдущихъ важнѣйшихъ въ жизни народа событій, русское народное хозяйство дало небывалый подъемъ, подлинный, никогда не наблюдаемый ранѣе расцвѣтъ хозяйства во всѣхъ его областяхъ.

Такъ какъ моя промышленная и промышленно-общественная дѣятельность является какъ-бы историческимъ источникомъ воспоминаній, то я считаю себя вынужденнымъ познакомиться читателя съ главными этапами моей жизни и дѣятельности, сдѣлавъ это въ самыхъ краткихъ и общихъ чертахъ. Сынъ помѣщика Екатеринославской губ., Бахмутскаго у., г. е. уроженецъ того же Донецкаго Бассейна, я окончилъ Харьковское реальное училище въ 1883 г. и Петербургскій Горный Институтъ въ 1889 г. — Въ 1890 г. поступилъ помощникомъ инженера Э. А. Штедингга на шахту № 19 «Французской Угольной Компаніи» около Юзовки. — Затѣмъ до 1895 г. былъ послѣдовательно управляющимъ «Вознесенскимъ рудникомъ П. А. Карпова» и около 3-хъ лѣтъ завѣдующимъ шахтой «Сергій» Макѣвскаго рудника бр. Иловайскихъ. Съ 1895 г. по 1899 г. завѣдывалъ сначала развѣдками, затѣмъ постройкой и эксплуатацией «Вѣровскаго» рудника Русско-Бельгійскаго Общества. Съ 1899 г. по 1911 г. состоялъ директоромъ-распорядителемъ («отвѣтственнымъ агентомъ») бывш. «Максимовскаго» рудника, приобрѣтеннаго англійской компаніей, «Обществомъ Русскихъ Каменноугольныхъ Копей». Съ 1907 г. началась моя общественно-промышленная дѣятельность при «Съѣздѣ Горнопромышленниковъ Юга Россіи», организаціи, объединившей всѣ виды горной промышленности Юга Россіи, включая и металлургію. Въ этомъ году я былъ избранъ замѣстителемъ предсѣдателя «Совѣта Съѣзда», исполнительнаго органа «Съѣзда Горнопромышленниковъ Юга Россіи». Предсѣдателемъ Совѣта былъ тогда же избранъ мой товарищъ по выпуску, горн. инж. Николай Федоровичъ фонъ-Дитмаръ. — Въ этихъ должностяхъ мы пробыли при ежегодномъ переизбраніи до 1919 г. — года смерти Н. Ф. фонъ-Дитмара и моей эвакуаціи изъ Россіи (Январь 1920 г.). — Около 1907 или 1908 г. Николай Федоровичъ былъ избранъ членомъ Государственнаго Совѣта отъ промышленности, коимъ и состоялъ до конца жизни. Съ 1907 г. я переѣхалъ изъ Донецкаго Бассейна въ Харьковъ, гдѣ и жилъ все время, наѣзжая временами на рудникъ; мнѣ пришлось подолгу замѣнять Н. Ф. Дитмара, жившаго нѣкоторые годы въ Петербургѣ и вынужденнаго вообще часто и надолго отлучаться изъ Харькова. Моя чисто промышленная дѣятельность послѣ 1907 г. расширилась — кромѣ непосредственнаго управленія рудникомъ «Общ. Русскихъ Копей», я состоялъ членомъ

Правленія нѣкоторыхъ каменноугольныхъ акціонерныхъ Обществъ.

Я позволилъ себѣ привести этотъ автобіографическій матеріалъ для того, чтобы показать, что область, о которой я буду говорить, мнѣ хорошо знакома — вся моя служебная дѣятельность прошла въ работѣ надъ промышленностью Дон. Бас.

Мой трудъ включаетъ и свѣдѣнія о личной жизни многихъ дѣятелей Дон. Бас., часто моихъ близкихъ соратниковъ и друзей. Я вынужденъ изложить этихъ иногда интимныхъ воспоминаній отложить на конецъ моего повѣствованія. Дѣлаю это для того, чтобы дать возможность читателю, незнакомому съ самимъ предметомъ моего изложенія, предварительно съ нимъ ознакомиться, узнать характеръ промышленной дѣятельности въ области горнаго дѣла, а равно и ту общую подготовку къ этой дѣятельности, которую могли получить поминаемые дѣятели въ тогдашнихъ условіяхъ русской жизни.

Въ числѣ умершихъ я поминаю и жертвъ большевицкаго террора. Общеизвѣстно, что нелѣпости «соціалистическаго» строительства въ связи съ нечеловѣческой жестокостью совѣтской власти обратили въ ея кровавыя жертвы въ первую очередь инженеровъ, дѣятелей стараго режима. Касаясь характера воспоминаній о близкихъ мнѣ людяхъ, я не хотѣлъ бы, чтобы они были восприняты, какъ дифирамбъ. Не надо забывать, что я говорю почти лишь объ одной сторонѣ жизни этихъ людей — главнымъ образомъ, объ ихъ промышленной дѣятельности, что естественно сужаетъ кругъ моихъ воспоминаній. Я останавливаюсь, кромѣ того, невольно на лицахъ, проявившихъ себя исключительной энергіей, достигшихъ на своемъ житейскомъ поприщѣ сравнительно высокаго положенія. Я не хочу, наконецъ, отказаться отъ мысли, что время, въ которое воспитывались и созрѣвали эти люди, а равно и благоприятная внѣшняя обстановка ихъ дѣятельности позволили имъ создать типъ промышленнаго дѣятеля, отличный отъ дѣятеля предыдущаго поколѣнія времени семидесятыхъ годовъ. Ихъ промышленная работа шла во многомъ по линіи соціально-промышленнаго строительства, мало соприкасаясь со стороной финансово-промышленнаго созиданія. Въ ихъ дѣятельности намѣчались ясныя начала общественнаго творчества, выраженный въ устремленности къ строительству промышленнаго «цѣлага». Этой стороной своей дѣятельности они непосредственно соприкасались съ основными свойствами русской интеллигенціи, окрасивъ эти свойства реальными чертами практической работы, чего часто такъ недоставало нашей интеллигенціи. Я постараюсь въ предлагаемыхъ воспоминаніяхъ обосновать эти высказанныя мною мысли.

Я долженъ здѣсь же во вступленіи указать на одну черту, отличную и для минувшей эпохи и для ея дѣятелей — на

исключительно быстрый темпъ промышленнаго строительства и промышленной продукціи Дон. Бас. конца XIX и начала XX столѣтія, предъявившихъ къ русской технической интеллигенціи, въ большинствѣ, если не исключительно къ ея молодымъ кадрамъ, огромныя требованія какъ въ количественномъ, такъ и въ качественномъ отношеніи.

Темпъ этого строительства былъ такъ великъ, что добыча каменнаго угля въ Дон. Бас., равная въ 1895 г. около 300 мил. пуд., достигла въ 1900 г. 700 мил. пуд. и въ 1913 г. 1,5 млрд. пуд.; выплавка чугуна за тѣ же періоды составляла 33, 91 и 189 мил. пуд. — для показательности величины этого роста нужно сказать, что сравнительный ростъ добычи угля въ Германіи, въ Англии и въ Дон. Бас. далъ за этотъ періодъ соотношеніе 2, 1½ и 5. Меньшіе, но аналогичные результаты даютъ за тотъ же періодъ сравнительныя цифры выплавки чугуна.

Если принять во вниманіе, что свыше 60% добычи кам. угля Дон. Бас. и около 90% выплавки чугуна падало на иностранныя предпріятія и что уже къ началу XX столѣтія даже во главѣ огромнаго большинства промышленныхъ предпріятій Бассейна, ихъ фактическими распорядителями стояли русскіе инженеры, надо признать, что русская техническая интеллигенція блестяще выдержала трудное испытаніе. Для иллюстраціи скажу, что въ 1890 году, когда я поступилъ на службу въ Бассейнъ, число служащихъ тамъ русскихъ инженеровъ было... около десяти — въ 1913-14 г. г. ихъ было уже нѣсколько сотъ.

Если мы прибавимъ къ этому, что дѣятельность организациі, объединившей южн. промышл. дѣятелей, гл. обр., инженеровъ, Съѣзда Г. Ю. Р., совпавъ со временемъ наибольшаго хозяйственнаго расцвѣта Россіи, приняла очень своеобразныя, почти исключительныя для Россіи формы, о чемъ я подробно скажу во второй части моихъ воспоминаній, то мы прійдемъ къ заключенію, что минувшая эпоха русскаго промышленнаго развитія, въ частности развитія Горнаго Юга, заслуживаетъ пристальнаго вниманія.

Русская интеллигенція того времени, въ лицѣ ея техническихъ кадровъ, рѣшительно и быстро реагировала на создававшуюся благоприятную обстановку для большой промышленной работы, успѣшно побѣждая иностранную конкуренцію. Это былъ актъ аналогичный тому, какъ вся Россія въ «предвоенномъ періодѣ» 1908-1914 г. г. отвѣтила небывалымъ хозяйственнымъ подъемомъ на измѣняющійся имущественно и социальнo бытъ русскаго крестьянства.

Кончая мое вступленіе, я долженъ указать на одно, можетъ быть, рѣшающее соображеніе, заставившее меня наклонѣть възяться за перо.

Я не политическій или государственный дѣятель, не писатель или журналистъ, вообще не работникъ на поприщѣ отвлеченной мысли, и даже не общественный дѣятель въ общепринятомъ русскомъ пониманіи этого слова — мои мысли и настроенія, какъ и вся моя жизнь, имѣють основой практическое дѣло въ прозаической области русскаго хозяйства. Служеніе дѣлу, которому я и близкіе мнѣ люди посвятили всю свою жизнь, раздвинуло, благодаря особенностямъ этого дѣла, нашу мысль, лишило ее обывательской узости и тусклаго провинциализма, несмотря на то, что большая часть дѣятельности моихъ соратниковъ и моею прошла именно въ провинціи. Характеръ самого дѣла, творчество въ области хозяйственныхъ интересовъ, близко соприкасающихся въ цѣломъ съ государственными интересами, воспитывали нашу мысль и образовывали наше міронастроеніе въ сторону сознанія необходимости охраны законности, порядка и постепенности эволюціоннаго развитія государственной и соціальной жизни русскаго народа — естественные враги революціи, мы были, выражаясь политическимъ языкомъ, людьми центра, того центра, который на несчастіе Россіи по многимъ тяжелымъ историческимъ причинамъ, не имѣлъ еще времени не только сьорганизоваться, но во многомъ и образоваться. Жестокія событія послѣднихъ лѣтъ, разбившія русское государство, разрушили то дѣло, которому мы служили, и выбросили большинство изъ насъ изъ предѣловъ Россіи въ безпросвѣтную, часто нищую жизнь эмиграціи. Мои политическія мысли и настроенія, мое пониманіе процесса историческаго развитія русскаго государства, пребывавшія въ бытность мою въ дореволюціонной Россіи во многомъ въ состояніи уравнищенности и спокойствія, были за это время нашего всеобщаго краха, какъ вѣроятно и у большинства изъ насъ, внутренне пересмотрѣны, переоцѣнены и углублены. Многое предстало мнѣ въ иномъ, какъ раньше, освѣщеніи — я сталъ лучше понимать тѣ тяжкія ошибки, которыя были на моихъ глазахъ, какъ современника, совершены главными слагающими силами русской государственности, а главное, я смогъ въ вынужденномъ большомъ досугѣ эмиграціи и надвигающейся старости ближе подойти къ оцѣнкѣ того людскаго матеріала, который меня окружалъ, и постараться посылно опредѣлить его роль въ томъ ходѣ огромныхъ историческихъ событій, свидѣтелемъ которыхъ я былъ. Для того, чтобы дать возможность читателю лучше понять ту область русской жизни, въ которой проходила наша дѣятельность, — русское многообразное хозяйство, я счелъ необходимымъ включить въ мои воспоминанія краткій обзоръ состоянія современнаго намъ хозяйства Россіи, помѣщая его въ концѣ первой части «Воспоминаній», въ видѣ «приложенія». Я помѣщаю его въ концѣ книги, чтобы не нарушать порядка повѣствованія воспо-

минаній. Однако, для лучшаго пониманія описываемой эпохи я рекомендовалъ бы все же попробовать ознакомиться съ обзоромъ тотчасъ по прочтеніи главы «Студенческіе годы».

Въ заключеніе я считаю моимъ пріятнымъ долгомъ выразить глубокую признательность моему товарищу и другу за оказанную имъ мнѣ широкую помощь какъ въ написаніи моего труда, такъ и въ его изданіи. Такую же благодарность я выражаю «Русскому Институту въ Прагѣ» за любезное согласіе выпустить книгу подъ его авторитетнымъ флагомъ, а также и за матеріальную помощь, оказанную мнѣ при изданіи книги.

ГЛАВА I.

СТУДЕНЧЕСКІЕ ГОДЫ.

Гимназисты, студенты начала 80-х годовъ. Общественная атмосфера того времени. Вліяніе литературы. И такъ, кто же были въ девяностыхъ-девятисотыхъ годахъ тогда сплошь молодья интеллигентныя русскія силы, которыя пришли на дѣло новаго созиданія почти только съ теоретической подготовкой за плечами? Кто осѣлъ въ южной степной деревнѣ, замѣнивъ во многомъ стараго ея обитателя, дворянина-помѣщика, безславно ее покинувшего? Кто своей работой по новому и съ точки зрѣнія сельскаго уюта и деревенской красоты грубо и прозаично оживилъ этотъ «фантастическій край Донецкой степи» съ ея балочками, Саурь-могилой, со своими легендами о Зуѣ, Харцызѣ, Иловайскомъ? Какой житейскій багажъ несли съ собой 25-30-лѣтніе русскіе интеллигенты тѣхъ періодовъ?

Они кончали гимназію отъ конца 70-хъ и до середины-конца 80-хъ годовъ и высшую школу, въ огромномъ большинствѣ Петербургскій Горный Институтъ, отъ 90-хъ до 900-хъ годовъ. Средняя школа того времени, несмотря на ея общедоступность, сохраняла и по традиціямъ и почти по составу характеръ дворянской школы. Она уже рѣзко отошла отъ школы 50-хъ-60-хъ годовъ — нравы «бурсы» совершенно исчезли; составъ учителей гимназій и реальныхъ училищъ былъ очень хорошъ.

Большинство моихъ сверстниковъ по Горному Институту, чуть ли даже не всѣ, кончили провинціальныя, главнымъ образомъ южныя реальные училища. На программу этихъ училищъ нападали, считали ихъ неудачнымъ дѣтищемъ Толстовской реформы. Конечно, они не подготовляли техниковъ, помощниковъ инженеровъ въ разныхъ областяхъ техническаго знанія, какъ это повидимому предполагалось. Но они давали отличную, очень широкую подготовку къ курсу высшей школы въ области естественныхъ наукъ — мы хорошо для своего возраста знали химію, физику, имѣли достаточное понятіе даже о многихъ техническихъ производствахъ, какъ сахарное производство, пивовареніе. Общая, довольно большая программа, включая и новые языки, вмѣщалась въ шести основныхъ классахъ училища, когда среднее образованіе считалось собственно законченнымъ. Седьмой классъ былъ дополнительнымъ, специальнымъ для изученія началъ аналитической химіи, главныхъ промышленныхъ производствъ, расширеннаго курса физики и проч. Шесть классовъ мы кончали шестнадцать лѣтъ, а все училище — семнадцать, т. е. въ сущности совершенными дѣтьми. Пом-

ню, какъ въ Харьковскомъ реальномъ училищѣ, гдѣ я кончилъ, нѣкоторые преподаватели изъ молодыхъ пытались читать намъ въ седьмомъ классѣ «лекціи» по университетски — помню, какъ горько былъ нами разочарованъ учитель химіи, будущій проф. Харьковского Университета, тогда только что кончившій студентъ, милѣйшій И. П. Осиповъ, когда мы во время его лекціи, при звукахъ проходящей военной музыки, вскочили съ парты и всѣ бросились къ окнамъ...

Чѣмъ, помимо ученія, интересовались мы и что было въ средней школѣ нашимъ «духовнымъ багажемъ»? Я не ошибусь, если скажу, что и домашнее и школьное руководство въ этомъ смыслѣ почти отсутствовало, какъ отсутствовало и толковое систематическое воспитаніе — мы росли дичками. Больше всего мы читали Тургенева и Шпильгагена, съ наслажденіемъ слушали безподобное чтеніе Гоголя учителемъ русскаго языка Н. Е. Шевченко, о Достоевскомъ и Толстомъ почти не имѣли понятія. Пушкинъ стоялъ подъ сомнѣніемъ послѣ хлесткости Писаревского «развѣнчанія» — я и по сейчасъ не могу безъ нѣкоторой раздраженной задней мысли читать нѣкоторыя строфы Онѣгина, какъ, напр.:

Межъ ними все рождало споры
И къ размышленію влекло:
Племенъ минувшихъ договоры...

Или письмо Татьяны, звучащее въ грубѣйшей и издѣвательской интерпретаціи Писарева такъ: «Ужъ если вы, коварный тиранъ, не будете ѣздить къ намъ хотя бы разъ въ недѣлю, такъ незачѣмъ было и показываться у насъ: безъ васъ я бы сдѣлалась женой и добродѣтельной матерью — теперь я по вашей милости пропадать должна»... И это несмотря на мой позднѣйшій чуть ли не колѣнопреклоненный приходъ къ Пушкину. Вообще же тогдашняя русская «духовная культура», несмотря на появившагося въ замѣтномъ числѣ, начиная съ 60-хъ годовъ «разночинца», была еще сплошь дворянской. Вліянію своеобразія того, что можно назвать дворянской культурой, поддавали и разночинцы и инородцы — полякъ Крживицкій, еврей Рабиновичъ и русскій дворянинъ Рутченко (мои коллеги по школѣ и работѣ, о которыхъ я упоминаю ниже), вышедшіе изъ одной и той же средней школы той эпохи, были овѣяны однимъ духомъ.

Всѣ мои герои росли и слагались подъ вліяніемъ волнующей красоты и незабываемой прелести Тургеневской поэзіи, очарованія тогдашняго русскаго простора и всяческаго изобилія, очарованія дворянскихъ гнѣздъ и русской деревни — кто изъ насъ, юношей 80-хъ годовъ, не появлялся въ столицу въ тогѣ Базарова или Рудина, неся загадочному Петербургу изъ захолустьевъ Елизаветграда, Симферополя, Харькова, вмѣстѣ

съ крѣпкимъ загаромъ лица, смуту поэтическихъ 18-лѣтнихъ душъ... Тревожила ли насъ, кончавшихъ тогда среднюю школу, хотя въ какой-либо мѣрѣ политика? — Можно смѣло сказать, что тогдашній 18-19-лѣтній провинціальный мальчикъ средняго типа политикой затронуть не былъ; въ его мышленіи не было ничего хотя бы сколько-нибудь похожего на политическую опредѣленность, даже на устремленность къ политикѣ, на вкусъ къ ней. Была, правда, нѣкоторая, свойственная возрасту, а русскому мальчику свойственная особенно, внутренняя взбудораженность, неопредѣленная тяга къ шумному общему поступку, общему выступленію — вѣроятный плодъ дефектовъ нашего воспитанія. Знали мы кое-что о Герценѣ, знали о «хожденіи въ народъ», увлекались подчасъ героями Шпильгагенскаго романа Лео и Туски*).

Попади мы студентами въ иную обстановку, не ту, въ которую мы попали послѣ страшнаго 1881 года, изъ насъ, можетъ быть, и сложились бы къ нашему несчастью «политическіе дѣятели» студенческихъ движеній 60 и 70 годовъ и многіе изъ насъ могли бы закончить свои дни въ ссылкахъ и тюрьмахъ. Вѣдь помню же я, будучи гимназистомъ 2-3 класса, «хожденіе въ народъ» и аресты даже среди нашихъ реалистовъ старшихъ классовъ, помню длинноволосыхъ студентовъ въ пледяхъ съ суковатыми палками въ рукахъ — форма нашихъ народниковъ...

Мы были одними изъ первыхъ, пришедшими изъ провинціи въ столицу послѣ кошмаровъ послѣднихъ годовъ царствованія несчастнаго императора Александра II. Тѣ годы были во многомъ годами большого общественнаго развала, почти общенациональнаго безумія, когда въ какомъ то подобіи общаго патологическаго гипноза, былъ въ сущности общественно травимъ, затравленъ и звѣрски послѣ многихъ покушеній, наконецъ, убитъ террористами тотъ, на котораго, казалось бы, не могла подняться ни одна русская рука.

Я не преувеличиваю обстановки — вотъ что говорятъ о ней современники: Де-Вогюэ (Мельхиоръ, виконтъ)**), бывшій съ 1877 года секретаремъ французскаго посольства, говоря въ своихъ воспоминаніяхъ о неблагоприятномъ для Россіи оѣщеніи Берлинскаго конгресса (послѣ войны 1877-78 г.) пишетъ: «Общее чувство недовольства, почти презрѣнія противъ императора очень поражаетъ». — Какъ извѣстно, русская общественность всю отвѣтственность за наши неудачи на Берлинскомъ конгрессѣ возложила на Александра II. Тяжелыми, какъ свинецъ, словами записываетъ де-Вогюэ впечатлѣнія отъ празд-

*) „Одинъ въ полѣ не воинъ“ Шпильгагена.

***) Journal du vicomte E. M. de Vogué. Paris-St. Petersburg 1877-1883.

нованія 25-лѣтія царствованія Александра II (19 февраля 1880 года): «Большой его день, если бы это слово подходило; день удручающій и унылый, вонючая отъ оттепели грязь, все сѣро и грязно, какъ конецъ этого прекраснаго царствованія, 25-лѣтіе котораго празднують» и дальше: «Александръ II появляется, какъ призракъ. Никогда я не видѣлъ его такимъ жалкимъ, постарѣвшимъ, надорваннымъ, задыхающимся на каждомъ словѣ отъ астмы». Вотъ какъ записываетъ де-Вогюэ впечатлѣнія дня 1-го марта: «Я думаю объ этомъ бѣдномъ человѣкѣ, слабомъ и добромъ, который былъ моимъ посаженнымъ отцомъ три года назадъ, и который погибъ такъ трагически въ крови и позорѣ преступленія. Освободить однимъ своимъ словомъ 50 миллионъ людей и умереть въ своей столицѣ, какъ затравленный звѣрь». «Настоящій подкопъ, говоритъ де-Вогюэ, это ненависть, которая бродитъ подъ нашими ногами... страшный, плохо созданный міръ». И какъ жуткій, непонятный фонъ: «У прохожихъ (день 1-го марта, послѣ убійства) — обычный спокойный и безпечный видъ. Никакого любопытства, никакого волненія на улицѣ». Атмосфера, въ которой жила тогдѣшняя Россія, была такъ катастрофична, что вызвала у де-Вогюэ увѣренность въ ближайшемъ крушеніи Имперіи...

Другой наблюдатель, русскій «красный» журналистъ того времени — Іер. Ясинскій, пишетъ въ своихъ воспоминаніяхъ о времени, близко предшествующемъ 1-му марта 1881 г.*): «Когда я встрѣчался гдѣ-нибудь на улицѣ съ чиновнымъ журналистомъ Воропановымъ или съ другимъ подобнымъ ему либеральнымъ писателемъ, напр., съ Арсеніемъ Введенскимъ или съ „бонапартистомъ“ изъ „Голоса“ Загуляевымъ, они, подозрѣвая меня въ сношеніяхъ съ террористами, понижали голосъ и жадно спрашивали, удерживая за руку: — „Ну, что, скоро?“ — „Что именно скоро?“, въ свою очередь спрашивалъ я. — „Да то, что уже надоѣло ждать, что носится въ воздухѣ“... Ясинскій говоритъ, что онъ не имѣлъ непосредственныхъ сношеній съ террористами, но, конечно, пишетъ онъ, «я чувствовалъ и даже, можетъ быть, больше, чѣмъ другіе, что трагедія приближается къ концу и что это неизбежно».

Э. А. Штакеншнейдеръ, одна изъ представительницъ тогдѣшней русской интеллигенціи, тонкая наблюдательница общественныхъ настроеній, пишетъ о времени 1880-1881 годовъ: «Духъ, царящій въ обществѣ, можетъ привести въ ужасъ и тоску». Она рассказываетъ о томъ сочувствіи, съ которымъ относились къ террористамъ ея знакомые, люди средніе, вполне благонадежные и лояльные — «Гартманъ (директоръ лицея), говоря о Лизогубѣ, казненномъ въ Одессѣ, превозносилъ его умъ и его развитость до небесъ». А его дочь говорила, что

*) Іер. Ясинскій — „Романъ моей жизни“. Гос. Изд. Москва. 1926 г.

показанія Гольденберга, другого террориста, осужденнаго по тому же процессу, «такъ чудесно, что самъ Гольденбергъ такъ симпатиченъ, что она оторваться не могла отъ газетъ, когда читала его показанія въ первый разъ». Они, кончаетъ Штакеншнейдеръ, «не могутъ не говорить такъ, потому что такъ говорятъ всѣ».

Суворинъ вспоминаетъ въ дневникѣ свой разговоръ съ Достоевскимъ: «Обсуждая это событіе (покушеніе Млодецкаго на Лорисъ-Меликова), Достоевскій остановился на странномъ отношеніи общества къ преступленіямъ этимъ. Общество какъ будто сочувствовало имъ, или ближе къ истинѣ, не знало хорошенько, какъ къ нимъ относиться» (стр. 15 Дневника).

Я позволяю себѣ привести эти выписки изъ воспоминаній лицъ, принадлежавшихъ къ разнымъ общественнымъ слоямъ, ярко и согласно иллюстрирующихъ время, непосредственно предшествующее началу моего студенчества.

Затронуло ли насъ, тогда еще реалистовъ 5-6 классовъ, въ какой-либо степени это время кошмарнаго общаго возбужденія, когда съ убійствомъ царя связывалась неизбѣжность жадно ожидаемаго возстанія, революціи, выступленія студентовъ съ «краснымъ знаменемъ»? — Моя память не сохранила мнѣ никакихъ воспоминаній, связанныхъ съ политическими особенностями этого времени. Мнѣ было 15 лѣтъ въ началѣ 81 года и я не помню, какъ реагировала на событіе 1-го марта среда, меня окружавшая въ Харьковѣ. Ярко помню, однако, утро, вѣроятно 2-го марта, когда нашъ дворникъ-хохолъ Власть Морока, внося кипящій самоваръ въ столовую, сказалъ отцу: «А чи Вы чули, кажуть царя вбито». Помню отца, закрывшаго лицо руками и вскрикнувшаго: «Боже мой, Боже мой, что это дѣлается».

Въ Петербургъ я пріѣхалъ осенью 83 года. Настроение студенчества, особенно той зеленой, почти сплошь провинціальной молодежи, которая меня окружала, было спокойное — студенты I-го курса и по молодости лѣтъ и по своему провинциализму были, какъ сказали бы теперь, политически не только мало, но почти совсѣмъ не сознательны. Очень хорошо, однако, помню то безмолвное и настороженно-враждебное отношеніе, которое я встрѣтилъ даже въ старшихъ студенческихъ кругахъ Горнаго Института къ памяти студента Института Рысакова, фактическаго убійцы Александра II: если о немъ и разсказывали знавшіе его студенты, то, указывая на его несимпатичныя, отталкивающія черты: угрюмый, нелюдимый, тупой, — ни тѣни желанія увидѣть въ немъ героя.

Эпоха царствованія Александра III ознаменована, по общему мнѣнію, уже съ самаго ея начала, временемъ тяжелой политической реакціи — такъ объ этомъ мы, тогдашняя моло-

дежь, узнали только потомъ, когда вошли въ годы политической зрѣлости. Студентами мы не ощущали политической стороны реакціи; быть же прежней, болѣе вольной студенческой жизни былъ намъ неизвѣстенъ — мы были наглухо и накрѣпко отъ него отрѣзаны событіемъ 1-го марта, создавшимъ въ сущности рѣзкій рубежь, думаю, во всей тогдашней некрайней общественности. Большое возбужденіе конца царствованія Александра II, закончившееся чуть ли не общественно-предъумышленнымъ его убійствомъ, не могло не повлечь за собой реакціи, оно дѣлало ее въ сущности неизбѣжной. Поэтому, можетъ быть, эта реакція была не столь замѣтной — «реакція» была вездѣ, не только на правительственныхъ верхахъ; всѣ какъ бы остановились, осознавъ преступное безуміе совершившагося...

Чѣмъ и какъ жила тогда студенческая молодежь? — Студенческіе годы періода 83-89 г. г. прошли въ смыслѣ политическихъ настроеній на рѣдкость тускло — у насъ въ Горн. Институтѣ за всѣ 6 лѣтъ моего студенчества не было ни одной сходки, почти не было и политическихъ кружковъ. Начальные годы студенчества были, увы, принесены въ жертву, главнымъ образомъ, полученной самостоятельности: вылетѣвъ въ 18 лѣтъ изъ родного гнѣзда въ заманчивую, полную соблазновъ сутолоку Петербурга, многіе изъ насъ проводили много времени въ праздномъ шатаніи по Петербургу, часто въ трактирахъ за билліардомъ и, что грѣха таить, за водочкой... Многіе, часто до забвенія своихъ обязанностей, увлекались музыкой — это время было временемъ яркаго расцвѣта русской музыки: я знаю студентовъ, ни разу не бывшихъ въ итальянской, тогда еще великолѣпной оперѣ, и слышавшихъ десятки разъ «Руслана» и «Онѣгина».

Какъ мы относились къ тогдашней литературѣ? Отъ Тургенева, которымъ мы еще зачитывались, будучи гимназистами, мы замѣтно отходили. Его романы перестали интересовать; даже такіе по времени написанія близкіе, какъ «Новь», уже казались внѣ жизни — ихъ эпоха слишкомъ рѣзко и сразу отъ насъ отодвинулась. Достоевскій интересовалъ много больше. Увлекали не только необычная и для молодого ума загадочно-заманчивая углубленность его героевъ, страшная напряженность фабулы, вся мрачная жуть его романовъ, но и неотразимо дѣйствовали необыкновенныя по яркой красочности отображенія Петербурга — многія событія изъ «Преступленія и Наказанія», «Идіота», «Подростка» выступали какъ живыя на фонѣ Сѣнной площади, Новой деревни и другихъ мѣстъ Петербурга. Во многомъ самъ Петербургъ, съ его для насъ, южанъ, необыкновенностью и таинственностью, способствовалъ увлеченію Достоевскимъ, особенно въ первые годы нашего студенчества. Я уже не говорю о томъ, что, напр., «Бѣ-

сы», какъ болѣе созвучные окружавшей насъ духовной и политической атмосферѣ, казались нашему пониманію уже много ближе даже Тургеневской «Нови». Читала ли тогдашняя молодежь много Толстого, занималъ ли онъ большое мѣсто въ нашей литературѣ? Насколько помню — нѣтъ. Во всякомъ случаѣ, много меньше Достоевскаго. Конечно, всѣ знали «Войну и миръ» и «Анну Каренину», но не тянуло ихъ вновь перечитывать, какъ это было съ Достоевскимъ, когда нѣкоторыя сцены, напр., въ «Преступленіи и Наказаніи» заучивались повторными чтеніями чуть не наизусть, представлялись почти лично пережитыми. Большіе романы Толстого не захватывали насъ, можетъ быть, они вообще мало были доступны молодежи; ихъ фабула казалась намъ слишкомъ простой, герои мало героическими, слишкомъ обыкновенными людьми, кругъ дѣйствія романа, какъ въ «Аннѣ Карениной», слишкомъ чужимъ, а вся изумительная глубина и истина Толстовскаго пониманія человѣка и жизни отъ насъ ускользали — это пришло съ болѣе зрѣлымъ возрастомъ, когда Толстой сталъ во многомъ властителемъ нашихъ думъ. Не надо забывать, что время нашей молодости не знало Толстого послѣдней эпохи, Толстого покаянныхъ и проповѣдническихъ писаній — «Хозяинъ и Работникъ», «Крейцера Соната», «Смерть Ивана Ильича» были написаны позже. Появившаяся въ началѣ 80-хъ годовъ «Исповѣдь» не останавливала нашего вниманія.

Изъ современныхъ намъ молодыхъ писателей (эпохи начала 70-80 г. г.) однимъ изъ самыхъ талантливыхъ былъ несомнѣнно Гаршинъ. Я помню, что мы его очень читали. Гаршинъ привлекалъ не только своей постоянной жалостью къ людямъ, но и почти полнымъ отсутствіемъ народнической тенденціи, приближеніемъ его творчества при талантливой зарисовкѣ быта, къ трактовкѣ въ какой то мѣрѣ «вѣчныхъ вопросовъ», особенно волнующихъ молодого читателя. Событія только что минувшей войны съ ея мучительными вопросами, всегда вызываемыми нарочитымъ убійствомъ, были рассказаны просто, съ подкупающей искренностью, какъ непосредственно пережитыя авторомъ, пошедшимъ добровольцемъ на русско-турецкую войну въ 1877 году. Вопросы общественной морали, какъ, на примѣръ, большой вопросъ проституціи, этотъ, по тогдашнему выраженію, «клапанъ общественныхъ страстей», былъ остро затронутъ Гаршинымъ въ одномъ изъ его рассказовъ о личной драмѣ героя, его самоубійствѣ изъ-за любви къ проституткѣ. Вопросы назначенія искусства, его цѣлей и направленія, волновавшіе Гаршина, нашли отраженіе въ рассказѣ его «Художники». Я до сихъ поръ помню то острое тяжелое впечатлѣніе, которое вызывало у меня Гаршинское описаніе картины «Глухарь», написанной художникомъ-народникомъ (рабочаго, забивающаго заклепки котла изнутри). Художнику-

народнику, написавшему тенденціозную, полную вызова картину, противопоставлялся другой художникъ, считающій, что искусство не должно преслѣдовать общественно-обличительныхъ задачъ.

Творчество Гаршина было уже большимъ шагомъ въ сторону отъ народнической литературы 70-хъ годовъ, оно съ нимъ въ сущности порывало, вступая на новый путь отрыва отъ политики и особенно отъ революціи. Въ этомъ смыслѣ Гаршинъ былъ какой то переходной ступенью между настроеніями отошедшей эпохи и будущими, наиболѣе ярко выраженными въ литературѣ Чеховымъ. Народническая тенденціозная жалостливость 70 годовъ, очень яркая, скажемъ, у такихъ писателей, какъ Н. Златовратскій и Глѣбъ Успенскій, была замѣнена у Гаршина индивидуальнымъ гуманно-любовнымъ отношеніемъ къ людямъ, доходящимъ часто до болѣзненной остроты. Отрывъ же его отъ всяческаго «бунтарства» предыдущей эпохи виденъ, напримѣръ, въ его отношеніи къ Александру II-му. Въ описаніи царскаго смотра войскъ, идущихъ на войну («Воспоминанія рядового Иванова»), герой разсказа говоритъ, что среди блестящей свиты онъ видѣлъ только одного человѣка на сѣромъ конѣ: «Я помню, какъ по его лицу градомъ катились слезы, падающія на темное сукно мундира свѣтлыми блестящими каплями; помню судорожное движеніе руки, державшей поводъ, и дрожащія губы, говорившія что то, должно быть, привѣтствіе тысячамъ погибающихъ жизнью, о которыхъ онъ плакалъ». Всѣ эти черты Гаршинскаго творчества дѣлали его во многомъ выразителемъ и нашихъ настроеній, очень роднили его съ нами, когда, благодаря катастрофичности событій, общественная настроенность рѣзко эволюціонировала за очень короткій срокъ.

Позже начиналось сразу мало замѣтное, какъ бы еле ощущимое, но по существу огромное вліяніе Чехова. Анализируя теперь производимое имъ впечатлѣніе, видишь, что это было даже не вліяніе — мы не хотѣли себя видѣть въ его «безгероичныхъ» герояхъ. Чеховъ насъ ничему пока не училъ, какъ учили другіе писатели. Жизнь, имъ описываемая, была подчасъ безвыходно тяжела, и тѣмъ не менѣе мы подпадали подъ очарованіе его таланта и еще, можетъ быть, въ большей степени — его души. Мало того, что Чеховъ по его влюбленности въ ту природу южной «Степи» былъ особенно для насъ, южанъ, въ въ какой то мѣрѣ свой, въ немъ, въ необъяснимой, но несомнѣнно въ большой степени отражалось уловляемое даже нашимъ житейски неопытнымъ слухомъ вліяніе той эпохи, въ которую мы вступали и въ которой должны были быть «строителями жизни» — осязательно, но мало объяснимо онъ и весь былъ нашъ.

И вотъ въ чемъ еще можетъ лежать причина исключительной приближенности къ намъ Чехова: оставила ли насъ разочарованными предыдущая эпоха? Скорѣе она отошла, какъ невѣдомая и чужая. Ея романтизмъ великихъ дѣлъ и несбыточныхъ желаній, потонувшихъ въ кровавомъ угарѣ, казался намъ уже чуждымъ — инстинктивно, почти безсознательно мы отталкивались отъ всякой романтики, отъ всякой позы, отъ всего, что казалось намъ фальшью. Точный до безжалостности, почти фотографическій реализмъ Чехова, дышавшій какой то своей новой, никому не навязываемой, но казавшейся намъ настоящей правдой, больше отвѣчалъ нашимъ настроеніямъ — «такъ вотъ какова она, та настоящая Россія, въ которой намъ приходится работать и жить», — казалось, говорилъ намъ этотъ писатель, говорилъ языкомъ, полнымъ неизъяснимой прелести, жалости и поэтической грусти. Съ Чеховымъ, уже не съ Антошей Чехонте, котораго мы знали раньше, мы впрочемъ познакомились, пожалуй, на послѣднихъ курсахъ, когда изъ мальчиковъ начали приходиться къ ранней возмужалости. Помню особо остро впечатлѣніе такихъ его «южныхъ» рассказовъ, какъ «Счастье», «Степь», «Перекасти-Поле» — какой яркой красотой южной степной природы сверкали они для насъ въ туманной и холодной сырости Петербурга. Какъ въ его тогдашнихъ мелкихъ, только по внѣшности, рассказахъ «Тифъ», «Каштанка», «Имянины» и другихъ, сквозь сжатую форму изложенія переживалась до боли еле вѣдомая намъ жизнь съ ея вѣчными учительными загадками.

Помню еще, какъ мы вдвоемъ, кажется, съ старшимъ Фортунато, попали на первое представленіе его комедіи «Ивановъ». Я не скажу, что мы ее не поняли или что она намъ не понравилась, но въ ней было что то меньшее отъ Чехова, отъ лучшихъ его рассказовъ — она была лишена его живыхъ красокъ, слишкомъ схематична. Но впечатлѣніе отъ «окруженія» Иванова, отъ того захолустья провинціи, гдѣ происходитъ его драма, было до безнадежности тяжелымъ — русская провинція и русская жизнь намъ еще не казались такими. Я помню, что, идя домой послѣ спектакля, мы молчали, какъ пришибленные. Только много позднѣе, узнавъ по личному опыту русскую провинцію, я сталъ лучше понимать «Иванова», хотя, признаться, мнѣ никогда не нравились драматическія произведенія Чехова.

Какъ мы реагировали на отсутствіе политическихъ свободъ, вѣрнѣе, на общее тогда отсутствіе политическаго «интереса»? Насколько я помню, мы, студенческая масса, нисколько объ этомъ не жалѣли и ничуть не тосковали о потерянныхъ свободахъ. Наоборотъ, вспоминая много позже студенческія времена, мы, эта «сѣрая» масса, составлявшая въ сущности

чуть не 99% студенчества, благодарили судьбу за ту истинную свободу, которой мы тогда широко и невозбранно пользовались, свободу от политики, намъ тогда неинтересной и ненужной, въ сущности отъ политическаго гнета распропагандированныхъ безпокойныхъ единицъ. Похоже было на то, что мы, «собирабельное» студенчество, получили вдругъ и внѣ всякаго давленія извнѣ какой то духовный перевѣсъ надъ тѣми, которые еще нѣсколько лѣтъ назадъ были бы его признанными вождями. Средній студентъ выросъ почти до полного отталкиванія отъ того, что еще недавно составляло его политическую настроенность — «революціонная взбудораженность» студенчества 60-70-хъ годовъ исчезла сразу и вовсе не потому, что внѣшнія условия «реакціи» загнали внутрь эти настроенія — ихъ просто не было, — «революція» во всѣхъ видахъ перестала интересоваться. Эти новыя настроенія студенческой молодежи ознаменовались тѣмъ, что она оказалась именно молодежью — «русскими мальчиками», получившими право на выявленіе своей настоящей духовной сущности.

Можно было бы думать, что, благодаря наступившей реакціи, совсѣмъ исчезла оппозиціонная литература, и мы, попавъ въ литературный штиль, умственно завяли. Но это было не такъ: были у насъ изъ большихъ писателей оппозиціи и Михайловскій, и Щедринъ, и много второстепенныхъ, — да и большинство періодическихъ толстыхъ журналовъ было проникнуто, хотя бы и не всегда открыто заявляемой, оппозиціей и борьбой. И мы, тогдашніе студенты, можетъ быть, даже и въ большинствѣ, эту литературу читали — Михайловскаго и Щедрина во всякомъ случаѣ. Но уже не та была общая атмосфера и именно потому не тѣ были и мы. Блестящій Михайловскій нравился, его занимательно было читать, но и только. Щедринъ уже казался дѣланнымъ, а остальная журнальная оппозиціонная литература была просто скучна. Повторяю, что политикой подавляющее большинство нашего студенчества не интересовалось. Перебирая въ памяти тогдашнихъ студентовъ Горнаго Института, я вижу, что очень немногіе все же были затронуты политикой; политически «лѣвыми» были Погребовъ, Голубятниковъ, Садовскій, отчасти Лутугинъ, можетъ быть, Бауманъ и еще 2-3 человекъ, фамилій которыхъ я не помню; я даже не помню, чтобы они составляли «кружокъ», — помню, какъ по поводу какого то уже забытаго мною политическаго происшествія Лутугинъ, весь взволнованный и блѣдный, хотѣлъ собрать сходку и какъ никто, кромѣ 8-10 душъ, на нее не пошелъ.

Мое окруженіе. Пессимисты. Увлеченіе музыкой. Студенческій бытъ въ школѣ и дома. Роль политики. Я жилъ въ окруженіи своихъ «южанъ», главнымъ образомъ, елизаветградскихъ и симферопольскихъ реалистовъ и гимназистовъ — харьковскихъ никого, кромѣ меня, въ Горномъ Институтѣ тогда не было. Наиболѣе близкими миѣ были два брата Фортунато, сыновья агента Русскаго Общества Пароходства и Торговли въ Ялтѣ. Оба Фортунато были разносторонне талантливыми юношами — музыкальные, оба прекрасные рисовальщики, а старшій, Левъ, даже и не безъ писательскихъ дарованій. Правда, Левъ Михайловичъ не чувствовалъ тогда никакой склонности къ точнымъ наукамъ, онъ даже ушелъ изъ Института съ 1-го курса и пробылъ 4 года внѣ Института — «я не выношу химіи», сказала онъ нашему профессору химіи К. И. Лисенко. Онъ побывалъ за эти четыре года и въ консерваторіи, и въ Академіи Художествъ, годъ прожилъ въ деревнѣ у какого то пріятеля-помѣщика, былъ, какъ мы о немъ говорили, даже предводителемъ дворянства, и... черезъ 4 года, когда я уже кончалъ, поступилъ опять въ Горный Институтъ, который благополучно и кончилъ; онъ былъ затѣмъ профессоромъ металлургіи въ Екатеринбургскомъ Горномъ Институтѣ — химія его побѣдила.

Первые два года студенчества я жилъ вмѣстѣ съ обоими Фортунато — нечего говорить, что насъ соединяла особенно музыка — мы даже рѣшили устроить въ Институтѣ свой оркестръ по примѣру университетскаго, которымъ дирижировала тогда Главачъ и въ которомъ игралъ на валторнѣ А. К. Глазуновъ, потомъ знаменитый композиторъ, а тогда гимназистъ 8-го класса, замѣчательно красивый мальчикъ. Мы скоро подобрали музыкантовъ, но остановка была за ногами, которые можно было доставать только въ консерваторіи съ разрѣшенія Антона Григорьевича Рубинштейна. Просить Рубинштейна о нотахъ пошли Антонъ Фортунато и я; Левъ, будущій дирижеръ нашего оркестра, побоялся идти къ Рубинштейну — мы съ Ант. Мих. ни на чемъ не игравшіе, только любители-организаторы, были безответственнѣе, а потому безъ большаго опасенія могли разговаривать съ знаменитымъ Рубинштейномъ. Однако, помню, что и мы не безъ волненія входили въ его кабинетъ — до этого мы видѣли Рубинштейна или на эстрадѣ за роялемъ въ качествѣ непревзойденнаго тогда исполнителя, или на симфоническихъ концертахъ въ залахъ Дворянскаго собранія, величественно, подобно изваянію, сидѣвшаго на особомъ мѣстѣ. Велико было наше изумленіе, когда мы встрѣтили въ кабинетѣ директора консерваторіи замѣчательно подвижнаго, бритаго, веселаго старичка небольшого роста съ лицомъ монумента — Рубинштейна. Онъ не могъ не смѣяться, разговаривая съ нами, немусыкантами, узнавъ, что «дирижеръ» побоялся идти.

Онъ былъ очень любезенъ и разрѣшеніе на выдачу нотъ далъ — нашъ оркестръ исполнилъ въ первый разъ анданте для струннаго оркестра Чайковскаго.

Изъ лицъ, намъ въ началѣ близкихъ, я не могу не вспомнить И. Г. Поповицкаго, тоже крымчака, не бывшаго никогда студентомъ, живущимъ такъ, безъ дѣла и внѣ своего дома — его родители были довольно состоятельными людьми. Поповицкій былъ типичнымъ жизненнымъ неудачникомъ, отвлеченнымъ мечтателемъ, поэтомъ; литературно онъ былъ очень образованнымъ человекомъ, убѣжденнымъ «пессимистомъ», не безъ налета уже отошедшаго «нигилизма» — все это сводилось въ итогѣ въ сторону нелѣпаго, впрочемъ въ общемъ довольно безобиднаго, прожиганія жизни. Онъ первый познакомилъ насъ съ философіей Шопенгауера и Гартмана, бывшей тогда, какъ извѣстно, въ модѣ среди нѣкоторой части русской молодежи.

Въ сущности, «пессимизмъ» былъ какъ бы наслѣдственнымъ даромъ 70-хъ годовъ, когда онъ являлся результатомъ бесплодности исключительнаго политическаго напряженія. «Пессимизмъ» нашего времени успѣлъ также наряду съ иными особенностями отошедшей эпохи, эволюционировать, принявъ формы болѣе отвлеченнаго, книжнаго пессимизма по Шопенгауеру и Гартману, т. е. вылившись по существу въ форму гораздо болѣе безопасную.

Рядомъ съ «пессимизмомъ» надо поставить и вопросъ на тему о «самоубійствахъ», даже, какъ говорили тогда, объ «эпидеміи самоубійствъ», часто дебатировавшийся въ литературѣ предыдущей эпохи. Это печальное явленіе не было чуждо и нашему поколѣнію, но у насъ и оно принимало уже иныя формы, часто шалой безпредметности — случай, о которомъ я говорю ниже.

Къ нашему «музыкальному» окруженію того ранняго періода студенчества принадлежалъ еще милѣйшій Костинька Абраамъ, чудесный скрипачъ, вообще очень талантливый музыкантъ, отлично игравшій и на роялѣ. Нѣмецъ по происхожденію, но не говорящій по нѣмецки, блондинъ съ прелестными голубыми глазами, нѣжнымъ цвѣтомъ лица, Абраамъ былъ моимъ товарищемъ еще по первымъ классамъ Харьковскаго реального училища, гдѣ я смутно его помню, какъ вундеркинда-скрипача, выступавшаго на ученическихъ концертахъ. Изъ третьяго, кажется, класса, его перевели въ Москву, и встрѣтились мы вновь уже въ Горномъ Институтѣ. На рѣдкость скромный, изумительно молчаливый, на все всегда согласный и какъ бы внѣ житейской прозы живущій, онъ оживлялся только въ музыкѣ, повидимому, только ею и жилъ. Наша группа исколотала въ дирекціи оперы абонементъ на самую дешевую ложу для студентовъ — въ нее втискивалось иногда больше 20 человекъ; нечего говорить, что мы всѣ, Абраамъ

особенно, были самыми частыми «абонентами» оперы. Помню что Костинька приходилъ въ особое восторженное состояніе, кромѣ русской музыки, отъ музыки Бизе («Кармень»), считая его инструментовку исключительной. Абраамъ былъ мнѣ близокъ и послѣ окончанія Института, женившись на моей родственницѣ, Варюшѣ Тиме, дочери нашего профессора, и, служа одновременно со мной сначала на рудникахъ Донецкаго Бассейна, а потомъ занимая мѣсто Окружнаго Инженера (горный надзоръ) въ одномъ изъ районовъ Бахмутскаго уѣзда.

Въ связи съ воспоминаніями о части студенческой молодежи разнообразнаго типа «отчаявшихся», не могу не вспомнить о Г. И. Л., студентѣ университета, сынѣ богатаго бессарабскаго помѣщика. Изящный, очень воспитанный, живущій по студенчески богато, Л. имѣлъ хорошія знакомства въ разныхъ кругахъ, преимущественно военнаго Петербургскаго общества. Я не помню, когда и при какихъ условіяхъ я съ нимъ познакомился и сошелся; это было въ первые годы моей студенческой жизни, когда я усиленно читалъ Достоевскаго, заглядывалъ въ Шопенгауера и болѣе или менѣе офиціально для своего окруженія состоялъ «пессимистомъ». Я не помню, что заставило Л., такого же желторотаго мальчика, какъ и я, состоять тоже въ разрядѣ «пессимистовъ», сохраняя впрочемъ весь свой внѣшній въ высшей мѣрѣ «комилфотный» видъ заправскаго «бѣлоподкладочника». Нужно сказать, что Л. вовсе не былъ слабой натурой или что онъ подпалъ подъ мое или чье либо иное вліяніе — совсѣмъ нѣтъ; его натура была и сильнѣе и активнѣе моей. Думаю, что на немъ сказывалась жгучая атмосфера романовъ Достоевскаго. Можетъ быть, благодаря активности натуры, Л. не пожелалъ удовлетвориться однимъ теоретическимъ настроеніемъ пессимизма, рѣшилъ себя попытать фактически. Онъ... рѣшилъ кончить самоубійствомъ; никакихъ объективныхъ причинъ для самоубійства у него совершенно не было; даже его «пессимизмъ», не имѣющій въ сущности ничего общаго съ его очень жизненной натурой, не давалъ для этого никакихъ органическихъ данныхъ. По существу это было очень опасной для него бравадой и въ этомъ видимо и заключался внутренній смыслъ его совершенно реальной попытки покончить съ собой.

Л. жилъ со своимъ пріятелемъ и землякомъ студентомъ П., прелестнымъ, мягкимъ, добродушнымъ юношей, безраздѣльно къ нему привязаннымъ, въ него почти влюбленнымъ. Л. досталъ порошокъ ціанистаго кали, растворилъ его и выпилъ растворъ, посвятивъ обезумѣвшаго П. въ совершаемое на его глазахъ. П. бросился за докторомъ; прійдя, они застали Л. въ судорогахъ, безъ сознанія, съ пѣной у рта. Доктору удалось его спасти — порошокъ яда оказался, къ счастью,

несвѣжимъ, вывѣтрелымъ, какъ объяснялъ врачъ. Л. потомъ рассказывалъ, что послѣ принятія яда его подхватилъ и закружилъ вихрь, точно онъ попалъ въ узкій, заполненный вихремъ, корридоръ — онъ ничего не помнилъ, не ощущалъ никакой боли и пришелъ, по его словамъ, въ себя отъ противнаго ощущенія во рту «жирнаго пальца доктора». Ни безпокойства, ни раскаянія, ни сожалѣнія у Л. не было — онъ былъ по обыкновенію совершенно спокоенъ.

Л. не хотѣлъ больше травиться. Онъ избралъ другой способъ играть со смертью. Живя на 4-мъ этажѣ на Пушкинской ул., онъ садился на подоконникъ окна, выходящаго на улицу, свѣшивалъ ноги наружу и постепенно сползалъ внизъ, какъ Долоховъ, до незначительнаго выступа стѣны, еле держась руками за края окна... На улицѣ собиралась толпа, по лѣстницѣ бѣжали встревоженные дворники и полицейскій... Когда входили въ комнату, Л. уже спокойно сидѣлъ у стола.

Чѣмъ объяснить это необыкновенное безпокойство духа, проявляемое при, казалось, полномъ отсутствіи объективныхъ причинъ, — Л., какъ и большинство изъ насъ, разочарованнымъ не былъ, политическаго гнета вовсе не ощущалъ — вообще политикой не интересовался. Правда, что Л. былъ пораженъ увлекавшимъ въ тѣ времена и не одного его образомъ Ставрогина изъ «Бѣсовъ» — ему видимо очень хотѣлось быть человѣкомъ, не имѣющимъ страха, — да онъ и фактически былъ такимъ. Родись Л. на десять лѣтъ раньше, онъ могъ бы быть безстрашнымъ террористомъ и во всякомъ случаѣ украшеніемъ любого активнаго подпольнаго кружка — его завлекла бы напряженная насыщенность тогдашней атмосферы въ связи съ той внутренней шальной взбудораженностью чувствъ, которая, разнообразно проявляясь, часто безраздѣльно, а иногда и до полного безумія владѣтъ душами русскихъ двадцатилѣтнихъ юношей.

Все выше написанное о «бытѣ» тогдашней студенческой жизни относится къ моему раннему періоду студенчества, главнымъ образомъ, къ первымъ двумъ годамъ моего пребыванія въ Горномъ Институтѣ. Я пробылъ два года на 1-мъ курсѣ, заболѣвъ въ первый же годъ крупознымъ воспаленіемъ легкихъ. Въ этомъ раннемъ періодѣ, студенчество вообще мало интересуется науками, особенно точными или техническими, неспособными увлечь. Обязательство учиться пришло позже, примѣрно съ 3-го курса — молодой угаръ исчезалъ постепенно и замѣнялся необходимостью преодолѣвать сонмъ мудреныхъ наукъ горнаго дѣла.

Студенческій бытъ того времени и въ своей академической жизни рѣзко измѣнился сравнительно съ бытомъ 60-70 годовъ.

Намъ дали форму, посѣщеніе лекцій было обязательнымъ и инспекторъ студентовъ, знаменитый у насъ Илларионъ Илларионовичъ Цитовичъ, переписывалъ каждое утро по вѣшалкамъ (наличіе пальто или фуражки на номеръ студента) присутствующихъ студентовъ. За пропускъ извѣстнаго числа лекцій объявлялся выговоръ съ исключеніемъ студента послѣ третьяго выговора. Слѣдили за «правильнымъ» ношеніемъ формы: «Помилуйте-съ, говорилъ студентамъ Цитовичъ, что же это такое-съ? Форменная тужурка, а подъ ней красная рубаха», или «съ тужуркой гороховые штаны, какъ у г. Кавки» (мой товарищъ по курсу). Впрочемъ, въ жизнь студентовъ внѣ заведенія не вмѣшивались, неукоснительно требуя опредѣленнаго порядка въ его стѣнахъ. Насъ, однако, совсѣмъ не заставляли присутствовать на лекціяхъ — мы должны были быть въ стѣнахъ Института, занимаясь въ чертежныхъ, лабораторіи, музеѣ или пребывая въ нашемъ буфетѣ за чтеніемъ газетъ — за препровожденіемъ времени въ стѣнахъ Института никто не слѣдилъ. Порядокъ, котораго требовали, въ общемъ не нарушался, развѣ за исключеніемъ одного случая.

Два студента второго курса, Бисарновъ и Ширковъ, сидя праздно въ буфетѣ, рѣшили устроить пари на наибольшее количество съѣденныхъ закусокъ. Глупое пари, не безъ любопытства, однако, встрѣченное скучающимъ студенчествомъ, закончилось рвотой одного изъ нихъ. Неожиданный финалъ пари вызвалъ у большинства студентовъ смѣхъ и отвращеніе. Наше студенчество скоро забыло бы «исторію», не обративъ на нее въ сущности никакого вниманія, тѣмъ болѣе, что проигравшаго пари Бисарнова, «веселаго гуляку», но добраго малаго и отличнаго товарища почти всѣ очень любили. Но наши «лѣвые» устроили надъ «преступниками» судъ, говорились рѣчи, было вынесено общественное порицаніе, на которое, правду сказать, преступники не обратили никакого вниманія. Но что болѣе всего меня, совсѣмъ тогда желторотаго мальчика, поразило — это ненависть лютая, высокомерная и не прощающая, проявленная лѣвыми... Какъ сейчасъ помню черноволосаго, пучеглазаго, брызжущаго слюной, злобнаго обвинителя Садовскаго... Скрытая ненависть являлась, пожалуй, одной изъ характернѣйшихъ чертъ тогдашней лѣвой молодежи. Ея еще совсѣмъ недавно такая яркая активность была парализована; ея настроенія были загнаны въ подполье и внѣшне должны были вылиться въ лучшемъ случаѣ въ раздраженное недоброжелательство ко всѣмъ, не только къ инкомыслящимъ, но и къ индифферентнымъ, которыхъ было тогда огромное большинство.

Къ лѣвымъ, какъ я уже объ этомъ упоминалъ, примыкалъ и Л. И. Лутугинъ, неизмѣнный кассиръ нашего студенчества и мой однокурсникъ, будущій извѣстный геологъ и

политическій дѣятель. И вотъ что вспоминается мнѣ уже изъ моей болѣе поздней жизни, но на тему той же ненависти. Я меньше зналъ Лутугина студентомъ, но отлично узналъ его потомъ, когда мы давно уже были инженерами и когда Лутугинъ появлялся на все лѣто въ Донецкій Бассейнъ, изучая геологію угольныхъ залегацій. Л. И., обладавшій замѣчательнымъ остроуміемъ, человѣкъ съ широкимъ, многопонимающимъ умомъ, былъ почти «общимъ» пріателемъ, перекочевывая съ одного рудника, отъ одного инженера къ другому, жилъ по долгу у самыхъ разнообразныхъ людей — «подъ конецъ лѣта, говаривалъ онъ, я становлюсь мерзавцемъ». Лутугинъ не умѣлъ молчать и скрытничать, а потому съ большинствомъ лѣтнихъ пріятелей онъ сживался за лѣто тѣсно, почти интимно. И вотъ меня поразила опять уже въ зрѣломъ возрастѣ та же лютая ненависть, которая появлялась у Лутугина всякій разъ, какъ онъ вступалъ на стезю своей лѣвой общественной или политической дѣятельности. Помню начало девятисотыхъ годовъ; пріѣхавъ въ Петербургъ, я попалъ на какой то техническій съѣздъ, быстро обратившійся, какъ это было тогда въ модѣ, въ рядъ политическихъ демонстрацій. Помню, Лутугинъ проносилъ рѣчь — онъ былъ очень темпераментнымъ, хорошимъ ораторомъ, чуть-чуть митинговаго типа. Блѣдный, съ раздувающимися ноздрями, почти дрожащій, сопровождаемый оглушительными апплодисментами, сошелъ онъ съ кафедры.

Въ перерывѣ я подошелъ къ нему и сообщилъ только что полученное мною печальное извѣстіе о внезапной смерти одного изъ нашихъ ближайшихъ знакомыхъ, С. Ф. Янчевскаго, бывшаго тогда директоромъ-распорядителемъ огромнаго Щербиновскаго рудника, — Лутугинъ отлично его и его жену зналъ, такъ какъ подолгу у нихъ лѣтомъ живалъ. Мое сообщеніе вызвало со стороны Л. И. совершенно неожиданную, меня поразившую реплику, что то вродѣ того, что его, Л. И., это сообщеніе мало интересуетъ... Правда, при слѣдующей встрѣчѣ Л. И. былъ отмѣнно внимателенъ къ памяти Янчевскаго, но тяжесть перваго впечатлѣнія не могла быть заглажена. Помню еще, какъ Лутугинъ со своими друзьями «проваливалъ» на диссертациі В. В. Мурзакова, горнаго инженера, котораго я близко зналъ по работѣ на одномъ съ нимъ рудникѣ (Макѣевскомъ). Мурзаковъ искалъ ученую степень для получения права на занятіе кафедры по горному искусству. Мурзаковъ подозрѣвался Лутугинымъ въ «черносотенствѣ» и въ рукоприкладствѣ въ обращеніи съ рабочими — фактически все это было невѣрно и основывалось лишь на вздорныхъ слухахъ. Мурзаковъ былъ съ трескомъ проваленъ, несмотря на то, что официальные оппоненты признали его достойнымъ ученой степени. Я видѣлъ Мурзакова вскорѣ послѣ этой его явно нарочитой неудачи, сопровождаемой бѣшенною ненави-

стью — онъ былъ въ подавленномъ отчаяніи отъ незаслуженной обиды.

Какъ то я бродилъ съ Лутугинымъ по степямъ Славяно-сербскаго уѣзда на геологическихъ изысканіяхъ; случайно мы попали въ чью то покинутую, опустѣвшую усадьбу; пройдя пустынный дворъ и заколоченный домъ, мы очутились въ прекрасномъ заброшенномъ саду, гдѣ посреди заросшей бурьяномъ лужайки видѣлись даже слѣды бывшаго фонтана... — «Смотрите, Леонидъ Ивановичъ, воскликнулъ я, вотъ брошенное дворянское гнѣздо»... «Хра-тьфу»... было громкимъ отвѣтомъ Лутугина.

Ненависть — вотъ страшное чувство, которое бродило и тогда подъ нашими ногами. И ненависть владѣла даже Лутугинымъ вопреки его несомнѣнному умѣнію понимать, часто даже любить людей, политически инакомыслящихъ. Это былъ родъ навожденія, которымъ была такъ часто, если не всегда, опутана, почти заворожена Россія.

Прошу извинить за это мое нечаянное отступленіе — Лутугинъ былъ слишкомъ своеобразно-яркой фигурой, особенно позднѣйшихъ періодовъ русской жизни.

Возвращаясь къ описанію нашего студенческаго быта, я долженъ сказать, что не надо думать, что жизнь моихъ друзей и моя была замкнута въ своемъ одинокомъ холостомъ кругу — мы имѣли знакомства и въ семейныхъ домахъ, куда часто и навѣдывались. По воскресеньямъ оба Фортунато и я почти всегда ходили обѣдать къ Еленѣ Николаевнѣ Потапенко, женѣ извѣстнаго писателя Игнатія Николаевича Потапенко. Родственница Фортунато — милѣйшая и добрѣйшая Е. Н., гречанка по происхожденію, не жила съ мужемъ; она была некрасива и, пожалуй, мало интересна, какъ женщина, но добра и привѣтлива на рѣдкость. Ея маленькая квартирка, уютная и тихая, наполнялась по воскресеньямъ оживленнымъ разговоромъ и звуками музыки — у нея было піанино, Левъ Фортунато хорошо игралъ, а я пѣвалъ, какъ всѣ безголосые, небольшимъ баритономъ. Но наибольшее вниманіе, нечего грѣха таить, удѣлялось нами ея казавшемуся намъ изумительно вкуснымъ обѣду съ всегдашнимъ пирогомъ съ капустой къ супу, — увы, мы были почти всегда достаточно голодны; и съ какимъ жалостливымъ участіемъ смотрѣли на насъ за обѣдомъ добрыя близорукія масляны глаза Е. Н. Бывали мы иногда у брата Е. Н., Ивана Николаевича Лампси, и у ея сестры Маріи Николаевны, бывшей замужемъ за военнымъ юристомъ (морякомъ) Фишеромъ. Тамъ было больше музыки, разговоры были интереснѣе, но принужденнѣе, и въ общемъ не было ни весело, ни занятно. Лампси и его жена жили на широкую ногу, проживая, вѣрнѣе, проматывая довольно круп-

ное состояніе Ивана Николаевича, и ровно ничего не дѣлая, кромѣ посѣщенія театровъ, концертовъ, баловъ и проч., — мы въ нашей бѣдной, богемной жизни имъ были «не пара». Фишеръ былъ надутъ и чваненъ, и мы его дичились.

Бываль я еще у своей тетки Варвары Валеріановны Тиме (урожденной Фениной), жены нашего профессора Ивана Августовича Тиме, матери извѣстной впоследствии драматической артистки Елизаветы Ивановны Тиме. Сама Варвара Валеріановна была превосходной пѣвицей, она пѣла года два на сценѣ Маринскаго театра меццо-сопрановыя партіи; исполнительницей романсовъ она, говорятъ, была лучшей въ тогдашнемъ Петербургѣ. У Тиме жилъ его племянникъ — Иванъ Никаноровичъ Темниковъ, нашъ студентъ, мой однокурсникъ и на послѣднихъ курсахъ мой большой пріятель. Помню печальную случайность, особенно сблизившую меня съ Варварой Валеріановной и ея семьей — до Петербурга я ихъ совсѣмъ не зналъ и въ началѣ относился къ нимъ по студенчески сдержанно. Помню, что при переходѣ, кажется, на 3-ій курсъ, я долженъ былъ осенью держать переэкзаменовку по химіи; выдержалъ я ее въ серединѣ августа; до начала занятій оставался еще цѣлый мѣсяцъ одиночества и скуки въ Петербургѣ, такъ какъ ѣхать домой я не предполагалъ. Поэтому я съ восторгомъ принялъ предложеніе моего товарища и на этотъ разъ «коллеги» по переэкзаменовкѣ Четверикова, ѣхать къ нему въ Курскую губ. на охоту — у его жены было небольшое имѣніе въ Фатежскомъ уѣздѣ. Когда я, радостный, объявилъ объ этомъ Тиме, то Иванъ Августовичъ просилъ меня сопровождать его жену, собравшуюся ѣхать къ своему брату на югъ, въ Изюмъ. В. В. была больна, какъ онъ говорилъ, разстройствомъ нервовъ съ самихъ родовъ дочери Эльзы (будущей артистки, а тогда еще 8-мѣсячнаго ребенка) и хотѣла отдохнуть, перемѣнивъ обстановку. Несчастливая В. В. по дорогѣ сошла съ ума, заболѣвъ внезапно остро, почти буйно. Мы провели съ Четвериковымъ двое тяжелыхъ сутокъ, оберегая В. В., и еле доѣхали до Курска, гдѣ я ее сдалъ на попеченіе вызванному мною по телеграфу отцу. Долго пролѣжившись въ Харьковѣ, В. В., къ счастью, окончательно выздоровѣла.

Я не могу не упомянуть о трагической судьбѣ И. Н. Темникова, о которомъ я упоминалъ выше. Отлично окончивъ Горный Институтъ, — онъ вообще былъ превосходно занимающимся студентомъ, серьезнымъ и очень способнымъ и живымъ человѣкомъ, И. Н., уроженецъ Урала, поѣхалъ на родину, гдѣ и поступилъ инженеромъ на казенный Пермскій заводъ (въ Мотовилихѣ, около Екатеринбургa). Событія второй революціи застали его, по моему, уже въ должности управителя завода. Въ 1917 или въ 1918 году онъ и его сынъ, студентъ того же

Горнаго Института, бывшій на каникулахъ дома, были арестованы какимъ то революціоннымъ рабочимъ комитетомъ. Я не знаю подробностей злодѣянія, но знаю, что онъ и его сынъ были звѣрски замучены: имъ обоимъ отрубили руки и заперли на ночь въ баню, гдѣ они и умерли отъ истеченія крови... Прибавляли, что, такъ какъ свои рабочіе не имѣли основаній ненавидѣть Темникова, человѣка справедливаго и добраго, то «казнь» надъ нимъ, какъ надъ «врагомъ пролетаріата», совершили пришлые рабочіе... Еще одно содроганіе передъ страшнымъ фактомъ изъ исторіи преступнаго безумія русскаго народа.

Академическая жизнь. Наши профессора. Горный Институтъ съ его величавымъ, тогда уже болѣе, чѣмъ вѣковымъ фасадомъ-портикомъ, работы извѣстнаго русскаго зодчаго Воронихина, глядящимъ на Неву, и двумя огромными аллегорическими фигурами, охраняющими главный входъ, наша alma mater, съ аудиторіями, чертежными, музеемъ, химической лабораторіей, лекціями, профессорами, занимала по времени огромную часть нашей жизни. Въ моей памяти встаютъ, какъ живыя, тускляя сѣро-желтыя петербургскія утра осени и зимы; бодрое молодое настроеніе, устремленіе съ всегда жаднымъ любопытствомъ на всѣ внѣшнія явленія бытія: сначала провинціальныя улочки-линіи Васильевского острова, гдѣ я почти всегда жилъ, затѣмъ широкая съ прекрасными домами уже совсѣмъ европейская набережная Невы; задніе дворы Института — мы почему то не ходимъ на парадный ходъ, какія то старыя, гулкя подземелья, тѣсная раздѣвалка, швейцаръ Сахаровъ и, наконецъ, аудиторія, освѣщенная въ утренніе часы газомъ. И вотъ передъ моими глазами проходятъ профессора Института, въ большинствѣ большіе спеціалисты нашихъ, какъ кто то ихъ назвалъ, «мудреныхъ наукъ».

Младшіе курсы — каждый профессоръ имѣетъ свою, вѣроятно выдуманную самими студентами, неотдѣлимую отъ него исторію. Гроза студентовъ, физикъ Краевичъ, желчный пожилой человѣкъ, носящій на головѣ черную шапочку, до сихъ поръ не профессоръ, такъ какъ какой то Золотаревъ, имъ когда то «порѣзанный», появляется на всѣхъ защитахъ диссертациіи и «проваливаетъ» Краевича. Студенты такъ боятся экзамена по физикѣ, что даже вытянувъ билетъ, вызубренный на зубокъ, отъ одного страха получаютъ сплошь и рядомъ двойки.

Лекціи кристаллографіи и минералогіи читаетъ проф. Еремѣевъ, маленькій, сухой, сѣденькій старичекъ, съ очень некрасивымъ лицомъ, подбритыми усами и острыми глазками. Замѣчательный лекторъ, его минералы и кристаллы чуть не живутъ; его о нихъ рассказы почти не утомляютъ, а когда все же послѣ двухчасовой лекціи мы устаемъ, Еремѣевъ рассказы-

ваетъ забавный анекдотъ, напимѣръ, о томъ, какъ гдѣ то въ Италиі русскія незнакомыя дамы, не подозрѣвая о томъ, что онъ русскій, обругали его старой обезьяной, обвинивъ въ томъ, что и онъ, какъ всѣ итальянцы, считаетъ себя красавцемъ.

Математика — читаетъ ее порывистый, всегда «нукающій» профессоръ Георгій Августовичъ Тиме — и себя и студентовъ онъ всегда нервно подгоняетъ безпрестанно повторяемымъ «ну». Георгій Тиме, какъ его назвали въ отличіе отъ его брата Ивана Тиме, производитъ впечатлѣніе человѣка отсутствующаго, окружающей дѣйствительности онъ какъ бы не замѣчаетъ, никого изъ студентовъ въ лицо не знаетъ. Онъ такъ нетерпѣливъ и такъ повидимому увѣренъ, что студентъ не можетъ не знать, что у него выдерживали экзамень студенты, не имѣющіе понятія о билетѣ: «ну, ну, что же вы, ну чертите, ну многоугольникъ авс» — онъ говоритъ все, что долженъ былъ сказать студентъ, и ставитъ неизмѣнную тройку. У насъ рассказывали, что временами Георгій Тиме сходитъ съ ума, переодѣвается въ женское платье и такъ ходитъ по улицамъ...

Если исчезали «легенды» для профессоровъ старшихъ курсовъ, то странности для многихъ еще оставались и, удивительное дѣло, стараясь воскресить теперь совершенно объективно эти давно исчезнувшіе образы, я вижу, что многие изъ нихъ были дѣйствительно очень странными людьми.

Вотъ передъ глазами встаетъ химическая лабораторія, долгіе часы нашихъ занятій, съ ея столами-шкафиками, вытяжными шкафами, колбами, пробирками, — это царство профессора Конона Ивановича Лысенко, нашего инспектора, сѣдого, щуплага старика, ходящаго шаркающей полуразслабленной походкой, неизмѣнно носившаго горную генеральскую тужурку. Профессоръ-химикъ и прекрасный, какъ у насъ говорили, музыкантъ, братъ извѣстнаго малорусскаго композитора, Кононъ Ивановичъ былъ несомнѣннымъ большимъ чудачкомъ; запомнились, какъ всегда, главнымъ образомъ, его чудачества. Прийдешь въ его кабинетъ — Кононъ Ивановичъ сидитъ на корточкахъ на табуретѣ, смотритъ въ записную книжку и очень музыкально, хотя и неистово громко, свиститъ; долго не замѣчаетъ студента и долго не отвѣчаетъ на повторяемые вопросы. Онъ плохо запоминаетъ и лица студентовъ, часто спрашиваетъ фамиліи. Помню, какъ онъ спросилъ фамилію у студента Хованскаго, и когда тотъ себя назвалъ, заявилъ, замахавъ руками, что это не можетъ быть; подойдя черезъ нѣкоторое время къ столу, гдѣ занимался Хованскій, онъ сказалъ: «а впрочемъ, можетъ быть». Оказалось потомъ, изъ разспросовъ Конона Ивановича, что родъ князей Хованскихъ дѣйствительно давно вымеръ — нашъ же студентъ былъ просто казакомъ Хованскимъ. Замѣтивъ какъ то меня за фильтрованіемъ раствора, Кононъ Ивановичъ остановился, долго смот-

рѣлъ и сказалъ: «господинъ (такъ онъ всѣхъ называлъ), напрасно вы это дѣлаете, бросьте химію, пишите повѣсти». Когда я спросилъ о причинѣ такого страннаго совѣта, онъ сказалъ, что я похожъ на Кантемира.

Но вотъ безукоризненный, для насъ уже по внѣшности, даже величавый образъ любимаго профессора Ивана Васильевича Мушкетова, геолога и извѣстнаго путешественника, изучившаго и описавшаго геологію таинственнаго Туркестана. Внѣшне обаятельный, одѣтый всегда въ штатское, прекрасный лекторъ, онъ имѣлъ неизмѣнно переполненную аудиторію. Нравился не только онъ самъ, любили мы и его предметъ, описательную поэтическую геологію. Весь этотъ полный дѣйствительной красоты обликъ профессора и его науки дополнялся лѣтними геологическими экскурсіями, совершаемыми подъ руководствомъ Мушкетова на рѣку Волховъ; мы съ очарованіемъ смотрѣли и на красоты сѣверной природы и на геологическія залежанія породъ въ натурѣ и на самого Ивана Васильевича, декоративно выступавшаго среди насъ въ широкополой черной шляпѣ, горныхъ башмакахъ, съ геологическимъ молоткомъ въ рукахъ. Къ Ивану Васильевичу Мушкетову и къ его наукѣ я сохранилъ надолго почти влюбленную память.

Очень уважали мы и цѣнили профессора горно-заводской механики Ивана Августовича Тиме, неизмѣнно внимательнаго и доброжелательнаго къ намъ, точнаго и понятнаго въ своей наукѣ. Къ нему мы относились довѣрчиво и просто, безъ всякой опаски, не такъ, какъ къ многимъ другимъ профессорамъ; его предметъ старались учить и знать. Помню характерный для Ивана Августовича случай: мой товарищъ по курсу М. попросилъ своего брата-инженера разсчитать и вычертить для него проектъ къ выпускному экзамену. Не потрудившись, по небрежности и лѣни, даже просмотрѣть чертежъ, онъ передалъ его Тиме. М. чуть не упалъ въ обморокъ, когда на экзаменѣ увидѣлъ чертежъ, сдѣланный только въ карандашъ, съ надписью брата: «надоѣло, чортъ съ тобой, обводи тушью самъ» и приписку красными чернилами бисернымъ почеркомъ Тиме: «Къ кому собственно это относится?» Я не помню, чѣмъ кончилась эта исторія, но знаю, что Иванъ Августовичъ ни до чьего свѣдѣнія ее не довелъ.

Намъ не повезло съ нашимъ главнымъ предметомъ, горнымъ искусствомъ. Оба профессора, Романовскій и Коцовскій, читали его плохо.

Геннадій Даниловичъ Романовскій, старый горный генералъ, огромный, грузный человекъ, былъ даже для моего времени, слишкомъ примитивенъ въ своихъ знаніяхъ, читалъ скучно, долго и кропотливо рисуя на доскѣ системы крѣпленій и разработокъ, усыплялъ насъ своимъ одообразнымъ гудящимъ басомъ. Слушаешь, чертишь, записываешь (печатныхъ лекцій

нашъ профессоръ не признавалъ) и думаешь, что Романовскій живеть одинокимъ въ огромной квартирѣ и часто, рассказы-ваютъ студенты, выпивъ лишнее за ужиномъ, развлекаетъ себя катаніемъ по полу огромнаго желѣзнаго гимнастическаго шара, какъ вскакиваетъ съ постели живущій подъ нимъ про-фессоръ Войславъ, нервный и желчный полякъ, какъ бѣжитъ урезонивать расходившагося старика...

Николай Дмитріевичъ Кошовскій, читавшій, кромѣ особаго отдѣла горнаго искусства, и маркшейдерское искусство, былъ очень прилеженъ и добросовѣстенъ въ изученіи своего пред-мета, но на рѣдкость неспособенъ передать намъ свои познанія — его изложеніе оставляло часто впечатлѣніе безнадежнаго сумбура.

Я не буду говорить о сонмѣ другихъ профессоровъ нашихъ наукъ — среди нихъ были и большіе ученые, какъ палеонто-логъ Лагузень, геологъ Карпинскій, читавшій историческую геологію, потомъ извѣстный академикъ и президентъ Акаде-міи; металлургъ Юсса, химикъ Сушинъ — все это были люди большихъ знаній, но... они имѣли мало таинственнаго огня творческаго подъема изложенія, могущаго зажечь аудиторію, чѣмъ особенно отличался И. В. Мушкетовъ.

Въ итогѣ, «грызть» наши науки было невесело и кончали мы Институтъ, не такъ ужъ много зная. Мѣшало и то, что наукъ мы изучали уйму — достаточно сказать, что курсъ Института обнималъ тогда оба отдѣла горныхъ знаній — и горный и металлургическій. Вскорѣ послѣ нашего окончанія онъ былъ раздѣленъ на два отдѣла.

Національныя настроенія и величавое спо-койствіе эпохи. Тяга къ реальному труду. Воз-можности его примѣненія. Проявлялось ли у насъ, тогдашней студенческой молодежи, національное чувство? Какъ мы относились къ своей родинѣ? Можно, пожалуй, подумать, что Россіей мы не интересовались вовсе, что мы были тусклой, сѣрой массой безразличнаго ко всему, что не касается его лично, обывателя. Такое мнѣніе можетъ быть даже отчасти оправдано внѣшней обстановкой нашей жизни; въ ней не видна наша духовная сущность, она не указана никакими фактами; наша жизнь была лишена дѣйственности, какъ обще-ственной, такъ и «политической акціи», присущей молодежи 70-хъ годовъ. Политическая и общественная жизнь у насъ дѣйствительно отсутствовала, но, повторяю, это происходило вовсе не потому, что мы были подавлены «реакціей», или что мы были внутренне пусты. Общая обстановка, а еще больше общая настроенность эпохи вырвала насъ изъ того жизненнаго трафарета, въ которомъ жило студенчество до насъ, и мы

въ нашей молодости неожиданно оказались духовно «свободными». Мы были свободны использовать и выявить нашу «духовную сущность» такъ, какъ ее диктовали намъ наши индивидуальныя особенности и какъ слагало ее то «особое», что незамѣтно, безъ всякаго внѣшняго давленія и насилія, давала намъ тогдашняя русская жизнь, несущая въ себѣ много изумительныхъ и не для одного нашего молодого воспріятія особенностей. Мы, тогдашняя молодежь, были окружены прежде всего огромной, небывалой ни раньше, ни позже, талантливостью русской жизни, проявленной особенно въ сферѣ искусства. Почти при насъ появились главныя творенія музыки Чайковскаго, Римскаго-Корсакова, Бородина, былъ возстановленъ Глинка, главнымъ образомъ, «Русланомъ и Людмилой». Оперы, поставленныя съ нигдѣ неповторимымъ блескомъ и роскошью настоящей красоты, исполнялись такими исключительными художниками вокальнаго искусства, какъ Мельниковъ, Стравинскій, Васильевъ, Славина; при насъ появились на сценѣ такіе неподобные пѣвцы и актеры, какъ чета Фигнеръ, Яковлевъ, Мравина, Долина. Въ Александринскомъ театрѣ въ разцвѣтѣ силъ находились Варламовъ, Давыдовъ, Савина, Стрепетова. Яркими звѣздами блистала и современная намъ живопись — въ славу входилъ Рѣпинъ, волновалъ загадочный Нестеровъ — я не перечисляю нашихъ неподобныхъ пейзажистовъ, какъ Левитанъ, Крачковскій, маринистъ Айвазовскій...

И вездѣ и во всемъ этомъ многогранномъ, блестящемъ, какъ ослѣпительное солнце, искусствѣ — Россія, ея сюжеты, ея природа, ея исторія, какъ старая, такъ и новая — все говорило, все дышало Россіей и только Россіей... Съ какимъ жаромъ молодого энтузіазма мы впивали чарующіе звуки музыки Римскаго-Корсакова объ очаровательной сказкѣ Снѣгурочки или переносились почти до полной осязательности къ Пушкину, слушая музыкально отчеканеннаго «Евгенія Онѣгина» Чайковскаго, гениально, какъ намъ казалось, воплотившаго въ музыкѣ весь неподражаемый ароматъ Пушкинскаго творенія, съ духомъ эпохи и жизнью ея героевъ. Я не говорю уже о «Русланѣ и Людмилѣ» Глинки — этомъ мощномъ художественномъ русскомъ эпосѣ, развернутомъ въ огромныя музыкальныя полотна, количеству, разнообразію и красотѣ которыхъ завидовалъ Листъ. Еще и до сихъ поръ я помню тотъ трепетъ восторга, съ которымъ мы смотрѣли на лицо Чайковскаго, встрѣчая его въ залахъ Дворянскаго Собранія на концертахъ или въ Маринскомъ театрѣ дирижировавшимъ юбилейное представленіе «Онѣгина»; передо мной и сейчасъ стоятъ, какъ живые, его нѣсколько застѣнчивые глаза, взглядъ изподлобья и все его лицо, полное для насъ неизъяснимаго очарованія.

А наши артисты — Мельниковъ, воплощеніе русскаго величественнаго эпоса, начиная съ лица, фигуры и кончая великолѣпной игрой и неподобнымъ голосомъ — безсмертная фигура Руслана, князя Владиміра въ «Рогнѣдѣ» и стараго боярина въ «Чародѣйкѣ». Стравинскій (отецъ извѣстнаго композитора), безукоризненный въ созданіи истинно классическихъ формъ игры и пѣнія Фарлафа, Еремки («Вражья сила») и Мефистофеля — даже позднѣйшій огромный талантъ Шаляпина не смогъ для меня вытѣснить эти неповторимые образы, созданные, думаю, музыкальнымъ гениемъ Стравинскаго. Помню еще огромное впечатлѣніе отъ перваго дебюта Фигнера, выступившаго въ «Аидѣ». Можетъ быть, въ первый разъ передъ публикой предсталъ не кукольный герой ходульной оперы Верди, а подлинный поэтический образъ египетскаго юнаго полководца Радомеса, представленнаго изысканной публикѣ дебюта сдержанно-концертно, музыкально рассказанный до такой степени изящно, что даже нѣкоторое горловое своеобразіе голоса Фигнера казалось очаровательнымъ. Я помню, какъ весь партеръ всталъ — небывалое для строгой публики Мариинскаго театра явленіе, привѣтствуя Фигнера единодушнѣйшей оваціей послѣ первой его большой арии. Привѣтствовали не только безукоризненнаго пѣвца и актера, но и потомка русскаго героя 12-го года. (Фигнеръ былъ внукомъ генерала Фигнера, героя Отечественной войны). Такъ и въ этомъ моментѣ подлиннаго музыкальнаго праздника отразилось вѣяніе эпохи.

Я не стану говорить о томъ, какъ мы воспринимали другіе виды тогдашняго русскаго искусства — не преувеличу, если скажу, что всѣ эти ощущенія, бурно вошедшія въ сердце и голову воспримчиваго провинціальнаго русскаго мальчика, граничили съ безотчетностью восторга и упоенія, того преклоненнаго упоенія, за которымъ идетъ пафосъ національной гордости, гордости Россіей, ея талантами, ея мощью, непоколебимымъ спокойствіемъ ея государственнаго бытія, ея царственнѣйшей силой среди другихъ народовъ, ея Царемъ — такимъ сильнымъ, справедливымъ и величаво спокойнымъ — и таково было не наше одно, желторотыхъ юношей, ощущеніе — оно во многомъ раздѣлялось и широкими кругами общественности той, вполне зря и несправедливо зачерненной эпохи.

Тѣ же ощущенія только подкрѣплялись тогда, когда лѣтомъ, уѣзжая на каникулы, мы въ какой то мѣрѣ соприкасались съ Россіей непосредственно. Уже одно долгое тогда путешествіе (до Харькова 3 сутокъ), пусть утомительное, но широко разнообразное, длинно растянувшееся, какъ сама Россія, знакоило насъ съ разнообразіемъ и для молодого глаза даже вышнимъ великолѣпіемъ Россіи; ровная линія Николаевской дороги, сплошные лѣса съ рѣдкими деревнями и нивами, де-

рѣвянныя, рубленныя, непривычныя для нашего глаза избы; массивныя, фундаментальныя, какъ сама Николаевская эпоха, станціи — все, даже сыроватый, холодноватый воздухъ сѣвера и синевато-блѣдныя, какъ бы прозрачныя вечернія зори и ночи, все было полно неизъяснимаго очарованія. Москва, сутолочная, крикливая, шумная и кажущаяся послѣ Петербурга очень грязной, когда на дребезжащемъ извозчикѣ переѣзжаешь утромъ невыспанный, но уже бодрый съ Николаевского вокзала на Курскій.

Дорога до Орла и Курска — уже все иное; исчезъ сѣверъ, лѣсовъ мало, глазъ ласкають холмы, сравнительно частыя колокольни деревенскихъ церквей и вырастающія изрѣдка поэтическія помѣстья съ тѣнистыми садами и огороженными каменными заборами усадьбами. Все мирно, поэтично, не хочется даже спать, несмотря на почти всегда скверно проведенныя ночи. Наконецъ, бѣлая хохлацкія хаты, слѣпящее солнце, жара, пыльныя проселочныя дороги — Харьковъ, — я дома. Я мало остаюсь у родителей, живущихъ пока въ Харьковѣ и лечу дальше на югъ, гостить къ своему дядѣ въ Екатеринославскую губернію. Бахмутскія степи — какой необъятный просторъ, какимъ ароматомъ чебреца, полыни и какихъ то степныхъ травъ встрѣчаетъ меня степь. Отъ желѣзной дороги до имѣнія дяди версть 50 — дядя оказался у сосѣдняго со станціей помѣщика — домой мы ѣдемъ вмѣстѣ. Рессорный тарантасъ, мягкая дорога, колокольчикъ, бубенчики и коверъ степи съ ярко-красными цвѣтами «воронца» (дикій піонъ) и сѣро-зелеными волнами ковыля — тѣ мѣста еще изобиловали тогда цѣлинными, нетронутыми плугомъ полями, и радостно, волнующій, какъ пѣсня своей родины, звонъ безчисленныхъ жаворонковъ.

Жизнь въ усадьбѣ степного средне-зажиточнаго помѣщика, спокойная, чуть-чуть лѣнивая, раннее съ дядей вставаніе, ароматный чай съ вишневымъ вареньемъ или густыми сливками, днемъ лежаніе въ саду или шатаніе по полямъ, вдыханіе знойнаго запаха южнаго чернозема и цвѣтущаго хлѣба; вечерами частые гости съ картами, вѣчнымъ винтомъ, неторопливые спокойные разговоры о хлѣбѣ, дождѣ, сѣнокосѣ, иногда мило смѣющееся задираніе помѣщика-сосѣда столичнаго студента разговорами... о Богѣ, сотвореніи міра, опрошеніе стараго «нигилизма», излагаемаго густо-хохлацкимъ выговоромъ. Выйдешь въ садъ — чернота и ласкающій, какъ бархатъ, сухой пряный воздухъ сада и тутъ же начинающейся степи, непрестанная музыка кузнечиковъ и изрѣдка неопредѣленные ночные звуки. А если свѣтитъ луна, при полнолуніи все полно темно-серебристымъ, неподвижнымъ, какъ бы спящимъ свѣтомъ — нѣтъ и намека на сѣверную блѣдно-прозрачную свѣтлую ночь, которая уже кажется далекимъ сномъ. И опять необъятная,

спокойная, чудесная Россія... И развѣ не сожмутся челюсти, не поблѣднѣешь и не забѣгають и у тебя мурашки восторга, какъ у Бунинскаго Ростовцева*), когда будешь слушать или вспомнишь стихи Никитина: «Подъ большимъ шатромъ голубыхъ небесъ, вижу, даль степей разстилается»... «Это Ты, моя Русь державная, моя родина православная». Да, и у насъ, у тогдашней молодежи, этотъ настоящій поэтъ, пѣвецъ русской природы, Россіи, поэтъ-прасоль, Богомъ одаренный самородокъ, былъ тогда въ большомъ почетѣ... Это настроеніе о великой «державной» Россіи если и не было всеобщимъ, то все же было преобладающимъ въ кругахъ спокойной, немятущейся Россіи, а такихъ круговъ было несомнѣнное и огромное большинство.

Сознаніемъ этой русской силы и ея гордостью было проникнуто и огромное большинство студенческой массы. Эти «настроенія», которыя въ итогѣ были больше, чѣмъ настроенія, эта пусть политически и неосознанная, но ярко ощущаемая любовь ко всему, что было тогда Россіей, дало мнѣ и, думаю, многимъ изъ тогдашней молодежи прочное основаніе, спасшее насъ отъ горькихъ разочарованій, когда мы почти еще юношами столкнулись съ во многомъ неприглядной русской провинціей, гдѣ волею судьбы должна была осуществляться наша практическая работа, наша «настоящая жизнь». Эти почти всеобщія тогда настроенія отразились и на нашей большой литературѣ.

Время 80-хъ годовъ кто то назвалъ «переходнымъ» временемъ, остановкой между гребнями двухъ волнъ. Да, Россія какъ бы остановилась, задумавшись, въ послѣдній, можетъ быть, разъ вдохнула воздуха старой Руси, воздуха крѣпкой, спокойно-величавой русской исторіи, настоящаго русскаго націонализма. Да, эта эпоха, во многомъ неразгаданная и совсѣмъ неопѣненная, еще требуетъ своего безпристрастнаго историка. Вотъ какъ говорилъ объ Александрѣ III и косвенно объ эпохѣ, въ которой онъ угадывалъ «историческій смыслъ путей (ея) народа» нашъ знаменитый историкъ В. О. Ключевскій въ своей извѣстной рѣчи, посвященной памяти Александра III, тотчасъ послѣ его кончины**). «Прошло 13 лѣтъ царствованія Императора Александра III, и чѣмъ торопливѣе рука смерти спѣшила закрыть его глаза, тѣмъ шире и изумленнѣе раскрывались глаза Европы на міровое значеніе этого недолгаго царствованія». «Европа призналась, что страна, которую она считала угрозой своей цивилизаціи, стояла и стоитъ на ея стражѣ; понимаетъ, цѣнитъ, оберегаетъ ея основы не хуже ея творцовъ;

*) „Жизнь Арсеньева“.

***) Рѣчь, произнесенная въ Московскомъ Историческомъ Обществѣ (при Московскомъ Университетѣ) 28 октября 1894 г.

она признала Россію органической, необходимой частью своего культурнаго состава, кровнымъ, природнымъ членомъ семьи народовъ... и провожая въ могилу гробъ русскаго царя, она (Европа) впервые оплакиваетъ въ немъ своего европейскаго государя... Кто знаетъ, можетъ быть, это признаніе дастъ новое направленіе всему теченію международной жизни Европы... — Во всякомъ случаѣ путь русской исторической мысли становится ровнѣе и свѣтлѣе... Смерть, смежившая очи почившаго государя, яркимъ лучемъ озарила историческій смыслъ пути его народа и воскресила чувство нравственнаго единенія европейскаго міра».

В. Б. Эльяшевичъ, теперешній профессоръ, а тогда студентъ Московскаго университета, говорить о впечатлѣніи, произведенномъ рѣчью Ключевскаго, произнесенной на ближайшей послѣ смерти Александра III лекціи*): «Послѣ рѣчи Ключевскаго нѣсколько минутъ стояла гробовая тишина. Слушатели, это чувствовалось, были потрясены... Рѣчь произвела на насъ такое трогательное впечатлѣніе и такъ врѣзалась въ память, что по приходѣ съ лекціи домой, я со своимъ товарищемъ Иващенко, по памяти, безъ всякихъ записокъ, возстановили ее полностью». Какъ извѣстно, на одной изъ слѣдующихъ лекцій Ключевскій былъ встрѣченъ враждебной демонстраціей и свистками. Эльяшевичъ рассказываетъ, что его «поразили необыкновенный видъ аудиторіи. Кромѣ обычныхъ слушателей, занимавшихъ мѣста, по стѣнамъ стояла густая толпа студентовъ — все лица, которыхъ обычно на лекціяхъ Ключевскаго не было. Когда Ключевскій вошелъ, изъ этихъ рядовъ поднялся оглушительный свистъ». Демонстрація, говоритъ Эльяшевичъ, была подготовлена «Союзнымъ совѣтомъ землячества», который, «видимо, не могъ переварить характеристики, данной Ключевскимъ Александру III». Это было началомъ поднятія гребня второй волны послѣ 13-лѣтняго затишья.

А вотъ какъ реагировалъ Чеховъ на общій характеръ общественныхъ и политическихъ настроеній той эпохи. Въ своемъ письмѣ А. Н. Плещееву (9/II/1888 г.) по поводу только что написанной имъ «Степи», говоря объ одномъ изъ героевъ повѣсти, Чеховъ пишетъ: «Такія натуры, какъ озорной Дымовъ, создаются жизнью не для раскола, не для бродяжничества, не для осѣдлаго житья, а прямехонько для революціи... Революціи въ Россіи никогда не будетъ и Дымовъ кончитъ тѣмъ, что сохнетъ или попадетъ въ острогъ. Это лишній человѣкъ». Велико же было ощущение мира и спокойствія, которымъ была наполнена тогдашняя русская жизнь, если оно могло вызвать у такого тонкаго наблюдателя, какъ Чеховъ, воспріятіе, кажущееся теперь наивнымъ.

*) Студенческій сборникъ, изданный въ эмиграціи.

Бунинъ въ «Жизни Арсеньева» говоритъ объ уже упомянутомъ Ростовцевѣ, жителѣ маленькаго провинціального городка, у котораго на квартирѣ жилъ гимназистъ Арсеньевъ: «Гордость въ словахъ (Ростовцева) звучала вообще весьма не рѣдко. Гордость чѣмъ? Тѣмъ, конечно, что Ростовцевы русскіе, подлинныя русскіе, что мы живемъ той совсѣмъ особой, простой, съ виду скромной жизнью, которая и есть настоящая русская жизнь и лучше которой нѣтъ и не можетъ быть...», что эта жизнь есть вообще «порожденіе исконнаго духа Россіи, а Россія богаче, сильнѣе, праведнѣе и славнѣе всѣхъ странъ въ мірѣ». Впослѣдствіи, говоритъ Бунинъ устами Арсеньева, увидалъ я, что эта гордость «была тогда даже нѣкоторымъ знаменіемъ времени, чувствовалась въ ту пору особенно и не только въ одномъ нашемъ городѣ». Какъ бы то ни было, заключаетъ Арсеньевъ, «знаю точно, что я росъ во времена величайшей русской силы и огромнаго сознанія ея».

Память моихъ далекихъ воспріятій воскресила для меня ту далекую эпоху такъ, какъ она тогда мною переживалась. Нѣкоторое сознательное подведеніе «итоговъ» наступило позже. Они, эти итоги, говорятъ о томъ, что мы, огромное большинство молодежи 80-хъ годовъ, «восьмидесятники», какъ насъ полупрезрительно окрестили позднѣе наши русскіе либералы, въ смыслѣ политической настроенности явно отличались какъ отъ болѣе ранняго, такъ и отъ болѣе поздняго поколѣнія. Думаю, что къ намъ больше примыкало и поколѣніе 90-хъ годовъ.

Эпоха 80 и 90-хъ годовъ была не только эпохой «государственной реакціи» царствованія Александра III, но неизбѣжно и эпохой ликвидаціи старыхъ идеаловъ и увлеченій русской молодежи, ликвидаціей «нигилизма» Базарова, «хожденія въ народъ» Нежданова — социализмъ разныхъ оттѣнковъ и формъ по крайней мѣрѣ на то время рѣзко потускнѣлъ и терялъ свое обаяніе. Наступало вмѣстѣ съ сумеречнымъ временемъ Чеховской эпохи народженіе своеобразнаго рускаго, можетъ быть, даже нѣсколько грубаго и примитивнаго націонализма времени Александра III и начала царствованія Николая II-го. Начиналась эпоха не только внѣшней политической крѣпости и небывалаго роста внѣшняго вліянія Россіи, но и эпоха столь же небывалаго хозяйственнаго строительства — огромная работа экономическихъ и социальнихъ реформъ Витте — жизнь отходила отъ времени социалистическихъ и иныхъ мечтаній и начинала предъявлять требованія реальной работы и реальной мысли.

На молодое тогдашнее поколѣніе русской интеллигенціи, особенно на ея техническіе кадры, ложилась большая и отвѣтственная задача; она усугублялась тѣмъ, что оно не несло въ

эту работу никакой преемственности — старшее поколѣніе въ огромномъ большинствѣ не могло дать надлежащей выучки — наши отцы на протяженіи всей своей жизни производили въ сущности очень малую работу. Правъ Бунинъ въ «Жизни Арсеньева», когда говоритъ, что, наблюдая своего отца, «кое-что узналъ о немъ: то, что онъ никогда ничего не дѣлаетъ — онъ и, правда, проводилъ свои дни въ той счастливой праздности, которая была столь обычна тогда не только для деревенскаго дворянскаго существованія, но и вообще для русскаго». Такія же наблюденія вынесъ и пишущій эти строки и, думаю, огромное большинство нашего поколѣнія. На него легла задача почти первому вступить на путь большаго реальнаго труда.

Какова же въ самомъ дѣлѣ была духовная среда, окружавшая наше вступающее на работу молодое поколѣніе? Что говорить, напримѣръ, о той эпохѣ ея талантливѣйшій бытописатель Чеховъ? Въ письмѣ къ Суворину отъ 1892 г. (Письма. Т. 4, стр. 154) вотъ что говоритъ онъ объ идеалахъ современныхъ ему молодыхъ писателей: «У насъ нѣтъ ни ближайшихъ, ни отдаленныхъ цѣлей и въ нашей душѣ хоть шаромъ покати. Политики у насъ нѣтъ, въ революцію мы не вѣримъ». «Болѣзнь это или нѣтъ — дѣло не въ названіи, но сознаться надо, что положеніе наше хуже губернаторскаго». «Не я виноватъ въ своей болѣзни и не мнѣ лѣчить себя, ибо болѣзнь сія, надо полагать, имѣетъ свои скрытыя отъ насъ хорошія цѣли и послана не даромъ...» Въ 1888 г. онъ писалъ Суворину по поводу своей комедіи «Ивановъ»: «Разочарованность, апатія, нервная рыхлость и утомляемость являются непремѣннымъ слѣдствіемъ чрезмѣрной возбудимости... Возьмите настоящее. Соціализмъ — одинъ изъ видовъ возбужденія. Гдѣ же онъ? Онъ въ письмѣ Тихомірова къ царю. Соціалисты пожелались и критикуютъ земство. Гдѣ либерализмъ? — Даже Михайловскій говоритъ, что всѣ шашки теперь смѣшались».

Россія, пожалуй, даже въ лицѣ ея главной интеллигентской массы, находится на рубежѣ, на переломѣ; разрушены или подорваны старые идеалы, сейчасъ пока ничего нѣтъ имъ на смѣну, «шашки смѣшаны». На лицо болѣзнь переутомленія старой беспочвенностью, нашей извѣчной «оторванностью отъ среды». Въ рукахъ у русской тогдашней интеллигенціи еще нѣтъ настоящаго творческаго дѣла, а реально безпредметныя, а потому и бездѣльныя мечты ей уже пріѣлись — она жаждетъ здоровья въ творческомъ «дѣлѣ» въ какой угодно области, именно дѣла, дѣйствія, созиданія, но его пока не находитъ. И дѣйствительно, по тому же Чехову, какъ ярко преображается интеллигенція, когда находитъ хотя бы временное настоящее «дѣло», пусть это дѣло будетъ только борьба съ холерой. Въ 1892 г. Чеховъ пишетъ Суворину: «Интели-

генція (на холерѣ) работаетъ шибко, не щадя ни живота, ни денегъ; я вижу ее каждый день и умиляюсь... Въ Нижнемѣ врачи и вообще культурные люди дѣлають чудеса».

Замѣчательно, какъ наравнѣ съ другими общественными теченіями предыдущей эпохи началъ эволюціонировать, во всякомъ случаѣ среди молодежи, въ частности и взглядъ на задачи инженерства. Еще 10-15 лѣтъ назадъ самое слово «инженеръ» было синонимомъ стяжателя, чуть ли не сплошь беззастѣнчиваго хищника — явные отголоски времени желѣзно-дорожнаго строительства 70-хъ годовъ. Литература 70-хъ, начала 80-хъ годовъ упоминаетъ объ инженерѣ только какъ о хищникѣ. Гаршинъ не составляетъ исключенія — онъ самъ, начавъ свое образованіе въ Горномъ Институтѣ и оставивъ его временно для войны, поступаетъ затѣмъ вольнослушателемъ въ Университетъ, не пожелавъ быть инженеромъ.

Экономическія реформы Александра III, о чемъ я говорю ниже, значительно оздоровивъ общую хозяйственную атмосферу, во многомъ измѣнили и обстановку инженерской работы, въ частности и для инженеровъ-путейцевъ, полную раньше большихъ соблазновъ. Мы же, горняки, особенно стремившіеся на югъ, южане, знали, что насъ ожидаетъ, пожалуй, только тяжелый трудъ въ невзрачной обстановкѣ нашей провинціи и тогдашней пока слабо развитой промышленности.

Скажу въ заключеніе нѣсколько словъ о тѣхъ возможностяхъ, которыя давала интеллигентному работнику тогдашняя русская жизнь въ области практической работы, на «дѣлѣ» хозяйственнаго созиданія.

Главный русскій интеллигентскій промыселъ — помѣщичье сельское хозяйство, находившійся почти сплошь въ дворянскихъ рукахъ, являлъ всѣ признаки жалкаго оскудѣнія — половина помѣщичьей земли была въ сущности оставлена своими хозяевами; она обрабатывалась съ культурно-хозяйственной стороны нелѣпой краткосрочной арендой. Экономически правильное веденіе помѣщичьяго хозяйства представлялось вообще исключеніемъ. Я не стану останавливаться на причинахъ этого явленія, но скажу, что далеко не все исчерпывалось недѣловитостью русскаго дворянства, его неумѣніемъ вести хозяйство. Конечно, наследственно-воспитанное отсутствіе бережливости, скорѣе склонность къ расточительности — это наследство крѣпостного права давало плохую основу для веденія сельскаго хозяйства, сплошь построеннаго на мелкой, почти скопидомной бережливости. Но помимо этихъ причинъ безнадежно плохого состоянія помѣщичьяго хозяйства, можетъ быть, и сильно преувеличенныхъ, — работали же и очень успѣшно дворяне въ другихъ хозяйственныхъ областяхъ, существовали и другія, пожалуй, важнѣйшія, чисто экономическія причины:

мелкое и среднее сельское хозяйство было в Россіи въ сущности всегда убыточнымъ. Непомѣрно низкія цѣны на хлѣбъ, слагавшіяся нашимъ въ существѣ подчиненнымъ нѣмецкой указкѣ экспортомъ; исторически сложившаяся низкая техника средняго и мелкаго, почти сплошь зернового хозяйства, крайне медленно поддающаяся усовершенствованію; примитивность покупательскаго рынка, лежавшая въ общей низкой культурѣ страны; отсутствіе коммерческихъ и иныхъ сельско-хозяйственныхъ объединеній — все это дѣлало русскій сельско-хозяйственный промыселъ занятіемъ тяжелымъ, неблагодарнымъ и въ большинствѣ разорительнымъ. Сводить концы съ концами въ сельскомъ хозяйствѣ могли или исключительно талантливые, всегда очень рѣдкіе, хозяева, или хозяйства типа «кулацкаго», построеннаго на безпощадной, разнообразной эксплуатаціи крестьянства.

Тотъ же Чеховъ изъ своего личнаго опыта въ сельскомъ хозяйствѣ пишетъ Суворину въ 1895 г.*): «Въ имѣніи трудомъ рукъ своихъ и въ потѣ лица прокормиться можно только при одномъ условіи: если будешь работать самъ, какъ мужикъ, не взирая ни на званіе, ни на поль».

Наше правительство, поддерживая всячески дворянъ, какъ служилый, общественно-представительный классъ, очень мало дѣлало для созданія ему прочной экономической базы — установленіе дешеваго кредита дворянскимъ банкомъ, — почти единственная экономическая мѣра правительства, совершенно не исчерпывало нужды. Его неумѣніе наладить и поддержать эту важнѣйшую область русскаго хозяйства становится особенно показательнымъ при сравненіи съ тщательными и постоянными заботами нѣмецкаго правительства о преуспѣваніи своего сельскаго хозяйства. Эта область хозяйства мало привлекала русскій интеллигентный трудъ.

Русская старая промышленность того времени, главнымъ образомъ, текстильная, находилась почти сплошь въ рукахъ русскаго купечества; своеобразное ея хозяйство, взрощенное въ принципахъ московскихъ лобазовъ, въ большинствѣ обходилось съ исключительно малымъ количествомъ интеллигентныхъ силъ, хозяйственно управляясь по твердой и жесткой старинкѣ, мало привлекающей русскаго интеллигента. Наконецъ, и эта старинная русская промышленность вмѣстѣ съ русскимъ купечествомъ начала переживать, въ лицѣ ея руководителей, глубокій кризисъ. Вотъ что говорить о немъ представитель одного изъ крупнѣйшихъ ея родовъ, В. П. Рябушинскій, на страницахъ журнала «Русскій Колоколъ» за 1928 годъ: «Основатель фирмы, выйдя изъ народной толщи, сохра-

*) Письма. Т. 4, стр. 376.

нядь до самой смерти тотъ укладъ жизни, въ которомъ онъ выросъ, несмотря на то, что онъ уже являлся обладателемъ значительнаго состоянія». «Сынъ основателя дѣла обыкновенно во многомъ походилъ на отца, часто превосходя его, однако, талантиностью, размахомъ и умомъ; онъ то и выводилъ фирму на широкую дорогу, дѣлая ее извѣстной на всю Россію». «Съ внука и его сверстниковъ начиналось духовное оскудѣніе хозяйской аристократіи, лежащее въ основѣ гипноза окружающей интеллигентской среды...» — гдѣ не пойдемъ дальше за разсужденіями автора. Во всякомъ случаѣ, эта старая отрасль русскаго хозяйства, по внутреннимъ и исключительнымъ причинамъ, давала какія то трещины, и новому человѣку, пришедшему извнѣ, тамъ нечего было дѣлать.

Остальная промышленность, въ томъ числѣ Уральская и Сибирская, была все же къ періоду 90-хъ годовъ развита слабо и въ общемъ не давала основы для большой созидательной работы, могущей выявить характеръ общественно-промышленнаго русскаго творчества.

Такая работа могла быть осуществлена въ томъ періодѣ русской жизни въ сущности только въ двухъ большихъ областяхъ — въ желѣзнодорожномъ хозяйствѣ и въ южной горной промышленности, получившей въ тѣ времена, благодаря интервенціи иностраннаго капитала, возможность быстрого и сильнаго развитія. Эти двѣ важнѣйшія отрасли народнаго хозяйства были тѣсно между собой связаны: производство массоваго дешеваго продукта — каменнаго угля, желѣзной руды, флюсовъ, перевозимыхъ часто на очень далекія разстоянія, требовало соотвѣтственнаго состоянія желѣзно-дорожнаго транспорта. Я не буду здѣсь останавливаться на работѣ русской технической интеллигенціи въ области желѣзно-дорожнаго хозяйства — это не моя область. Скажу только, что расширение русской европейской сѣти желѣзныхъ дорогъ, эволюція организаціи управленія сѣтью и ея эксплуатаціи росли параллельно съ ростомъ южной горной промышленности и во многомъ при близкомъ участіи въ совмѣстной работѣ южныхъ горнопромышленниковъ въ лицѣ ихъ представительнаго органа — Совѣта Съѣзда Горнопромышленниковъ Юга Россіи.

Итакъ, часть русской молодой интеллигенціи эпохи 90-900 годовъ, обученная въ высшихъ школахъ техническимъ наукамъ, нашла недостающую тогдашней русской интеллигенціи живую работу, практическое «дѣло», въ южной горной промышленности. Она не несла въ эту работу никакого промышленнаго и очень мало житейскаго опыта. Донецкій Бассейнъ, начиная съ 1895 г., развивался исключительно быстро, требованіе на техническія силы становилось очень большимъ; старая мѣстная промышленность была незначительна и по размѣрамъ и по организационнымъ формамъ, и по техникѣ — техническая и

промышленная традиція отсутствовали. Приѣхавшіе иностранные техники везли съ собой технику и навыкъ, во многомъ не отвѣчающіе русскимъ условіямъ, и совершенно не знали русской жизни — необходимо было созданіе какого то синтеза изъ всѣхъ этихъ трудныхъ и своеобразныхъ положеній. Русскія молодыя техническія силы должны были взять на себя выполненіе этой трудной задачи.

Оглядываясь назадъ къ временамъ давно ушедшимъ, можно сказать, что они эту задачу выполнили. Прослѣдимъ за главными, во многомъ своеобразными и любопытными чертами выполненія этой работы.

ГЛАВА II.

ВСТУПЛЕНИЕ ВЪ ПРАКТИЧЕСКУЮ ЖИЗНЬ. ДОНЕЦКІЙ БАССЕЙНЪ СТАРЫХЪ ВРЕМЕНЪ.

Жизнь не шутка и не забава;
жизнь даже не наслаждение...
жизнь тяжелый трудъ.

...Исполненіе долга, вотъ о чемъ
слѣдуетъ заботиться человѣку.

Тургеневъ.

Тотчасъ послѣ окончанія Горнаго Института я долженъ былъ отбывать воинскую повинность. Отбывъ ее въ Харьковѣ въ пѣхотномъ Воронежскомъ полку и выдержавъ экзамень на прапорщика запаса, я началъ искать мѣста инженера на рудникахъ Донецкаго Бассейна. Съ осени 1890 года я получилъ, и то не безъ труда, мѣсто старшаго штейгера на шахтѣ № 19 «Французской Компаніи» («Рутченковское Горнопромышленное Общество»); получить мѣсто инженера было тогда почти невозможно. Промышленное оживленіе въ Бассейнѣ началось значительно позже.

Первые годы на рудникахъ. Первые мои впечатлѣнія отъ рудничной жизни были достаточно тяжелы. Шахта № 19 (рудникъ) съ 1000-1200 рабочихъ, съ большимъ штатомъ младшихъ служащихъ, со старымъ изношеннымъ оборудованіемъ, имѣла по тому времени довольно большую добычу угля — она была наиболѣе крупной по добычѣ шахтой «Французской Компаніи».

Мое непосредственное начальство, горный инженеръ Эрнестъ Александровичъ Штедингъ, всего на два года раньше меня окончившій Институтъ, уѣхалъ въ отпускъ черезъ мѣсяцъ послѣ моего поступленія, и я очутился на шахтѣ старшимъ лицомъ съ огромной, какъ мнѣ казалось, отвѣтственностью, безъ всякаго опыта ни въ отношеніи техники дѣла, ни въ обращеніи съ рабочими и служащими. Помню, какъ я боялся всего и отвратительно спалъ ночи. Боялся взрыва котловъ, взрыва газа въ шахтѣ, обваловъ, порыва каната — однимъ словомъ, всѣ рудничныя несчастія, казалось, готовы были обрушиться на мою голову. Мнѣ снилось почти каждую ночь, что я опускаюсь по клѣти въ шахту, что обрывается канатъ и что я лечу въ пропасть — я просыпался въ поту.

Реальная обстановка во многомъ способствовала такому моему состоянію. Зима 1891 г. была на рѣдкость суровой и подъемная шахта (по которой ходили клѣти), «стволь», какъ у насъ говорили, сильно и на большую глубину обмерзаль.

Наружный, зимой очень холодный, воздух для вентиляціи рудника поступалъ въ подъемную шахту. Бока же шахты были всегда мокры какъ отъ текущей по нимъ воды, такъ и отъ обливанія ихъ водой изъ ящиковъ, въ которыхъ вода «откачивалась» изъ шахты; вмѣсто насосовъ воду поднимали въ желѣзныхъ ящикахъ, подвѣшанныхъ къ клѣтямъ. Въ результатѣ шахта обмерзала такъ, что клѣти, двигающіяся по особымъ направляющимъ («проводникамъ»), начинали иногда застревать во льду, оставаясь на вѣсу надъ пропастью въ 70-80 сажень — вся шахта была по тому времени глубока, свыше 100 саж. Въ мои обязанности старшаго штейгера входило осматривать каждое утро передъ 6-часовой смѣной «стволо» (шахту). Клѣть, въ которой я ѣхалъ, опускалась медленно, чтобы я и сопровождавшій меня шахтный плотникъ могли хорошо осмотрѣть бока шахты и оцѣнить количество намерзшаго льда. Иногда клѣть останавливалась и мы замѣчали, что канатъ (тяжелый, алойный) начиналъ ложиться на крышу клѣти. Мы висѣли, поддерживаемые только льдомъ — стоило остановившейся клѣти своей тяжестью и тяжестью каната пробить ледъ, полетѣть внизъ и порывъ каната могъ быть неизбѣжнымъ. Машинистъ, замѣчая, что машина работаетъ въ холостую и клѣть стоитъ, давалъ обратный ходъ, подымалъ клѣть повыше и, разгоняя ее затѣмъ внизъ съ наибольшей быстротой, пробивалъ клѣтью ледъ — мы летѣли стремглавъ, еле удерживаясь въ клѣти отъ невѣроятныхъ толчковъ. Всѣ эти «манипуляціи», неизбѣжныя при тогдашнихъ устройствахъ и при непрерывности суточной работы, были довольно опасны, а внѣшне крайне неприятны — что удивительнаго, что такой спускъ въ шахту снился мнѣ чуть ли не каждую ночь.

По воскресеньямъ и въ праздники оббивали ледъ въ шахтѣ. На водяномъ ящикѣ, о которомъ я говорилъ выше и который прикрѣплялся внизу клѣти на длинныхъ желѣзныхъ полосахъ, становились два плотника и оббивали кайлами ледъ, летящій съ грохотомъ внизъ. Машинистъ по сигналу плотниковъ очень осторожно и медленно то останавливалъ, то «подавалъ» клѣть все ниже и ниже. Какъ то, прійдя на шахту во время производства этой работы, я увидѣлъ «верхового» въ большой тревогѣ — плотники очень давно не давали сигнала, не отвѣчали на крикъ сверху, вообще не подавали признаковъ жизни. «Верховой» — это старшій рабочій, распоряжающійся всѣмъ движеніемъ наверху и всѣмъ движеніемъ клѣтей по шахтѣ; только по его сигналу машинистъ можетъ двинуть остановленную клѣть. Въ «верховые» назначаютъ очень опытныхъ и авторитетныхъ рабочихъ.

Волненіе верхового говорило объ опасности положенія. Дѣйствительно, отсутствіе сигналовъ снизу могло быть объяснено только тѣмъ, что плотники, стоя на скользкихъ отъ льда

окраинахъ ящика, могли сорваться внизъ. Такъ какъ и при мнѣ, несмотря на принимаемая мѣры, сигналы снизу не подавались, мы рѣшили съ наибольшей осторожностью и очень медленно подымать клѣть вверхъ, — если плотники на ящикѣ, то они, конечно, отзовутся. Сигналовъ, однако, не было, — наше волненіе достигло крайнихъ предѣловъ, когда, поднявъ клѣть, мы увидѣли, что на ящикахъ никого не было — значить, несчастные плотники сорвались и, конечно, погибли. Я пришелъ въ полное отчаяніе — это былъ «мой» первый и такой тяжелый несчастный случай... Велико же было мое изумленіе, когда «верховой» съ необыкновенными для данной обстановки ругательствами бросился къ водяному ящику — черезъ минуту изнутри ящика показались въ обмерзшихъ непромокаемыхъ буркахъ, какъ два привидѣнія, оба плотника; оказалось, что они вмѣсто оббиванія льда преблагополучно... спали въ холодномъ ледяномъ ящикѣ — «простите, ваше благородіе, выпили малость, чмели (шмели) шумѣли въ головѣ, мы и заснули...»

Вообще, отношеніе рабочихъ, особенно квалифицированныхъ, къ опасности, часто смертельной, связанной съ работой, было поистинѣ полно самага непостижимаго легкомыслія, даже бравады. Помню, какъ то директоръ, распорядитель всего рудника, французскій инженеръ Барбе сказалъ мнѣ, что хорошо было бы осмотрѣть старый вентиляціонный ходъ, могущій быть полузаваленнымъ, предупредивъ, однако, чтобы я никоимъ образомъ не ходилъ въ завѣдомо опасныя мѣста. Я «полѣзъ» туда вмѣстѣ съ «воздушнымъ»*) десятникомъ; дойдя до мѣста, гдѣ вся крѣпь оказалась поломанной и гдѣ малѣйшее неосторожное движеніе могло вызвать, если не обвалъ, то осыпаніе породы, могущее насъ засыпать, я рѣшилъ возвращаться, приказавъ и десятнику выходить «на гора»**). Потому оказалось, что десятникъ, проводивъ меня до ствола, пошелъ назадъ и пролѣзъ весь вентиляціонный ходъ. «Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, рассказывалъ онъ, пришлось протискиваться среди поломанной крѣпи силкомъ; а крѣпь трещала кругомъ, какъ выстрѣлы». Богъ знаетъ, зачѣмъ онъ это сдѣлалъ — никто его не посылалъ, едва ли онъ хотѣлъ и выслужаться — вѣроятно, показалась заманчивой хоть эта «новизна» впечатлѣнія среди скуки рудничной жизни.

А скука, однообразіе исключительно сѣрой жизни были убійственны. Кругомъ, ровная, какъ доска, степь, даже безъ овраговъ, зимой ослѣпительно бѣлая, ранней весной черная съ снѣжными прогалинами, чудесная только раннимъ лѣтомъ, разцвѣченная краснымъ цвѣтомъ «воронца» (дикимъ піономъ) и оглашаемая, какъ звономъ, пѣніемъ сотенъ жаворонковъ.

*) Десятникъ по надзору за вентиляціей рудника.

***) Такъ шахтеры называютъ подъемъ людей на поверхность.

Но и эта красота отравлялась шахтой и ея такъ неидуцей къ весенней степи нарочито прозаической обстановкой, особенно огромными кучами наваленной бѣловато-сѣрой породы, горящей зловонной сѣрой, гдѣ въ бѣловатомъ дыму всегда копошились силуэты людей, опрокидывающихъ вагонетки съ породой. Я помню странное ощущение «неволи», которое часто охватывало меня въ первые годы моей службы на рудникахъ, особенно острое весной... Появлялось страстное желаніе бѣжать, тоска давила до слезъ.

Обстановка личной жизни молодого инженера была въ тѣ годы исключительно тяжела. Моя квартира состояла изъ одной комнаты, перегородженной деревянной перегородкой, недоходящей до потолка — за перегородкой помѣщалась старуха прислуга. Лошади для выѣздовъ я не имѣлъ, а сосѣдніе инженеры жили далеко. Помню, какъ я былъ счастливъ, когда изъ шахты выдали на время для отдыха одну изъ лошадей и я взялъ ее себѣ для верховой ѣзды, довольно впрочемъ неспокойной: лошадь пробыла въ рудникѣ довольно долго, отвыкла отъ свѣта и отъ разнообразія дневной поверхности — она боялась всего, рѣзко бросаясь въ сторону передъ кучами снѣга, даже передъ кустами старой травы.

Наша рудничная «публика» — мое непосредственное окруженіе, состояла изъ неинтеллигентныхъ людей, младшихъ служащихъ шахты; нравы были таковы, что двѣ наши «дамы», поссорившись какъ то между собой, кончили тѣмъ, что подрались... Мало того, обиженная пришла ко мнѣ жаловаться — это было въ то время, когда я замѣнялъ Штедингга и былъ «верховнымъ» распорядителемъ шахты.

По воскресеньямъ инженеры, въ числѣ ихъ и я, ѣздили на обѣдъ къ директору Барбье: обязательный французскій языкъ, чужіе по культурѣ люди не давали нужнаго отдыха. Отдыхали мы, попадая изрѣдка въ свою среду, когда ѣздили, на примѣръ, въ Юзовку, въ культурную семью юзовскаго доктора или въ иную русскую интеллигентную семью, но таковыхъ было мало въ тогдашнемъ нашемъ окруженіи.

Изъ «Французской Компаніи» я перешелъ черезъ 6 мѣсяцевъ на рудникъ Карпова, гдѣ состоялъ даже какимъ то подобіемъ управляющаго; служба была тяжелая, благодаря характеру Карпова, о чемъ я скажу ниже. Обстановка же жизни измѣнилась: я имѣлъ квартиру и лошадей, но окруженіе оставалось прежнимъ. Черезъ годъ я поступилъ завѣдующимъ шахтой на рудникъ Иловайскихъ, о чемъ я дальше говорю подробно.

Тусклая тяжесть обстановки рудничной жизни, во многомъ и самой работы, продолжалась для меня вплоть до 1895 года, когда я перешелъ на совершенно новое большое дѣло къ бельгійцамъ. Пять первыхъ лѣтъ прошли во многомъ тяжелымъ

кошмаромъ — въ такой обстановкѣ русскіе часто спиваются, и я знаю не мало такихъ примѣровъ именно среди рудничныхъ инженеровъ. И все же ни я, ни близкіе мнѣ сосѣди и сослуживцы инженеры, за малыми лишь исключеніями, не бросали рудниковъ, не пытались устроиться на болѣе спокойную казенную службу. Работа инженера на рудникѣ, при настойчивости и систематичности, не столь, правда, частыхъ качествахъ русскаго человѣка, давала съ теченіемъ времени все болѣе и болѣе духовнаго удовлетворенія. Прежде всего, мы очень близко сживались съ рабочими — они въ концѣ концовъ представлялись намъ какимъ то одноликимъ шахтнымъ коллективомъ, спаяннымъ съ нами невидимыми, но тѣсными нитями; коллективъ въ разныхъ индивидуальностяхъ почти неразличимый, обладалъ всѣми свойствами русскаго простаго народа и, освоивъ эти его свойства, съ нимъ не только не трудно, но часто даже пріятно было работать. Наконецъ, долгая и непрерывная работа въ одной области роднила и съ самымъ рудникомъ, какъ мѣстомъ все же своего творчества — подъ конецъ даже сама внѣшняя обстановка рудничной работы, даже воздухъ рудника, остро-своеобразный, не лишены были возбуждающей бодрящей прелести...

Рудничный инженеръ и шахтеръ. Мало кому извѣстна обстановка жизни и работы насъ, рудничныхъ инженеровъ, а потому я остановлюсь подробнѣе на общемъ описаніи быта, работы рудничнаго инженера и жизни каменноугольнаго рабочаго, того «шахтера», который во многомъ еще являлся и на рудникѣ и въ своей деревнѣ пугаломъ тишины, спокойствія и порядка.

Прежде всего я долженъ особо подчеркнуть одну важнѣйшую черту инженернаго «быта» Донецкаго Бассейна тѣхъ временъ: среди русскихъ южныхъ инженеровъ особенно высоко, до полной безупречности выдерживалась сторона этическая — высокая добросовѣстность въ отношеніи хозяина — я за свою долгую работу практическаго инженера, какъ въ непосредственной совмѣстной работѣ, такъ и наблюдая со стороны сотни инженеровъ, не встрѣтилъ ни одного этически недобросовѣстнаго человѣка, за ничтожнымъ исключеніемъ одного-двухъ заклеянныхъ и немедленно общественно отверженныхъ.

Отношеніе къ начальству, къ подчиненнымъ, къ сослуживцамъ слагалось на горнопромышленномъ югѣ по особому, внѣ вліянія отсутствующихъ традицій и внѣ вліянія западно-европейскихъ образцовъ, которые, казалось, могли бы разсчитывать на подражаніе, слѣдуя за примѣромъ, даваемымъ иностранцами, пріѣзжающими позже въ большемъ числѣ въ Донецкій Бассейнъ. Холодность и непреклонность дисциплинарнаго подчиненія, выраженнаго часто въ формахъ оскорбитель-

ныхъ для русскаго вольнолюбія, и столь частыя, если не общераспространенныя въ западной промышленности, были безмолвно отвергнуты. Въ русской дѣйствительности дисциплинарность подчиненія замѣнилась формой нѣкоего товарищескаго сослуженія, сумѣвшаго сочетать дѣйствительную строгость служебной дисциплины съ постояннымъ, даже и въ мелочахъ повседневныхъ отношеній, уваженіемъ къ личности подчиненнаго. Мало того, исходя изъ опыта долготѣныхъ наблюденій надъ иностранцами, работавшими въ Россіи, я готовъ утверждать, что скорѣе они подчинялись смягчающему вліянію русской обстановки.

Еще въ болѣе рѣзкой формѣ отличалось отъ западноевропейскаго отношеніе русскихъ инженеровъ къ рабочимъ. Отсутствіе рабочихъ организацій, составъ рабочихъ — въ большинствѣ крестьянъ, непорвавшихъ окончательно съ землей и приходящихъ на рудники временно на заработки (часто посезонно — лѣтомъ одни, а зимой другіе), — все это ставило рабочаго въ непосредственныя личныя отношенія къ инженеру, ведущему работы; мелкія подрядныя и артельныя рабочія организаціи нисколько этому не мѣшали, такъ какъ обычно были очень недолговѣчны, часто распадаясь для новаго состава. Наконецъ, русскій рабочій очень любилъ и цѣнилъ эту непосредственность отношеній и, нужно сказать безъ всякаго преувеличенія, что рудничные инженеры сумѣли завоевать прочныя симпатіи со стороны рабочихъ; въ огромномъ большинствѣ, инженеръ съ исключительнымъ вниманіемъ относился къ рабочимъ, неизбѣжно входя во всѣ, часто очень мрачныя стороны рабочаго быта. Рабочій приносилъ изъ деревни не только всѣ особенности своего «мужичьяго» быта, но неизбѣжно сгузаль эту же своеобразіемъ «шахтерской жизни». Если Чеховъ находилъ, что въ деревнѣ «водку трескають отчаянно и нечистоты нравственной и физической тоже отчаянно много», то всего этого было, конечно, много больше на рудникахъ — недаромъ «шахтеры» пользовались всегда такой печальной репутаціей. И все же скажу, по опыту многолѣтняго близкаго сожительства съ русскими рудничными рабочими, что эта репутація мало ими заслужена — въ основѣ они были не лучше, но и не хуже русскихъ мужиковъ, сохраняя не только всѣ ихъ дурныя, но во многомъ и исключительно хорошія качества. Вотъ замѣчательная характеристика, данная тѣмъ же Чеховымъ русскому мужику: «Въ большинствѣ это были нервные, раздраженные, оскорбленные люди. Съ подавленнымъ воображеніемъ, невѣжественные, съ бѣднымъ, тусклымъ кругозоромъ, все съ однѣми и тѣми же мыслями о сѣрой землѣ, о сѣрыхъ дняхъ, о черномъ хлѣбѣ, люди, которые хитрили, но какъ птицы прятали за дерево только одну голову, которые не умѣли считать... Въ самомъ дѣлѣ были и грязь и пьянство,

и глупость, и обманы, но при всемъ томъ, однако, чувствовалося, что жизнь мужицкая въ общемъ держится на какомъ то крѣпкомъ здоровомъ стержнѣ... приглядываясь (къ мужику) поближе, чувствуешь, что въ немъ есть... нужное и очень важное... а именно, онъ вѣрить, что главное на землѣ правда и что спасеніе его и всего народа въ одной лишь правдѣ, а потому больше всего на свѣтѣ онъ любить справедливость».

Дѣйствительно, и русскій шахтеръ въ отношеніи къ нему рудничнаго начальства больше всего цѣнилъ справедливость; онъ умѣлъ правильно понимать ее и тогда, когда она шла противъ его интересовъ — онъ былъ въ этомъ смыслѣ вполне стоекъ и надеженъ. Это рѣдкое и, пожалуй, особенно ему свойственное качество русскаго народа дѣлало работу съ нимъ не трудной, даже въ очень тяжелой неприглядности тогдашней рудничной обстановки. Эта же чуткость рабочаго къ «справедливости» заставляла лицъ, вѣдающихъ его интересами, быть особенно подтянутыми, быть въ этомъ смыслѣ всегда «на чеку» — не было въ глазахъ русскаго рабочаго клички болѣе обидной, какъ «несправедливый».

Было въ той обстановкѣ еще одно обстоятельство, сильно смягчающее отношеніе русскаго интеллигента къ «простому народу», «барина» къ «мужику» — это то, что мужикъ-рабочій не видѣлъ въ инженерѣ барина, по крайней мѣрѣ барина, сидящаго на нужной мужику землѣ — инженеръ съ точки зрѣнія мужика ничего у него не отнималъ. Наоборотъ, авторитетъ инженера, дающаго мужику выгодную работу (а она была выгоднѣе и постояннѣе другихъ), ведущаго по своему указу сложную, непонятную отдѣльному рабочему паутину большого и опаснаго дѣла, «барина» во многомъ справедливаго и часто по своему доброму, былъ очень высокъ. Несомнѣнно, что большую роль въ «близости» рабочаго и инженера играло еще и то, что работа была не только постоянна и совершалась въ томъ мѣстѣ, гдѣ жили и рабочіе, но что она уже съ внѣшности, съ темноты, сырости, неприглядности рудника объединяла всѣхъ, начиная даже съ нарочитой неприхотливости, для всѣхъ почти одинаковаго шахтнаго костюма.

При примитивной и неизбѣжной грубости обстановки шахтной работы, при несомнѣнной, всегда висящей надъ головой опасности, сначала тѣсно соприкасались, а затѣмъ и сжились люди разныхъ положеній до той интимной близости, когда часто у рабочаго «забоя» почти не было инженера и не было «шахтера» — на самой работѣ это исчезновеніе разницы положеній чувствовалось иногда съ побѣждающей силой. При этихъ особенностяхъ самой работы исчезала сама возможность грубой пренебрежительности къ меньшему брату, столь, увы, частая въ старой русской обстановкѣ.

Вотъ далекія воспоминанія изъ области бытовыхъ отношеній рудничнаго инженера и рабочаго.

Время — около 1892-93 года, мѣсто — Макѣвскіе рудники, принадлежавшіе тогда наслѣдникамъ знаменитаго въ свое время на югѣ Ив. Григ. Иловайскаго, богатѣйшаго и оригинальнѣйшаго русскаго человѣка, — это онъ описанъ въ Чеховской «Степи» подъ именемъ Варламова, — человѣкъ, который всегда «кружить» по необъятной степи, всѣмъ нужный и неуловимый.

Я былъ тогда завѣдующимъ шахтой «Сергѣй» — подъ моимъ началомъ было около 1.000 рабочихъ, почти сплошь малороссы харьковской и воронежской губерній. Типичныя хохлацкія лица, неизмѣнный хохлацкій юморъ и крайне плохое усваиваніе рудничной дисциплины. Работаютъ посезонно, полная смѣна угольнаго рабочаго состава происходитъ на Пасху и въ октябрѣ, на «Покрова», когда всѣ шахты рудника изъ-за отсутствія рабочихъ стоятъ безъ работы недѣли по двѣ, по три. Это какая то особая система хожденія «на заработки» цѣлыми деревнями, планомѣрная и видимо строго согласованная со «своимъ» хозяйствомъ въ деревнѣ — это не типъ обычнаго «бродячаго шахтера», туляка или орловца. Почти всѣ мои сезонные шахтеры работаютъ отлично, съ особой напряженностью, особенно послѣдніе 2-3 мѣсяца передъ уходомъ.

Послѣпасхальный перерывъ — приходящіе рабочіе регистрируются лично у инженера — сажу въ своемъ «кабинетѣ» — рудничная контора, какъ и мой домъ передѣланы изъ рабочей казармы; противъ моего стола окошечко въ помѣщеніе рабочей ожидальни. Появляются каріе смѣющіеся глаза, осматриваютъ комнату, останавливаются на мнѣ — вопросъ: «чи вы тутъ живеньки, здоровеньки? Прійшовъ найматься». — «Ладно, какъ фамилія?» — Обида и претензія: «хиба-жъ вы менѣ не знаете, та я-жъ у васъ лѣтомъ робивъ — Сырыця...»

И такъ почти всѣ — ни тѣни стѣсненности отношеній, никакой позы передъ «начальствомъ».

Праздники Троицы и у насъ сезонная игра — «забастовка». Рабочіе каждый годъ на Троицу требуютъ «прибавки» и почти регулярно получаютъ отказъ. Но забастовка нужна, какъ традиція, ея не миновать. Обставляется она всегда одинаковымъ ритуаломъ: примѣрно за недѣлю до Троицы рабочіе — они всѣ безсемейные и живутъ въ казармахъ — выселяются изъ казармъ въ поле, въ степь — образуется какой то оригинальный таборъ, заваленный шахтерскимъ скарбомъ — въ полѣ обѣдаютъ, въ полѣ спятъ, умываются, одѣваются на работу и въ праздникъ въ «чистое». По вечерамъ играютъ въ какія то игры, неистово улюлюкаютъ и свистятъ, всячески себя «раскачивая».

Мнѣ приходится каждый день вечеромъ, возвращаясь изъ главной конторы, проѣзжать по этому оригинальному становищу; ѣду верхомъ, какъ и подобаеть въ казачьей донской степи. Всегда останавливаютъ, окружають тѣснымъ кольцомъ, жалуются на плохіе заработки, грозятся уйти на полевья работы, требуютъ свиданія и разговора съ самимъ «хозяиномъ» — это тоже традиція, которая должна быть выполнена. Но лица не только спокойны, но даже веселы — убѣждаю, что требованіе прибавки нерезонно, такъ какъ цѣны обычно устанавливаются на Пасху на все лѣто и онѣ вѣдь приняты ими при наймѣ. Но никто меня серьезно не слушаетъ — степь такъ прекрасна, вечерній воздухъ такъ мягокъ и нѣженъ, въ степи такъ чудесно послѣ грязныхъ казармъ, — я трогаю лошадь, всѣ разступаются, я шагомъ выѣзжаю — толпа шумно разбѣгается, возвращаясь къ какому то своему, прерванному моимъ проѣздомъ, занятію.

Встрѣча съ «хозяиномъ» — однимъ изъ сыновей Иловойскаго, совладѣльцевъ рудника, устраивается обычно на третій день Троицы передъ началомъ работъ; происходитъ она на большой площади, въ полѣ, между шахтами. Рабочіе всѣхъ шахтъ собираются туда къ установленному часу — я и мой сосѣдъ, инженеръ М. М. Кованько, завѣдующій шахтой «Капитальной», пріѣзжаемъ верхами во главѣ своихъ рабочихъ — таковъ обычай: мы не только око хозяина, но мы и какъ бы добросовѣстные эксперты при возможныхъ недоразумѣніяхъ. Хозяинъ со свитой служащихъ пріѣзжаетъ на площадь кавалькадой — зрѣлище не лишено извѣстной торжественности, которая, повидимому, тоже нравится нашимъ хохламъ. Передъ хозяиномъ не выступаютъ никакіе «делегаты» — тогдашнія отношенія ихъ еще не создали. Если претензіи серьезны, если есть жалобы на непорядокъ, выступаютъ сами жалобщики; если серьезныхъ жалобъ нѣтъ, толпа выкрикиваетъ требованіе объ общей прибавкѣ. Хозяинъ, отшучиваясь, отказывается. Часа черезъ два-три церемонія обычно мирно кончается.

Я помню, впрочемъ, одну Троицу, когда «настроеніе» рабочихъ было болѣе серьезно, что угадывалось заранѣе, когда «игра» готова была перейти въ насиліе, что никогда не было исключено, ибо толпа всегда остается толпой. Тогда надо было заранѣе приглашать на «разговоръ» съ хозяиномъ взводъ военныхъ казаковъ... На другой день работы всегда возобновлялись какъ ни въ чемъ не бывало и длились безъ перерывовъ все лѣто до октября.

Рабочіе-великороссы (обычно орловцы и туляки), съ которыми мнѣ приходилось работать на другихъ рудникахъ, были болѣе нелюдимы, болѣе сумрачны и много грубѣе малороссовъ — во время забастовокъ они были гораздо неприятнѣе. Но и среди нихъ личный авторитетъ инженера былъ очень

высокъ и только въ рѣдкихъ случаяхъ столкновеніе съ рабочимъ могло выразиться единичной дерзостью, обычно тотчасъ осуждаемой другими рабочими.

Я помню, какъ мнѣ пришлось случайно присутствовать во время разговора съ бастующими рабочими моего сосѣда и пріятеля инженера Л. Г. Рабиновича, мною здѣсь поминаемаго. Одинъ изъ рабочихъ, стоящій впереди, не только курилъ во время разговоровъ, что почиталось по тогдашнимъ временамъ уже дерзостью, но пуская дымъ, не отворачивалъ лица въ сторону. Рабиновичъ выхватилъ изъ его рукъ папиросу и отшвырнулъ въ сторону. Я видѣлъ по глазамъ толпы, что она не только поняла, но и одобрила поступокъ Рабиновича.

Рабиновичъ былъ еврей, и замѣчательно, что нашъ народъ, и въ лицѣ рабочихъ, и въ лицѣ мѣстныхъ крестьянъ, никогда и никакимъ поступкомъ не выдѣлялъ его еврейство — они его очень цѣнили и любили, какъ справедливаго и простаго «барина». Мало того, крестьяне села Чугино, гдѣ жилъ Рабиновичъ, управляя «Максимовскимъ рудникомъ», задумавъ строить церковь, выбрали его предсѣдателемъ строительнаго комитета; такъ еврей Рабиновичъ выстроилъ православную церковь.

Бичемъ шахтерской жизни было сильное пьянство послѣ ежемѣсячныхъ «получекъ»; на нѣкоторыхъ рудникахъ работа тогда пріостанавливалась на 2-3 дня. Инженерамъ, завѣдующимъ рудниками, приходилось всячески и часто бесплодно бороться съ этимъ, можно сказать, русскимъ всеобщимъ зломъ, начиная съ русской деревни. Мы добивались закрытія во время получекъ кабаковъ, а потомъ даже и «казенныхъ лавокъ», подкупали сосѣднихъ крестьянъ для вынесенія приговоровъ о закрытіи «казенокъ». Наконецъ, какъ это дѣлали на Макѣевскомъ рудникѣ, гдѣ дѣйствовали еще традиціи, установленныя старымъ Иловайскимъ, не платили, вопреки закону, рабочимъ ежемѣсячно всего заработка, выдавая по мелочамъ на текущій расходъ и отсылая деньги «на родину» черезъ контору. Окончательный расчетъ производился только два раза въ году — на Пасху и на Покрова, когда рабочіе спѣшили уходить домой, унося сравнительно большія деньги, и пьянства не было. Это незаконное дѣяніе было наиболѣе дѣйствительной мѣрой въ борьбѣ съ пьянствомъ, хотя и давало много лишнихъ хлопотъ инженерамъ.

Ниже я расскажу болѣе подробно о цѣнномъ сотрудничествѣ русскаго рабочаго, которое я имѣлъ при большой работѣ новаго строительства въ 1895-1899 годахъ при постройкѣ «Вѣровскаго рудника». Могу, однако, сказать и сейчасъ, оглядываясь назадъ на длинный путь моей практической работы рудничнаго инженера, что, несмотря на всѣ тяжелыя шерохова-

тости русскаго быта, русскаго жизни, я останавливаюсь съ чувствомъ искренней симпатіи на русскомъ рабочемъ, особенно на разнаго оружія шахтномъ «мастеровомъ», включая въ эту категорію всѣхъ рабочихъ, несшихъ индивидуальную-отвѣтственную работу. Въ итогѣ это всегда типъ очень тароватаго въ постиганіи «механики» труда человѣка, способнаго къ быстрому совершенствованію, одареннаго несомнѣнной общей талантливостью. Я вспоминаю, какъ на моихъ глазахъ изъ неповоротливаго крестьянскаго парня, широко раскрытыми глазами смотрящаго на диковинную шахту, въ два-три года выработывался отличный забойщикъ, крѣпильщикъ, десятникъ, прекрасно постигнувшій тайну той особой природы, которой обладаетъ каждый угольный пласть. Съ какой простотою увѣренности настоящаго знанія крѣпильщикъ или забойщикъ показываетъ вамъ свою работу, или шахтнѣй десятникъ водить васъ, своего начальника, по своему участку и вы чувствуете въ всегда загадочной и часто жуткой темнотѣ рудника, что онъ, а не вы, лучше, вѣрнѣе и надежнѣе васъ знаетъ это свое, постигнутое имъ почти до совершенства, «хозяйство».

Шахтеръ, выбравшійся въ «люди», ставшій мастеромъ — десятникомъ, машинистомъ, забойщикомъ или крѣпильщикомъ, часто и простой чернорабочій, но стойкій, держащій себя въ рукахъ человѣкъ — шахтерское меньшинство, рабочая духовная аристократія рудника, — быстро преобразался и внѣшне: квартира — въ большинствѣ для такого рабочаго это была отдѣльная квартира, даже домикъ, — блистала чистой побѣлкой стѣнъ, картинками, приличной мебелью; около дома появлялись цвѣты и деревца. На хозяинѣ квартиры внѣ работы уже пиджакъ — изъ вчерашняго мужика выкристаллизовывался промышленный рабочій.

Остальная шахтерская «братія» — шахтерское большинство, шахтерская безнадежная деревенщина жила больше въ казармахъ — это были въ большинствѣ неквалифицированные рабочіе. Эти рабочіе имѣли почти всегда постоянную связь съ деревней, въ сущности, были мужиками, идущими въ отхожіи промыслы. Рудникъ былъ для нихъ «чужимъ», мѣстомъ для подсобнаго заработка. Нѣсколько въ сторонѣ стояла система отхожаго рудничнаго промысла, организуемаго цѣлыми деревнями для работы на опредѣленномъ рудникѣ, какъ то было въ Макѣевкѣ. Въ большинствѣ же шли на рудникъ тѣ, которыхъ людская тѣснота выпирала изъ деревни, когда кто то другой могъ выполнять нужную въ хозяйствѣ работу; въ какой то мѣрѣ это были «лишніе люди» деревни, результатъ нашей аграрной перенаселенности. Смутное сознаніе своей ненужности деревнѣ, оторванность отъ роднаго дѣла и семьи, немѣние быстро приспособиться къ новой работѣ, создавали часто психику какого то «перекати-поле»; людей, какъ внутрен-

не, такъ и внѣшне неряшливо живущихъ, всегда готовыхъ не только выпить, но и напиться, плохо и съ частыми прогулами работающихъ и сдерживаемыхъ въ рамкахъ порядка только суровой рудничной дисциплиной.

Этотъ типъ шахтера несъ съ собой и всѣ недостатки русскаго Чеховскаго и Бунинскаго мужика — и подавленность воображенія, и тусклость умонастроения, — казалось, что въ своемъ существѣ эти люди не имѣли чего то главнаго, крѣпкаго и основнаго — возможно, что мужичій хозяйственный бытъ не далъ имъ никакого хозяйственнаго «воспитанія», этого главнаго основнаго корня крестьянской психики; они поражали элементарнымъ невѣжествомъ — казалось, что ни религія, ни бытъ не оставили въ ихъ душѣ никакого слѣда, во многомъ это были совершенно темныя и если не пустыя, то ничѣмъ нетронутыя души, живущія больше инстинктомъ, чѣмъ разумомъ.

Замѣчательно то, что жизнь шахтеровъ въ какой то мѣрѣ повторяла то разслоеніе, которымъ отличался и мужичій бытъ деревни. Сходство было и въ послѣдствіяхъ разслоенія — рудникъ давалъ примѣры и своеобразнаго кулачества — этого характернаго явленія русской деревни. Переходъ удачливаго или талантливаго шахтера въ высшее состояніе сопровождался часто, особенно въ тѣ отдаленныя времена, послѣдствіями моральной корупціи: непосредственно вслѣдъ за полученіемъ власти слѣдовали хищенія и поборы — низшая братія подвергалась самой безжалостной эксплуатаціи, когда лучшія мѣста раздавались близкимъ родственникамъ, а постороннимъ только за взятки. Эксплуатація и всяческаго рода несправедливости доходили до чудовищныхъ размѣровъ, когда высшая распорядительная власть, напр., на какомъ нибудь маленькомъ рудничкѣ, оказывалась въ рукахъ своего «брата». Не могу не иллюстрировать это примѣромъ: поступивъ въ Макѣвку (рудникъ Иловайскихъ), я былъ назначенъ завѣдующимъ большою шахтой «Сергѣй» послѣ управленія ею безграмотнымъ «самородкомъ» Панкратомъ Коваленко, бывшимъ шахтнымъ десятникомъ. Это былъ типичный мужикъ-кулакъ, къ тому времени сильно и всесторонне разжирѣвшій. Вся «администрація» шахты состояла изъ его родственниковъ и кумовьевъ. Шахтеры акуратно платили за лучшія мѣста работы. Самъ «Панкратъ» такъ облѣнился, что въ шахту никогда не опускался. Чтобы избавиться отъ неожиданнаго появленія начальства, его пріѣздъ былъ загодя сигнализируемъ спеціально поставленнымъ сигнальщикомъ. Узнавъ, что «ѣдутъ», Панкратъ натуралъ себѣ лицо и руки углемъ и ждалъ съ лампой въ рукахъ у шахты — ретивый завѣдующій только что «вылѣзъ» изъ шахты.

Нечистота и грязь въ казармахъ были такъ ужасны, что когда я рѣшилъ въ первые же дни казармы осмотрѣть, то «поверхностный» десятникъ серьезно меня предупреждалъ и

пугаль... блохами. Дѣйствительно, уже послѣ посѣщенія третьей, четвертой казармы я былъ замученъ укусами и къ ужасу обнаружилъ, что голенища моихъ высокихъ сапогъ были какъ живыя... Мнѣ долго, упорно и не безъ тяжелыхъ неприятностей пришлось ликвидировать всяческое наслѣдство «Панкрата».

Конечно, быть рабочаго-шахтера, не квалифицированнаго, казарменнаго жителя, былъ тяжелъ, но развѣ не особенности психики самого рабочаго были во многомъ тому причиной? И развѣ быть, обычай и психика нашей деревни были во многомъ лучше? Я склоненъ думать, что общій тонъ жизни русской деревни былъ часто, если не всегда, еще тяжелѣе. Рудникъ давалъ огромное преимущество прежде всего въ возможности хорошаго и вѣрнаго заработка; человекъ способный, твердый, не расхлябанный и не обезволенный мужичьей жизнью имѣлъ всѣ шансы выйти въ «люди»; при отсутствіи рудничнаго семейнаго помѣщенія онъ могъ нанимать квартиру за пустую плату въ сосѣдней деревнѣ, что часто и дѣлалось. Обстановка жизни рабочихъ на рудникахъ изъ года въ годъ улучшалась на глазахъ и прежде всего росло количество отдѣльных семейныхъ домиковъ. Заработокъ даже неквалифицированнаго шахтнаго рабочаго времени девятидесятыхъ годовъ былъ равенъ въ среднемъ около 1 руб. въ смѣну, что на много превышало средній годовой заработокъ деревни.

А какъ жили въ деревнѣ? Быть русской деревни (если не хватаетъ своихъ наблюдений, если слабы краски Чехова и Бунина), съ беспощадной реальностью изображенъ Подъячевымъ. Вотъ что пишетъ онъ, самъ мужикъ, о деревнѣ*): «Всѣ (мужики), говоритъ Подъячевъ, не то, что избѣгаютъ другъ друга, а какъ то удивительно злобно ненавидятъ. Если случилось горе-бѣда, то это для другихъ радость. Неистощимая тема для разговоровъ. Всѣ и каждый слѣдятъ другъ за другомъ: куда поѣхалъ, что сдѣлалъ, что съѣлъ, выпилъ?» «Водка... что такое водка въ деревнѣ и какъ ее пьютъ? Водка — это все... За водку сдѣлаютъ, что угодно... Пьютъ потому, что каждый не увѣренъ въ своей жизни, не увѣренъ, что онъ твердо стоитъ на ногахъ...» «Боязнь жизни и заставляетъ пить, и, хоть часть, да мой...»

Въ моей памяти встаютъ аналогичныя воспоминанія. Иногда мнѣ удавалось близко подходить къ быту деревни, какъ человеку, отъ котораго она враждебно не сторонилась.

Помнится, въ началѣ девятисотыхъ годовъ мнѣ надо было лѣтними мѣсяцами произвести развѣдку около небольшой степной деревни Бахмутскаго уѣзда, населенной полувеликороссами (попадаются такія). Раньше, чѣмъ устроится по настоящему,

*) С. Подъячевъ — „Изъ жизни мужиковъ“.

мнѣ пришлось провести двѣ-три noci у мужика, домъ котораго почитался наиболѣе чистымъ; однако, несмотря на принятія мѣры, я почти не могъ сомкнуть глазъ отъ духоты, удушливой вони и всевозможныхъ ползающихъ, кусающихъ насѣкомыхъ. Большую часть noci приходилось проводить, сидя на заваленкѣ во дворѣ — благо, noci стояли чудесныя. Отвратительно спали и хозяева. Обычно, вслѣдъ за мной выходилъ во дворъ и хозяинъ, присаживался и развлекалъ меня разговорами. О чемъ онъ говорилъ, почти нашептывалъ вкрадчиво, какъ бы конфиденціально? Я былъ въ деревнѣ не только человѣкомъ новымъ, но и интереснымъ — я привезъ съ собой возможность хорошихъ и легкихъ заработковъ. Наивно, съ расчетомъ заслужить мое полное довѣріе, считая меня, какъ всякаго барина, за круглаго простофилю, онъ рассказывалъ о томъ, какіе воры и пьяницы всѣ его односельчане и какую бдительную осторожность мнѣ надо соблюдать при надзорѣ за работами — «все унесутъ и все пропьютъ».

Когда я послалъ старика-старосту въ сосѣдній городокъ за покупками, давъ ему 50 рублей, всѣ ужасались и говорили: «пропеть и ничего не привезетъ — вотъ развѣ и привезетъ что, потому съ нимъ для глаза поѣхала бабка». Бабка съ нимъ дѣйствительно ѣздила — на другой день они вернулись благополучно, старикъ былъ только слегка пьянъ.

Мѣсяца черезъ два, уже кончая развѣдки и собираясь покидать деревушку, оказавшуюся не хуже другихъ, я былъ пораженъ необыкновеннымъ оживленіемъ, охватившимъ обычно сонное населеніе — мужики и бабы ходили изъ дома въ домъ группами, слышались перебранки и болѣе обычнаго попадались пьяные. Въ заключеніе я увидѣлъ станціоннаго жандарма, озабоченно въ сопровожденіи двухъ понятыхъ ходящаго по дворамъ... Оказалось, что наша деревня сообщала обокрала на близлежащей станціи вагонъ мануфактуры, и то оживленіе, которое я наблюдалъ, сопровождало дѣлежъ украденнаго. Мой хозяинъ оказался однимъ изъ руководителей «предпріятія».

Да, обстановка жизни нашей деревни была въ большинствѣ очень тяжела — безтолковое хозяйство на клочкѣ общинной земли или на годовой дорогой арендѣ, мизерные урожаи, ничтожные заработки, отхожій промыселъ съ длительной отлучкой изъ семьи, тусклая, часто злобная мелочность личныхъ взаимоотношеній и, какъ общій фонъ, невѣжество и безысходная бѣдность — деньги были рѣдкой роскошью деревни. Когда они появлялись, ихъ надо было тщательно прятать отъ ихъ хозяина — соблазнъ былъ слишкомъ великъ...

Русская общественная мысль, часто, если не всегда, въ этой области пристрастная, а потому обычно несправедливая, считала жизнь «шахтеровъ» чуть ли не каторжной, обрушива-

ясь — особенно на неудовлетворительность обстановки жизни, въ частности на плохія жилыя рудничныя помѣщенія. Въ большинствѣ они были дѣйствительно плохи, особенно когда носили типъ общей казармы. Объясненіемъ бѣдности рудниковъ въ рабочихъ помѣщеніяхъ можетъ служить то, что угольныя предпріятія Донецкаго Бассейна расположены въ мѣстности слабо населенной и что мѣстное населеніе почти никогда не работало въ шахтахъ; поэтому рудники должны были строить жилые дома для всѣхъ своихъ рабочихъ. Этотъ расходъ, кстати говоря, неизвѣстный въ такой мѣрѣ на западѣ, сильно отягчалъ основной капиталъ угольнаго предпріятія.

Не надо упускать изъ виду и физическую нечистоту нашего крестьянина, особенно безсмейнаго, способного обращать совершенно приличныя помѣщенія почти въ клоаки — такова была, между прочимъ, и судьба образцовыхъ казармъ, построенныхъ на Вѣровскомъ рудникѣ.

Столь же пристрастно и несправедливо слагалось общественное мнѣніе по отношенію доходности угольныхъ предпріятій, считая ее очень высокой. Фактически, угольные рудники Донецкаго Бассейна, за исключеніемъ единичныхъ случаевъ, и особенно акціонерныя крупныя предпріятія, были почти сплошь убыточными — средняя ихъ доходность, напримѣръ, въ исключительно благопріятномъ 1911 году составляла только до 6% на капиталъ («Горная и горнозаводская промышленность юга Россіи». Проф. П. И. Фоминъ). Такой небольшой размѣръ дохода долженъ почитаться убыточнымъ для угольныхъ дѣлъ, несущихъ всегда элементъ большого риска. Вообще вся русская тяжелая промышленность по ряду особыхъ причинъ не могла тогда быть доходной, какъ многіе виды легкой промышленности. Главными причинами бездоходности были слабость и неустойчивость внутренняго потребительскаго рынка и экономическая политика русскаго правительства тогда, когда оно само выступало въ роли потребителя, что имѣло мѣсто особенно по отношенію тяжелой промышленности. Правительство (для казенныхъ желѣзныхъ дорогъ, для флота и для военнаго вѣдомства) было самымъ крупнымъ покупателемъ угля и желѣза. Оно пользовалось этимъ положеніемъ и безпощадно давило на продажныя цѣны, устанавливая въ итогѣ низкую цѣну продажи и для другихъ потребителей.

Съ особеннымъ раздраженіемъ мы, рудничные инженеры Донецкаго Бассейна, относились къ той общественной недоброжелательности, которой мы подвергались за, якобы, эксплуататорское отношеніе промышленности къ рабочимъ, по существу же за то, что мы занимались промышленнымъ дѣломъ.

Въ наличіи рудниковъ, въ ихъ бытѣ, въ томъ, что они вносили въ мѣстную жизнь, хотѣли видѣть только дурное — сказывалась исконная неприязнь, почти ненависть русскаго

интеллекта къ промышленности, къ возможному накопленію, подозрѣваемому богатству. Эта непріянь связывалась всегда съ обязательностью сожалительнаго плача надъ меньшимъ братомъ. Много было въ этомъ легкомыслія, незнанія и нежела-нія знать. Городъ и особенно столицы не знали провинціи, въ сущности не знали Россіи.

Намъ, русскимъ инженерамъ, затратившимъ почти всю свою жизнь на дѣло созиданія частичныхъ основъ будущей болѣе богатой и хозяйственно лучше устроенной Россіи, удалось реально заглянуть въ жизнь русскаго народа, въ нѣдра русскаго быта не глазами романтическаго народничества, а уча народъ въ совмѣстномъ хозяйственнымъ созиданіи новой, болѣе отвѣтственной и болѣе квалифицированной работѣ и частично новому быту, не безъ треній и тяжелыхъ шероховатостей входившимъ въ старую жизнь. Нашъ народъ намъ предсталъ народомъ, почти лишеннымъ того, что называется обычно «культурой». По внутренней духовной сути, часто глубоко скрытой — это почти всегда отличный матеріалъ, но требующій суровой выучки въ иной хозяйственной обстановкѣ — старая жизнь не дала ему никакой школы.

Русскій крестьянинъ стоитъ въ массѣ очень далеко отъ культурной воспитанности, создаваемой вѣками, отъ ея устойчиваго преемственнаго постоянства, пусть даже часто механической выучки западной Европы. И прежде всего онъ страшно, почти безнадежно отсталъ отъ своего западно-европейскаго собрата въ упорной систематичности труда, проникнувшей этого послѣдняго почти до пафоса работы. Для русскаго крестьянина, а частью для русскаго человѣка вообще, работа все еще есть Божье наказаніе. Но у русскаго народа есть одно огромное богатство, которое позволить ему преодолѣть многое — это богатство «хорошей натуры». «У русскаго народа, говоритъ Короленко (Письма Короленко къ Бѣлоконскому) мало культуры, въ томъ числѣ особенно нравственной. Но это дѣло наживное, а натура у русскаго человѣка хорошая, хотя онъ еще слишкомъ склоненъ къ порокамъ».

ГЛАВА III.

РУССКОЕ БОЛЬШОЕ ПРЕДПРИЯТИЕ СТАРЫХЪ ВРЕМЕНЪ.

Макѣевскій рудникъ (1892-1895 г. г.). Мнѣ пришлось наблюдать два рѣзко различныхъ періода въ состояніи горной промышленности Юга Россіи, до 1895/96 очень глухой, съ незначительной промышленной продукціей, еле замѣтнымъ ростомъ, съ чертами рудничнаго быта ярко выраженной захолустной провинціи. Отсутствіе новаго строительства, все ведется по старинкѣ и на гроши; иностраннаго и вообще новаго капитала въ промышленности нѣтъ и въ поминѣ. Уголь и желѣзо почти никому не нужны — нѣтъ потребителя, почти нѣтъ заводовъ и сѣтъ желѣзныхъ дорогъ еще очень слаба.

Рудники крайне слабо связаны съ центрами, отсутствуетъ даже близкое сосѣдство. Рудничное общество пребываетъ въ тяжелой тоскливости, развлекаемое хожденіемъ въ гости на водочку и карты. Почти никакихъ интересовъ у большинства, у рядового «провинціального» человѣка, кромѣ рюмки водки, любовно называемой «рюмаргеріей», и макао-карточной азартной игры, называемой «макакушей». Для меня это особенно Макѣевскіе рудники бр. Иловайскихъ, времени начала девяностыхъ годовъ. Во главѣ рудника стоялъ тогда Дмитрій Ивановичъ Иловайскій, горный инженеръ по образованію, впрочемъ рудничной практической работой никогда не занимавшійся.

Дмитрій Ивановичъ, очень красивый, нѣсколько впрочемъ тяжелой массивной красотой человѣкъ, лѣтъ 35-40, аристократъ-казакъ, волоокій съ курчавыми волосами, глядѣвшій нѣсколько изподлобья, внѣшне сурово, былъ въ сущности самостоятельнымъ хозяиномъ дѣла; отецъ его, извѣстный Иванъ Григорьевичъ Иловайскій, богатѣйшій помѣщикъ Донской области, основатель угольнаго дѣла, къ тому времени уже умеръ, а братья Д. И. въ управленіе рудникомъ не вмѣшивались. Раньше, еще до моего поступленія, обязанности директора-распорядителя рудника несъ очень извѣстный на югѣ инженеръ путей сообщенія Андрей Николаевичъ Глѣбовъ, компаніонъ Иловайскихъ по владѣнію рудникомъ. Я его никогда не видѣлъ, но легендъ объ его директорствѣ слышалъ много. Живя въ 25 верстахъ отъ рудника въ усадьбѣ Иловайскихъ «Зуевкѣ», Глѣбовъ пріѣзжалъ на рудникъ на бѣшенно тройкѣ со звономъ и гамомъ или поздно ночью или на зарѣ утромъ — такимъ неожиданнымъ пріѣздомъ онъ «контролировалъ» работы. Глѣбовъ любилъ огораживать служащихъ всякими, никогда впрочемъ не злыми (при всей своей взбалмошности, онъ былъ доб-

родушень), неожиданностями, сюрпризами и трюками. Разказывали, какъ онъ какъ то лѣтнимъ утромъ заѣхалъ на станцію Харцызскъ и, заставъ тамъ проѣзжавшаго на Кавказъ директора Горнаго Департамента, тогда очень важнаго въ горномъ мѣрѣ чина, небезвѣстнаго тайнаго совѣтника К. М. Скальковскаго, пригласилъ его проѣхать на рудникъ — Скальковскому пришлось почему то нѣсколько часовъ ждать на станціи поѣзда. Старшимъ инженеромъ на рудникѣ, какъ бы управляющимъ, считался тогда горный инженеръ Сутуловъ, чело-вѣкъ крайне лѣнивый, рудникомъ въ сущности никакъ не управлявшій. Живя около главной конторы, вдали отъ шахтъ, Сутуловъ вставалъ очень поздно и любилъ въ совершеннѣйшемъ «неглиже», прикрываясь, какъ говорили, только ночной кофтой своей жены, грѣться на утреннемъ солнцѣ, сидя на крылечкѣ своей квартиры.

«Владиміръ Григорьевичъ, я васъ представляю директору Горнаго Департамента — онъ пріѣхалъ со мной и сидитъ въ конторѣ», приглашаетъ подошедшій Глѣбовъ Сутулова, лично вида, въ какомъ костюмѣ сидитъ «управляющій рудникомъ».

«Знаемъ мы Васъ, какой тамъ директоръ департамента», говоритъ, вставая и направляясь къ конторѣ Сутуловъ, твердо увѣренный, что Глѣбовъ по обыкновенію подготовилъ какойнибудь трюкъ и покажетъ ему какогонибудь подрядчика или даже поставщика «жида», вмѣсто Скальковскаго. Когда «ошибка» обнаружилась, Сутуловъ, страшно трусившій передъ всякимъ начальствомъ, исчезъ, какъ дымъ, и черезъ нѣсколько минутъ появился передъ Скальковскимъ въ мундирѣ и при шпагѣ. Разказывая потомъ объ этой «штукѣ» Глѣбова, Сутуловъ неизмѣнно прибавлялъ: «Зато никто такъ не представлялся директору департамента, какъ я»...

Сутулова я тоже уже не засталъ на рудникѣ — онъ ушелъ на казенную службу, для него, конечно, болѣе подходящую, и состоялъ казеннымъ маркшейдеромъ въ Юзовкѣ.

Начальства у насъ, инженеровъ Макѣвскаго рудника, въ сущности не было — Д. И. Иловайскій бывалъ на рудникѣ рѣдко, намъ вполнѣ вѣрилъ и въ текущее дѣло не вмѣшивался вовсе, ограничиваясь при свиданіи съ нами разпросами и совѣтами — приказаній и распоряженій онъ никогда не давалъ. Человѣкъ спокойный, скорѣе лѣнивый, большой и настоящій баринъ, Дм. Ив. не любилъ никакого безпокойства — онъ ни разу при мнѣ не былъ въ рудникѣ подъ землей и даже ни разу не пріѣхалъ на шахту. И вмѣстѣ съ тѣмъ Д. И. былъ на рѣдкость способнымъ администраторомъ и ловкимъ коммерческимъ дѣльцомъ — онъ отлично умѣлъ подбирать нужныхъ ему людей, чуть ли не шутя заставляя ихъ работать — мы

очень дѣлили его одобренія, умѣлъ ловко продавать уголь (это онъ дѣлалъ самъ) и въ итогѣ отлично управлялъ большимъ дѣломъ. Но Иловайскій былъ намъ, конечно, «чужой», начиная хотя бы съ рѣдкихъ его появленій на рудникѣ; «чужимъ» онъ былъ и по масштабу своей жизни и по постоянной сферѣ его окруженія — мы ее не знали.

Наша жизнь на рудникѣ была совсѣмъ иной. Окруженіемъ нашимъ, младшихъ инженеровъ, М. М. Кованько и моимъ, нашимъ постояннымъ обществомъ и въ дѣлѣ на работѣ и внѣ работы были наши сослуживцы, главнымъ образомъ, четыре бездѣтныя пары, по возрасту старшія отъ насъ: завѣдующій glavной конторой А. Г. Образцовъ, кассиръ И. А. Томановичъ, докторъ А. И. Дацковъ и инженеръ, исправляющій послѣ Сутулова обязанности управляющаго и примѣрно въ томъ же духѣ, Д. Д. Орнатскій. Всѣ они были женаты — наше общество имѣло четырехъ дамъ и... ни одного ребенка. Это было удивительно и усугубляло и подчеркивало странность установившагося у насъ жизненнаго «трена» — у насъ были женатые люди, но не было въ сущности семей. Мы встрѣчались, иногда въ разныхъ комбинаціяхъ, почти каждый день — и Кованько, и мнѣ было слишкомъ тоскливо сидѣть въ одиночествѣ, дома, послѣ разнообразія и утомительной тяжести рудничной работы. Тоска и скука загоняли насъ куда нибудь и если мы не выѣзжали за предѣлы рудника, что все же бывало рѣдко, то къ вечеру попадали въ «экономію», гдѣ помѣщалась контора и жили служащіе, или въ больницу, чаще всего къ бухгалтеру Образцову, или къ доктору Дацкову. Оба они были неглупыми и довольно начитанными и развитыми людьми — съ ними было интересно, особенно въ началѣ нашего знакомства, поговорить и поспорить. Оба они были обывательски «лѣвыми», но по разному: Образцовъ «отводилъ душу» за Щедринымъ, къ народу былъ не только совершенно равнодушенъ, но брезгливо морщился, разговаривая съ шахтерами. Дацковъ былъ скорѣе народникомъ, въ студенчествѣ воспитанъ на Михайловскомъ и «Русскомъ Богатствѣ», на работу въ рудникахъ смотрѣлъ, какъ на неизбежное зло, и скорбѣлъ о долѣ шахтера. Оба они ненавидѣли Александра III и его режимъ — Образцовъ не терпѣлъ и входящаго тогда въ силу Витте, называя его почему то «Виттѣ». Всѣ эти, хотя и очень устойчивыя, но все же болѣе настроенія, чѣмъ обоснованныя мысли, были впрочемъ въ той обстановкѣ совершенно неактивны и глубоко безразличны, что то вродѣ приличнаго костюма души, темой для разговоровъ за рюмочкой и винтомъ, отведеніе души отъ царящей кругомъ скуки и отъ глубокаго ко всему у всѣхъ и вся равнодушія.

Впрочемъ оба эти мои сослуживца стоятъ того, чтобы на нихъ, довольно типичныхъ по тому времени лицамъ, нѣсколько задержаться, тѣмъ болѣе потому, что Образцовъ служилъ

потомъ долгіе годы подъ моимъ начальствомъ, завѣдующимъ коммерческой частью Максимовскаго рудника.

А. Г. Образцовъ, «Абра», какъ его называли потомъ мои дѣти, большіе его друзья, уже и тогда въ Макѣвкѣ, почти старикъ, съ лицомъ Василя Шуйскаго, былъ типичнымъ великороссомъ сѣверныхъ губерній, съ жидкими бороденкой и усами, «хитрый царедворецъ», какъ его называли недоброжелатели. Онъ былъ безукоризненно честенъ, въ дѣлахъ очень толковъ и знающъ какъ бухгалтеръ, по существу вовсе не былъ искателемъ, былъ просто очень привязчивъ и къ мѣсту и къ человѣку, особенно къ «начальству», принимавшему на себя внѣшнюю жизнь съ ея для него несносной сутолокой и суетой. Въ Макѣвкѣ онъ былъ вѣрнѣйшимъ слугой Д. И. Иловайскаго, а потомъ неразрывно привязанъ ко мнѣ, хотя я былъ и много моложе его. Определенность, порядокъ и особенно покой, даже до нѣкотораго впрочемъ скромнаго сибаритства, были его стихіей, не только въ жизни, но и въ работѣ. Онъ и либераленъ былъ потому, что тогда это было легче и удобнѣе; потому удовлетворяла его больше всего, хотя и злая, но холодная и въ сущности во многомъ безразличная сатира Щедрина. Его жена (гражданская — тогда это было тоже въ модѣ) Варвара Михайловна, чудесная, простая, духовно-интереснѣйшая и образованная женщина, была потомъ рѣдкимъ другомъ моей жены и всей нашей семьи. Пріѣхавъ къ намъ послѣ смерти мужа погостить на недѣлю, незамѣтно осталась у насъ и жила съ нами до самой смерти.

Другимъ человѣкомъ былъ Александръ Осиповичъ Дацковъ, нашъ рудничный врачъ. Воспитанный въ духѣ активнаго «народничества» 70-хъ годовъ, но житейски хитрый хохолецъ, онъ готовъ былъ бы «ринуться въ бой», если бы это хотя въ какой либо мѣрѣ позволяла рудничная обстановка. Попади онъ въ земскіе, особенно въ эпидемическіе врачи, гдѣ обстановка по тому времени требовала «борьбы», онъ былъ бы яркимъ и страстнымъ врагомъ и обличителемъ того «порядка», съ которымъ теперь мирился. Къ намъ, инженерамъ, съ его точки зрѣнія хотя и невольнымъ, но все же «рабовладѣльцамъ», относился не безъ снисхожденія, но въ общемъ по русски благодушно, особенно за любимой имъ «рюмаргеріей». Его жена, «неискоренимая народница», какъ она любила себя называть, была много фанатичнѣе и нетерпимѣе мужа.

Когда собирались у Образцовыхъ, то обычно играли въ карты, почти всегда въ азартныя игры, страстными любителями которыхъ были Образцовъ и Кованько — послѣдній могъ съ олимпійскимъ хладнокровіемъ настоящаго игрока проиграть все, и проигрывалъ иногда въ вечеръ до нѣсколькихъ сотенъ рублей при мѣсячномъ окладѣ въ 200 руб.; къ счастью, при

безпрерывности игры, отыгрывался и итоги не были катастрофическими.

У Дацковыхъ не играли въ карты — и онъ и его жена относились къ карточной игрѣ съ безошаднымъ осужденіемъ. Зато тамъ, вѣроятно въ тонъ народу, какъ говорилось, «здорово пили», по любовной терминологіи Дацкова выпивали на одну «сорокъ восьмую глаза». Послѣ ужина съ водкой и соотвѣтственными жалостными разговорами — пѣніе въ большинствѣ на Некрасовскій стихъ...

Остальные наши сочлены, и Томановичи и Орнатскіе, люди уже вовсе безъ всякой политической «идеологии», простые обыватели, вели, конечно, такую же жизнь. Томановичъ, добрый и милый черногорецъ, говорящій по русски плохо и съ акцентомъ, хотя и прожившій въ Россіи десятка три лѣтъ, и его жена «Кыся», какъ онъ ее называлъ (Клавдія Ильинишна), были на рѣдкость радушными и хлѣбосольными хозяевами; вообще оба были рѣдко просты и милы; онъ не любилъ пить, но картежникомъ былъ страстнымъ, впрочемъ больше любилъ винтъ, а не Образцовскую «макакушу». Какъ сейчасъ вижу его передъ собой съ горящими черными глазами, разглаживающимъ нервно свои великолѣпные бакены послѣ артистически сыграннаго робера.

Орнатскіе были большими домосѣдами, вѣроятно потому, что Дмитрій Дмитриевичъ больше любилъ пить въ одиночку, такъ какъ былъ «неспокоенъ», вѣрнѣе, очень несносенъ даже и въ слабомъ хмѣлю, а выпить очень любилъ.

Когда собиралось больше публики, когда пріѣзжали съ сосѣдняго завода или рудниковъ молодые люди и барышни, меньше пили, не играли въ карты, часто танцовали, иногда спорили — «молодежь, говоритъ Чеховъ о тогдашней жизни на рудникахъ, всегда горячо спорила о томъ, чего не понимала, и это выходило грубо. Спорили горячо и громко, но странно; нигдѣ въ другомъ мѣстѣ нельзя было встрѣтить такихъ равнодушныхъ и беззаботныхъ людей, какъ здѣсь. Казалось, что у нихъ нѣтъ ни родины, ни религіи, ни общественныхъ интересовъ». Такъ текла, въ сущности, нелѣпо, и для молодого человѣка опасно, наша жизнь.

Оставленіе Макѣвскаго рудника. Моя женитьба. Поиски мѣста. Подводя нѣкоторые итоги жизни на рудникахъ въ этотъ первый періодъ моей инженерской работы, я вижу, что послѣ студенческихъ годовъ, послѣ во многомъ для меня духовно блестящаго Петербурга, я былъ вынужденъ жить долгіе годы въ условіяхъ, пожалуй, наиболѣе тяжелыхъ, создаваемыхъ тогдашней провинціей. Политическая и духовная жизнь Россіи шла мимо насъ — мы ее не замѣчали и не знали. Только постепенно и только съ измѣненіемъ обста-

новки моей личной жизни, я началъ болѣе внимательно относиться къ тому, чѣмъ жила тогда, казалось, наглухо отрѣзанная отъ насъ иная Россія, главнымъ образомъ, столицы и большіе города. Счастливая случайность помогла мнѣ выбраться изъ провинціальной тины.

Этой счастливой случайностью была моя женитьба. Здѣсь я невольно вступаю въ область тѣхъ исключительно личныхъ воспоминаній, передача которыхъ не входитъ въ мою настоящую задачу. Поэтому я вынужденъ ограничить мой рассказъ чисто протокольнымъ изложеніемъ фактической стороны, какъ бы это ни противорѣчило истинности желаній.

Женившись на племянницѣ доктора Юзовскаго завода, я оставилъ Макѣевку и поѣхалъ съ женой въ Петербургъ искать мѣсто. Денегъ у меня почти не было, а къ родителямъ, все же людямъ очень небогатымъ, я не хотѣлъ обращаться. И тѣмъ не менѣе я не хотѣлъ оставаться въ Макѣевкѣ, такъ какъ чувствовалъ, что и моя дальнѣйшая служебная карьера и личная моя новая жизнь плохо вязались съ макѣевскою обстановкой.

И я, и моя жена, 20-лѣтняя молоденькая женщина, воспитанная въ очень замкнутомъ семейномъ кругу, были въ сущности житейски совсѣмъ неопытны. И ее и меня охватило что то вродѣ душевнаго смятенія, когда мы, перепрыгнувъ черезъ Рубиконъ еще на людяхъ, оказались вдругъ вдвоемъ въ вечерней темнотѣ вагона. Прощай старая жизнь, о которой я не имѣлъ никакихъ основаній жалѣть, и здравствуй невѣдомое новое... Такъ кончился первый этапъ моей рудничной службы.

Въ Москвѣ мы пробыли почти мѣсяцъ, жили въ Большой Московской гостиницѣ... Москва вдвоемъ съ женой, послѣ рудничной жизни, кажушейся уже далекой, какъ будто навѣки ушедшей... Утромъ Иверская, Кремль, Третьяковская галлерей, обѣдъ въ огромномъ бѣломъ залѣ гостиницы, лакеи, по московски одѣтые во все бѣлое, оркестрионъ... а вечеромъ опера, Малый театръ... Кругомъ зимній блескъ чудеснаго города, и опять послѣ длиннаго тусклаго перерыва ярко воскресшая Россія. Вездѣ и внѣ насъ и особенно внутри насъ прекрасный праздникъ, смѣнившій долгіе будни...

Въ Петербургѣ праздникъ уже постепенно исчезаетъ — необходимо какъ можно скорѣе искать мѣсто — не только уходить деньги, но... заложена и шуба, я щеголяю въ пальто, благо, уже вѣтъ весной.

Въ тѣ времена, въ началѣ 1895 года, когда иностранный капиталъ только-только начиналъ проникать въ горную промышленность юга, найти мѣсто горнаго инженера было очень трудно. Близкіе мнѣ еще по Институту профессора — и оба Тиме и нашъ знаменитый геологъ, очень меня любившій —

Иванъ Васильевичъ Мушкетовъ, ничѣмъ не могли помочь — на югъ въ одно-два уже возникшихъ иностранныхъ предпріятія русскихъ пока не брали, въ остальныхъ районахъ не было никакого движенія.

И. В. Мушкетовъ и его жена, Екатерина Павловна, встрѣтили насъ, какъ близкихъ родныхъ. Екатерина Павловна, урожденная Юсса, знала хорошо семью моей жены — ея отецъ, горный инженеръ Павелъ Андреевичъ Юсса, долго владѣлъ небольшимъ рудникомъ около самой Юзовки; милѣйшая «тетя Катя» знала мою жену еще ребенкомъ, звала ее «Тоточка» и ты; познакомившись ближе, она всю жизнь относилась къ ней, какъ къ любимой дочери. Иванъ Васильевичъ Мушкетовъ, блестящій профессоръ, влекущій къ себѣ неизмѣнно сердца молодежи своимъ прекраснымъ открытымъ лицомъ и такимъ же характеромъ, большой ученый и большой человекъ, встрѣтилъ насъ съ ободряющей привѣтливой радостью.

Въ поискахъ мѣста, чѣмъ я немедленно занялся въ Петербургѣ, я толкнулся и въ горный департаментъ. Его директоромъ былъ тотъ самый К. А. Скальковскій, о которомъ я уже упоминалъ выше. Очень умный и талантливый, но по манерѣ обращенія съ людьми часто небрежный, почти грубый, онъ выслушивалъ меня, подписывая бумаги; замѣтивъ, что это меня стѣсняетъ и я перестаю говорить, вскользь обронилъ: «Продолжайте, я подписываю, не читая». Онъ предложилъ мнѣ ѣхать окружнымъ инженеромъ на... Сахалинъ, говоря, что иного мѣста у него нѣтъ; рекомендовалъ обратиться къ извѣстному генералу Кононовичу, бывшему генералъ-губернатору Восточной Сибири, жившему тогда въ Петербургѣ. Такъ же небрежно обронилъ — «конечно, Сахалинъ есть Сахалинъ, но отчего же туда не поѣхать молодому инженеру». Сахалинъ прельщалъ меня болѣе чѣмъ мало, однако, я пошелъ къ генералу Кононовичу и не безъ изумленія увидѣлъ въ этомъ большомъ администраторѣ человека очень простого и доступнаго — онъ, видимо, искренно любилъ этотъ край; съ подъемомъ и увлеченіемъ рассказывалъ онъ мнѣ цѣлый вечеръ о богатствахъ Восточной Сибири и Сахалина, рекомендуя не бояться и ѣхать. Кононовичъ чуть было меня не убѣдилъ... Къ счастью, случай помогъ мнѣ вновь.

Въ то время только что образовалось Русско-Бельгійское Металлургическое Общество, купившее большой участокъ угольной земли въ Екатеринославской губ. Предсѣдателемъ смѣшаннаго правленія Общества, состоящаго изъ русскихъ и бельгійцевъ, былъ инженеръ путей сообщенія А. А. Бунге, крупный подрядный строитель желѣзныхъ дорогъ; производство самихъ работъ на мѣстѣ было поручено члену правленія тоже инженеру путей сообщенія, небезызвѣстному тогда въ Петербургѣ Федору Егоровичу Енакіеву. Предполагалась одно-

временная постройка металлургического большого завода съ рельсо-прокатнымъ отдѣленіемъ и рудника на большую добычу каменнаго угля. Енакіевъ подыскивалъ горнаго инженера для развѣдки мѣсторожденія и постройки рудника. Въ Петербургѣ были тогда случайно братья А. и В. Келлеръ, крымчаки, близкіе знакомые семьи моей жены, племянники извѣстнаго тогда горнаго инженера А. П. Кеппена. Они знали, что мы въ Петербургѣ и подозрѣвали затруднительность нашего положенія. Въ итогѣ Кеппенъ рекомендовалъ меня Енакіеву. Я былъ приглашенъ сразу послѣ перваго свиданія на неожиданно большое содержаніе и на почти самостоятельное мѣсто.

Члены правленія Русско-Бельгійскаго Общества были людьми круга мнѣ неизвѣстнаго — это были промышленные и финансовые «дѣльцы» крупнаго калибра, люди старшаго поколѣнія, возраста около 50-60 лѣтъ, поколѣнія, идущаго главнымъ образомъ, отъ желѣзно-дорожныхъ дѣтелей 70-хъ годовъ, эпохи перваго русскаго большого желѣзнодорожнаго строительства и... такого же грюндерства; во всякомъ случаѣ, это были люди большой предприимчивости и широкаго дѣловаго, главнымъ образомъ, финансоваго масштаба. Среди нихъ членомъ правленія Р.-Б. О. былъ и очень извѣстный тогда въ дѣловомъ мірѣ Петербурга уже большой старикъ — Николай Николаевичъ Суцевъ, предсѣдатель правленія «Русскаго для внѣшней торговли банка». Суцевъ продѣлалъ большую и разнообразную карьеру отъ большого чиновника и камергера до концессионера по постройкѣ желѣзныхъ дорогъ, учредителя банка, промышленныхъ обществъ и проч.

Кромѣ Енакіева, котораго мнѣ пришлось узнать близко по дальнѣйшей службѣ, ближе другихъ я узналъ именно Суцева, такъ какъ онъ... пожелалъ, чтобы я далъ ему нѣсколько уроковъ по залеганію и добычѣ каменнаго угля, говоря, что онъ не привыкъ работать въ дѣлахъ, въ которыхъ ничего не понимаетъ. Мнѣ пришлось быть у него нѣсколько разъ въ его огромной и съ своеобразнымъ тяжелымъ стилемъ обставленной квартирѣ и дѣйствительно знакомить его съ техникой каменно-угольныхъ дѣлъ Донецкаго Бассейна.

Суцевъ былъ во всѣхъ отношеніяхъ оригинальной и импозантной фигурой, начиная съ внѣшности: старикъ съ бѣлымъ горбоносимъ лицомъ, съ огненно-рыжей бородой и съ огромнымъ животомъ гурмана; при грузной фигурѣ и короткихъ ногахъ, онъ былъ такъ толстъ, что еле двигался. Внѣшне онъ былъ почти безобразенъ — не скрашивали его лица даже очень умные, внимательные, но холодные глаза.

Умень и сообразителенъ онъ былъ на рѣдкость и оказался превосходнымъ ученикомъ даже въ невѣдомомъ ему горномъ дѣлѣ. Мнѣ приходилось иногда присутствовать на засѣданіяхъ правленія — онъ поражалъ, почти подавлялъ дѣлови-

тостью своей мысли, всегда дающей окончательную нужную формулу, раньше, безъ него, вовсе неулавливаемую. Въ правленіи онъ былъ признаннымъ оракуломъ.

Когда ему надоѣдалъ на моихъ «урокахъ» уголь, онъ, если былъ свободенъ и въ духѣ, оживлялся разспросами, прошупывая меня, казалось, насквозь своими пристальными глазами, или рассказывалъ что нибудь самъ — такъ, одинъ разъ, оставивъ меня завтракать и угостивъ чудеснымъ виномъ, которое онъ очень любилъ, Суцевъ сообщилъ мнѣ по какому то поводу, что въ дни его казенной службы въ его отдѣленіи служилъ короткое время композиторъ Чайковскій, тогда молодой человѣкъ, никуда не годный служащій — «я его прогналъ, говорилъ онъ, заниматься музыкой».

Я помню, что, когда «Вѣровскій рудникъ» былъ уже окончательно построенъ, Суцевъ, пріѣхавшій вмѣстѣ съ правленіемъ на открытіе завода, выразилъ непремѣнное желаніе спуститься въ шахту, чтобы воочию посмотреть уголь въ землѣ, и какъ этому его желанію не суждено было осуществиться: его лакей, служившій у него многіе годы, посмотрѣвши, какъ ходять по шахтѣ клѣти, пришелъ въ такой ужасъ, что заявилъ Суцеву, что станеть у шахты и силкомъ не пустить барина опускаться въ преисподнюю на смерть — такъ Суцевъ и не видѣлъ, какъ «растетъ» въ землѣ уголь.

ГЛАВА IV.

СТРОИТЕЛЬНОЕ ОЖИВЛЕНИЕ БАССЕЙНА.

Постройка Вѣровскаго рудника. Развѣдка и покупка земли. Итакъ, неожиданно-негаданно я оказался въ роли почти самостоятельнаго строителя большого каменноугольнаго рудника. Это была веселая спорая работа, пожалуй, единственная въ моей жизни созидательная инженерская работа, осуществленная отъ самаго ея начала и до конца, отъ развѣдки мѣсторожденія, покупки земли, постройки рудника и пуска его въ ходъ — четыре года службы въ Русско-Бельгійскомъ Обществѣ прошли незамѣтно.

Для постройки металлургическаго рельсопрокатнаго завода и угольнаго рудника при немъ Русско-Бельгійскимъ Обществомъ былъ купленъ очень большой участокъ угольной земли, принадлежавшей кн. А. С. Долгорукому. Земля была расположена по обѣ границы Бахмутскаго уѣзда Екатеринославской губернии и Области Войска Донскаго. И заводъ и рудникъ строились въ Екатеринославской губ. около ст. Волинцево Екатерининской жел. дороги. Заводъ официально назывался «Петровскимъ», по имени стараго Петровскаго завода, построеннаго на этой же землѣ, думаю, въ первой половинѣ XIX столѣтія. Предполагалось, что этотъ заводъ будетъ работать на донецкомъ антрацитѣ — каменный уголь почти не былъ тогда извѣстенъ въ Бассейнѣ. Заводъ, однако, пущенъ въ ходъ не былъ. Я еще засталъ развалины двухъ маленькихъ доменныхъ печей.

Помню одновременное начало работъ весной 1895 г. постройки завода и начала развѣдки угольнаго мѣсторожденія; огромный штатъ служащихъ постройки завода, больше инженеры-путейцы, главнымъ образомъ, поляки; жить почти негдѣ; я одинъ, жена осталась въ Петербургѣ; живемъ втроемъ въ одной комнатѣ въ домѣ-баракѣ, наскоро выстроенномъ между рудникомъ и заводомъ. За обѣдомъ 30-40 душъ во главѣ съ подолгу живущимъ на работахъ Енакіевымъ. Общій тонъ и отношеній и самой работы уже не старыи рудничныи — чувствуется и напряженіе работы и большои ея размахъ. На мѣстѣ завода идти пока однѣ земляныя работы и планировка мѣста подъ заводъ — Енакіевъ, любящій позу и жестъ, показываетъ съ высоты сосѣдняго холма посѣтителемъ и своимъ бельгійцамъ, занятымъ пока только надъ чертежами, муравейникъ сотенъ грабарскихъ конныхъ колымажекъ и бѣлыхъ копошащихся фигуръ грабарей — зрѣлище, пожалуй, импозантное и для бельгійцевъ несомнѣнно новое.

Я съ утра до вечера бѣгаю по степи, иду и устанавливаю известняки, намѣчаю проходку развѣдочныхъ канавъ и шурфовъ для вскрытія пластовъ угля и опредѣленія его качества. Въ серединѣ лѣта приѣхала жена, намъ отвели старый помѣщичій домъ — цѣлую усадьбу — «Апошняновку», съ большимъ садомъ, рѣчкой, конюшнею, лошадыми — мы живемъ настоящими помѣщиками; нашъ домъ слишкомъ для насъ двухъ великъ, но онъ естественно наполняется: приѣзжаютъ мои родные, приѣзжаетъ мать жены. Для меня только теперь началась новая жизнь, непохожая на предыдущій жизненный хаосъ, сразу такая красивая и покойная на фонѣ чудесной деревенской обстановки — ей вторятъ вполне и мои настоящіе служебныя занятія развѣдками, проходящія среди природы, пока внѣ промышленнаго всегда шумнаго вторженія — мы живемъ почти въ обстановкѣ идилліи.

Мѣстороженіе угля, длиною до 12 верстъ по простиранію пластовъ, находилось вблизи главной «антиклинальной складки» Донецкаго Бассейна съ пластами, приподнятыми почти до вертикальнаго паденія и настолько сближенными, что въ мои развѣдки входили чуть ли не всѣ устанавливаемыя тогда свиты угольныхъ пластовъ Бассейна. Мнѣ надо было развѣдать нѣдра земли, выбрать подходящій участокъ и строить рудникъ на большую добычу — работа была большая, для меня новая, очень интересная и отвѣтственная.

Отвѣтственность увеличивалась тѣмъ, что мѣстороженіе имѣло дурную репутацію — по преданію, здѣшніе угли не спекались, т. е. не давали кокса, а Обществу для начавшагося постройкой металлургическаго завода нужны были коксовые угли. Помню, какъ я встрѣтилъ какъ то на желѣзной дорогѣ стараго горнаго инженера, извѣстнаго знатока Донецкаго Бассейна, А. Ф. Мевіуса, и какъ онъ серьезно и опасново меня предупреддалъ о завѣдомой негодности развѣдываемаго мною мѣстороженія.

Развѣдками очень интересовался и работавшій тогда въ Донецкомъ Бассейнѣ, состоявшій геологомъ Геологическаго Комитета, Л. И. Лутугинъ, мой товарищъ и пріятель, о которомъ я уже упоминалъ выше. Лутугинъ часто бывалъ на развѣдкахъ, беря отъ меня данныя развѣдокъ. Почти всегда онъ приѣзжалъ со своимъ помощникомъ-слугою, уже тогда общеизвѣстномъ въ Донецкомъ Бассейнѣ самоучкой-геологомъ, крестьяниномъ гор. Лисичанска — Моисеемъ Горловымъ, называемымъ просто «Моисеемъ». Моисею могло быть уже подъ 50 лѣтъ. Длинная сѣдѣющая борода, умные, внимательные глаза, на рѣдкость милое, располагающее лицо; всегдашній сѣрый люстриновый костюмъ, съ такимъ же картузомъ на головѣ; высокіе полумужицкіе сапоги и длинная палка въ рукахъ — таковъ всѣмъ извѣстный въ Донецкомъ Бассейнѣ

«Моисей Лутугина». Когда Лутугина не было въ Бассейнѣ, запутавшійся въ правильномъ опредѣленіи пластовъ развѣдчикъ часто приглашалъ Моисея. Приходилось выписывать его и мнѣ. Моисей оббѣгалъ сомнительныя мѣста, мы устраивали консультацію — ускользавшіе отъ опредѣленія известняки, эти ориенторныя линіи Донецкаго Бассейна, почти всегда безошибочно устанавливались Моисеемъ. «Это не иначе, Александръ Ивановичъ, какъ „Тещинъ“ известнякъ», говорилъ, на примѣръ, Моисей, отмѣчая неопровержимые внѣшніе признаки известняка, видные часто только ему одному. Лутугинъ, до полнаго установленія угольныхъ свитъ Бассейна, обозначенныхъ цифрами и буквами, связывалъ временное названіе известняковъ съ наиболѣе характернымъ мѣстомъ ихъ нахождения — такъ, «Тещинымъ» назывался известнякъ, отлично вышедшій въ огородъ тещи того же Моисея; «Любимовскимъ» назывался известнякъ, вышедшій на землѣ Любимова, и т. д.

Моисей былъ замѣчательнымъ представителемъ все той же русской реальности и скромной простоты — никакой позы ни въ отношеніи къ «своей наукѣ», ни въ отношеніи къ тому разнообразію людей, выше его стоящихъ, которымъ Лутугинъ и онъ консультировали. Въ своей наукѣ Моисей вовсе не походилъ на обычный трафаретный типъ сторожа профессорскаго кабинета, зазубрившаго, какъ попугай, латинскія названія моделей. Моисей долженъ былъ часто дѣлать самостоятельные выводы изъ своихъ знаній и наблюденій, и онъ ихъ дѣлалъ и рѣдко ошибался въ своемъ «научномъ» опредѣленіи. Въ обращеніи съ людьми Моисей былъ и не искателемъ и не гордъ или самомнителемъ — онъ нашелъ ту среднюю линію, которая столь свойственна русскому человѣку — всѣ говорили Моисею «ты», никто не сажалъ его за свой столъ — онъ скромно оббѣдалъ на кухнѣ, но никому не пришло бы въ голову третировать его свысока или быть съ нимъ непочтительно-небрежнымъ... кромѣ, впрочемъ, одного случая, о которомъ я знаю со словъ Лутугина и о которомъ стоитъ рассказать.

Небезызвѣстный на югѣ горный инженеръ К-овъ, лихой дѣтина, съ лицомъ разудалаго ямщика, не дуракъ выпить и сильно бравирующій своей разудалостью, доходящей часто до простой грубости, какъ то въ разговорѣ съ Моисеемъ, въ присутствіи Лутугина, возражая ему, схватилъ Моисея за бороду, презрительно крикнувъ: «Эхъ ты, борода». Моисей молча снесъ обиду, но уже долго спустя, ходя съ Лутугинимъ по «гривкамъ» известняковъ и разговаривая о господахъ-инженерахъ, выразилъ сомнѣніе въ томъ, что К-овъ можетъ быть отнесенъ къ господамъ и что его «всего бы лучше отдать назадъ въ мужики». Таковъ былъ Моисей — онъ не рабочій-шахтеръ тогда, когда мы его знали, но онъ изъ рабочихъ, и мнѣ особенно пріятно, что я съ этого замѣчательнаго русскаго «про-

стого» человекъ начинаю говорить о продѣланной мною тогда съ рабочими большой работѣ.

Къ серединѣ лѣта выяснилось, что наши угольные пласты въ самомъ центрѣ залеганія, почти тамъ, гдѣ надо было закладывать первыя шахты, проходятъ частью черезъ чужую землю; ее необходимо было купить — иначе очень осложнилась и удорожалась разработка мѣсторожденія. Земля принадлежала старому извѣстному горному инженеру, тогда живущему уже на покой, богатому помѣщику Полтавской губ., Николаю Николаевичу Летуновскому. Я его зналъ только по имени, какъ когда то перваго открывателя богатѣйшихъ соляныхъ залежей въ Бахмутскомъ уѣздѣ; по слухамъ, это былъ странный человекъ, отошедшій теперь совершенно отъ жизни, живущій съ женой въ полномъ отчужденіи отъ людей, почти въ затворѣ, въ своемъ великолѣпномъ богатомъ имѣніи подѣ Полтавой. Жену его у насъ считали почему то чуть не полуумной. Енакіевъ правильно учелъ, что купить у такихъ людей землю обычнымъ порядкомъ, т. е. поѣхать самому или послать комиссіонеровъ, невозможно. Здѣсь нуженъ былъ особый «подходъ» — онъ рѣшилъ послать къ Летуновскому меня и не премѣнно съ женой. Я былъ горнымъ инженеромъ, собратомъ по оружію, молодымъ, только что женившимся — Енакіевъ предполагалъ, что мы скорѣе другихъ, больше интуитивнымъ вліяніемъ, чѣмъ умѣніемъ, найдемъ приемлеый для Летуновскихъ языкъ. Такъ и случилось — бѣдные старики, полубольные, находившіеся на порогѣ смерти, обрадовались намъ, какъ своимъ дѣтямъ — мы провели у нихъ, главнымъ образомъ, въ ихъ неподобномъ паркѣ, 2-3 дня — теперь совершенно не помню, путемъ какихъ переговоровъ, нужная Обществу земля, благодаря нашему визиту и знакомству, была куплена по какой то даже исключительно дешевой цѣнѣ. Это была лицевая сторона медали — не замедлила проявиться и изнанка. Летуновскій написалъ Енакіеву, что продалъ землю Обществу только благодаря намъ и изъ-за насъ, прося Енакіева уплатить мнѣ обычные комиссіонные за удачную покупку. Таковые, благодаря моей тогдашней неопытности, конечно, уплачены не были.

Поѣздка за границу. Моя работа по сооруженію рудника слагалась на мѣстѣ почти самостоятельно и въ ней я не зависѣлъ отъ заводскаго управленія — отъ него я получалъ только деньги по подаваемымъ смѣтамъ. Въ производствѣ самой работы я былъ непосредственно связанъ съ консультантами, бельгійскими инженерами, — старикомъ Дюраномъ, многолѣтнимъ завѣдующимъ технической частью огромнаго бельгійскаго „Société Générale“, и его помощникомъ Керстеномъ, моимъ ровесникомъ по годамъ. Я не буду оста-

навливаясь на томъ, какъ шла работа по постройкѣ завода -- ея техническую часть вели два извѣстныхъ бельгійскихъ инженера-металлурга Филиппаръ и Галлеръ; административная часть находилась въ рукахъ русской администраціи во главѣ съ Енакіевымъ, часто пріѣзжавшимъ и подолгу жившимъ на работахъ. Мѣстные управляющіе работами смѣнялись довольно часто — за два года постройки ихъ смѣнилось три — инженеры путей сообщенія Твардовскій и Гиршманъ и горный инженеръ Подгаецкій, всѣ три не металлурга. Къ нимъ, повторяю, я не имѣлъ никакого служебнаго отношенія.

Окончивъ развѣдки мѣсторожденія къ осени 1895 г. и найдя его превосходнымъ, какъ по качеству угля, такъ и по замѣчательной правильности залеганія пластовъ, проходившихъ ровной, какъ нитка, линіей все двѣнадцативерстное простирание, я поѣхалъ въ Бельгію, повезя съ собой и образцы угля. Поѣхали мы, конечно, вмѣстѣ съ женой. Праздникъ и сказка заграницы, тогда еще обычные для русскихъ, охватили насъ уже съ момента переѣзда границы. Контрастъ показной разницы между неряшливой неуклюжестью и томительной тоскливостью русскихъ, особенно почему то близкихъ границъ желѣзно-дорожныхъ станцій, съ отвѣчающимъ этому тону общимъ полупустыннымъ пейзажемъ страны, былъ остръ, необыкновенно рѣзокъ. Вы попадали сразу въ вычищенный, оживленный, казавшійся веселымъ, радостнымъ порядокъ мелькавшихъ часто станцій; вашъ глазъ не могъ оторваться отъ чистенькихъ уютныхъ деревень, городковъ, увѣнчиваемыхъ непривычной для насъ стройной красотой готическихъ церквей. Вездѣ порядокъ, чистота, внѣшнее у всѣхъ довольство — для насъ сплошной праздникъ. Вся эта наша первая совмѣстная съ женой поѣздка за границу была дѣйствительно похожа на сказку. Помню впечатлѣнія Брюсселя — отъ роскошнѣйшей, какъ намъ показалось, гостиницы Грандъ-отеля и отъ дѣйствительно очаровательной главной площади города со старинной ратушей и окружающихъ ее величественныхъ историческихъ зданій — мы попали на площадь неожиданно, ночью и увидѣли ее вдругъ въ фантастическомъ лунномъ освѣщеніи.

Почти все мое время въ Бельгіи было занято работой по составленію проекта рудника, чѣмъ мы занимались вдвоемъ съ Керстеномъ. Сообразно характеру залеганія пластовъ угля въ мѣсторожденіи, рѣшено было строить рудникъ въ видѣ двухъ большихъ «сдвоенныхъ» шахтъ по системѣ, очень принятой въ Бельгіи, почему мы имѣли для руководства массу готовыхъ образцовъ. Кромѣ работъ надъ проектомъ, я посѣщалъ съ Керстеномъ или Дюраномъ рудники Бельгін.

Болѣе близкое знакомство съ людьми и обычаями начало уже и тогда колебать праздничность моихъ западно-европейскихъ впечатлѣній. Помню, какъ меня поражали холодъ и

сухость отношеній между директорами и подчиненными имъ младшими инженерами — нигдѣ ни тѣни товарищескаго дружелюбія, почти вездѣ строгій приказъ и безапелляціонное подчиненіе; доходило до того, что на одномъ рудникѣ младшій инженеръ, разговаривая съ директоромъ, снималъ шляпу; о возможности младшему инженеру сидѣть въ присутствіи директора или о подачѣ другъ другу руки, казалось, не могло быть и рѣчи. Въ семейномъ быту поражало подчиненное, подчеркнуто-младшее положеніе женщины, жены мужу. На одномъ рудникѣ, гдѣ я былъ съ Дюраномъ, принимавшій насъ у себя директоръ рудника пожелалъ развлечь насъ послѣ завтрака, за кофе и ликерами музыкой, предложивъ женѣ поиграть намъ на роялѣ; на робкій протестъ жены, онъ лаконически приказалъ: „Vite, vite, allez jouer“. Въ другомъ мѣстѣ, когда мы послѣ какого то завтрака развлекались въ саду директора стрѣльбой изъ монтекристовъ по несчастнымъ кроликамъ, заряжала ружья и торопливо намъ ихъ подавала его жена. При совмѣстномъ семейномъ, тогда довольно обычномъ посѣщеніи ресторановъ, пальто и мужьямъ и даже мнѣ подавали жены. Совершенно отсутствовало также русское стѣсненіе передъ женщиной, дамой мелочами вѣжливой почтительности, вплоть до посѣщенія, какъ въ домахъ, такъ и въ ресторанахъ, на глазахъ у дамъ уборныхъ. Всѣ внѣшнія, видимыя стороны семейнаго быта, казались нарочито упрощенными для нестѣсненія мужа, главы семьи, въ его трудовой жизни — мужъ, мужчина, признанный неоспоримый глава — его «работа» главное въ жизни; для жены остается кухня, дѣтская и всяческое охраненіе спокойной обстановки работы мужа. Для насъ, русскихъ, все это было ново и необычно, какъ нова и необычна была для меня, уже изрядно хлебнувшего отъ русскаго «макѣвскаго» разгильдяйства, напряженность работы бельгійскаго инженера, казавшаяся мнѣ тогда почти исключительной.

Я не могъ за короткое время моего пребыванія въ Бельгіи уловить до конца характеръ отношенія инженера-бельгійца къ рабочимъ. Но уже и тогда поражала строгая дисциплинарная регламентированность этихъ отношеній — ни тѣни «отеческаго» попеченія, ни намекъ на сентиментальное сожалѣніе о «народѣ» и къ «народу» — вездѣ, если не жесткій, то сухой порядокъ формальныхъ отношеній. Рабочія помѣщенія на рудникахъ были хороши, но ихъ было очень мало и они сдавались рабочимъ за довольно высокую квартирную плату; почти вездѣ огромное большинство рабочихъ жило на частныхъ квартирахъ въ деревняхъ и городкахъ, очень частыхъ въ густо населенной Бельгіи. Такъ же точно за плату получали рабочіе и уголь для отопленія квартиръ. Напомню, что наши рабочіе имѣли тогда и квартиры, правда, довольно примитивныя, и уголь для отопленія бесплатно.

Скажу нѣсколько словъ о моихъ больше сотрудникахъ, чѣмъ начальствѣ, объ инженерахъ Дюранѣ и Керстенѣ. Дюранъ былъ тогда уже очень старъ и, какъ инженеръ, замѣтно отходилъ отъ активной роли; въ нашей работѣ гораздо большее значеніе имѣлъ Керстенъ, его помощникъ. Керстенъ, очень способный инженеръ, человѣкъ далеко незаурядный, во всякомъ случаѣ, очень сложный, былъ фанатическимъ католикомъ, думаю, іезуитскаго воспитанія. Его религіозность, вѣра, была, съ нашей точки зрѣнія, болѣе чѣмъ странна, обращаясь чуть не въ фетишизмъ: Керстенъ носилъ всегда въ своемъ жилетномъ карманѣ крохотную статуэтку своего патрона св. Іосифа, говори совершенно серьезно, что безъ нея онъ не сможетъ дойти до ближайшаго забора.

Черезъ два мѣсяца пребыванія въ Бельгіи мы возвращались въ Россію вмѣстѣ съ Дюраномъ и Керстеномъ; они ѣхали на короткій срокъ для осмотра мѣсторожденія на мѣстѣ и для совмѣстнаго выбора мѣста закладки шахты. Помню, какъ жену и меня поразило то, что оба бельгійца, передъ русской границей... сняли съ рукъ обручальныя кольца. Я никогда не могъ получить удовлетворительнаго объясненія, почему они это сдѣлали. Боюсь, что вмѣстѣ съ непоколебимымъ убѣжденіемъ, что въ Россіи единственнымъ нравственнымъ человѣкомъ былъ недавно умершій Императоръ Александръ III, они считали, что русскія дѣвушки жадно набрасываются на всѣхъ холостыхъ мужчинъ. Живя въ Россіи, они вначалѣ очень боялись простого народа и приходили въ паническое состояніе отъ быстрой ѣзды на лошадяхъ — особенно смущалъ ихъ бѣшеный аллюръ нашихъ пристяжныхъ. Вообще въ первыхъ шагахъ моихъ бельгійцевъ на русской землѣ было, пожалуй, столь же много комическаго, какъ и въ «нашихъ заграничней».

«Инспекторскіе» визиты Дюрана и Керстена совершались аккуратно два раза въ годъ съ пребываніемъ на рудникѣ отъ двухъ недѣль до мѣсяца. Помимо того, они видимо питали къ моей работѣ полное довѣріе, а захолустная обстановка русской деревенской жизни ихъ мало прельщала.

Постройка и пускъ въ ходъ рудника. Постараюсь вспомнить, какъ строился Вѣровскій рудникъ. Обѣ шахты были заложены зимой 1896 года, а съ весны началась усиленная постройка рудника. Моими ближайшими помощниками при постройкѣ были, помимо молодого инженера М. М. Бронникова, штейгера И. Н. Гладкій и А. В. Бабаковъ, люди простые, мало интеллигентные, съ низшимъ образованіемъ, но уже съ достаточной горной практикой. Молодой бельгійскій инженеръ Тиллье, данный мнѣ «для порядка» бельгійскими членами правленія, былъ мало полезенъ ввиду незнанія русскаго языка и отсутствія практики — онъ былъ впрочемъ смиреннымъ и покладистымъ человѣкомъ, охотно исполнялъ мои

порученія по наглядному надзору-наблюденію за всѣми работами постройки.

Мнѣ было тогда 30 лѣтъ и я имѣлъ уже пять лѣтъ практики — одинъ годъ былъ даже управляющимъ довольно большого Карповскаго рудника. Черезъ 2½ года послѣ начала развѣдокъ Вѣровскій рудникъ работалъ уже полнымъ ходомъ, давая около 2 милліоновъ пудовъ угля въ мѣсяцъ, имѣлъ около 2000 рабочихъ и полный штатъ техническихъ и иныхъ служащихъ.

Въ первый разъ на рудникахъ Донецкаго Бассейна были поставлены двѣ огромныя подъемныя машины по 1000 силъ каждая, смонтированъ колоссальный вентиляторъ Гибалья, діаметромъ въ 12 метровъ (исключительно большихъ размѣровъ); эти вентиляторы уже и тогда являлись почти устарѣвшими, замѣняясь быстроходными съ малымъ діаметромъ. Поставлены компрессоры съ инсталляціей механическаго буренія шахтныхъ галлерей (квершлаговъ); большіе паровые котлы — однимъ словомъ, въ дѣвственной дотолѣ степи былъ воздвигнутъ рудникъ современнаго западно-европейскаго типа. Все это было сооружено при непосредственной помощи не только рукъ, но и ума и таланта, главнымъ образомъ, простыхъ, въ большинствѣ малограмотныхъ русскихъ рабочихъ — монтеровъ, слесарей, плотниковъ, каменщиковъ, проходчиковъ. Моя роль инженера-руководителя сводилась въ сущности къ работѣ общаго руководства, больше административной, чѣмъ къ работѣ близкаго техническаго наблюденія — для этого у меня просто не хватало времени. Я помню, съ какой изумительной быстротой и точностью сначала читались и изучались, напримѣръ, чертежи сложнѣйшей, какъ паутина, деревянной угольной сортировки, а затѣмъ заготовлялось и возводилось само сооруженіе артели плотниковъ-ярославцевъ съ талантливѣйшимъ рядчикомъ Семихинымъ во главѣ, мужикомъ, еле умѣвшимъ подписать свою фамилію. Высокое надшахтное зданіе, около 20-ти метровъ вышиною, включающее внутри себя желѣзные шахтные копры (чисто бельгійская система), длинное, съ одной лишь поперечной стѣной, было съ математической точностью выведено изъ бутоваго песчаника, т. е. изъ камней неправильной формы, простыми каменщиками, не производившими раньше никогда подобной работы. Разбивка сложныхъ машинныхъ фундаментовъ и вся работа механической стройки производилась подъ непосредственнымъ руководствомъ молодого штейгера И. Н. Гладкаго и монтера слесаря Костенко, еле грамотнаго мужика, не имѣвшаго никакого образованія, но имѣвшаго, конечно, достаточный стажъ машиниста-монтера.

Если во время самого монтажа машинъ работой еще руководили присланные съ фабрики монтеры, то съ пускомъ механизмовъ въ ходъ всѣ они попали подъ непосредственное

руководство Костенки и цѣлаго штата подручныхъ ему машинистовъ и слесарей — русскихъ простыхъ рабочихъ у механизмовъ. Всѣ эти сложныя для того времени машины, пущенныя въ ходъ и руководимыя нашими рабочими, работали отлично, безъ всякихъ аварій и перебоевъ. Такъ же точно подготовлялись и пускались въ ходъ подземныя работы, сначала пересѣченіемъ, а затѣмъ и разработкой семи угольныхъ пластовъ — сложная и специальная работа, руководимая, главнымъ образомъ, штейгеромъ Бабаковымъ и цѣлой арміей шахтныхъ десятниковъ, совершенно особымъ типомъ русскаго рабочаго, отъ котораго требуется большая расторопность и сметка, часто личная храбрость и умѣніе быстро ориентироваться въ обстановкѣ рудничной работы, всегда грозящей возможнымъ «несчастливымъ случаемъ», лежащимъ въ стихійной природѣ самой работы. Такъ, буквально общими усилиями, общимъ, включая и простыхъ рабочихъ, творческимъ подъемомъ, былъ пущенъ въ работу, пожалуй, самый большой по тому времени въ Россіи «Вѣровскій рудникъ».

Впрочемъ, для меня лично не все обошлось благополучно и я хочу упомянуть объ одной тяжелой случайности, стоившей мнѣ тогда много нервовъ, случайности, типичной для горноинженерской работы.

Рудникъ былъ конченъ, работы достигли перваго угольнаго пласта на глубинѣ 60 саж. (толстый пласть 2 метр., названный мною «Двойникъ»); было наработано достаточно угля для загрузки въ построенныя къ тому времени на нашемъ заводѣ (4 версты отъ рудника) коксовыя печи. Уголь былъ торжественно отвезенъ и загруженъ. Черезъ сутки, когда нужно было выгружать коксъ, оказалось, что кокса не получилось, что уголь не спекался, давъ въ печахъ никуда негодный угольный мусоръ... Вся моя работа развѣдки, сооруженія рудника на выбранномъ мною мѣстѣ оказывалась какъ бы роковой ошибкой; огромныя деньги, чуть ли не 3 милл. рублей, выброшенныя зря, — было отчего помутиться моей головѣ, особенно ввиду предоставленной мнѣ въ работѣ самостоятельности. Тяжело вспоминались и казались жутко пророческими слова стараго Мевіуса. Строители завода, инженеры-металлурги, бельгійцы Филиппаръ и Галлеръ не были моими доброжелателями — ихъ всегда раздражала моя самостоятельность. Они напали на директора-распорядителя старика Біе (Bihet), говоря: «Вотъ вамъ результатъ вашей излишней довѣрчивости, взяли неопытнаго молодого русскаго инженера, дѣло оказывается подорваннымъ въ корнѣ»... и т. д. и т. д. Біе былъ прекраснымъ образцомъ широкаго и очень справедливаго администратора; ко мнѣ онъ относился съ полнымъ довѣріемъ. «Итакъ, г. Фенингъ, въ чемъ же дѣло?», строго спросилъ меня, призвавъ въ свою контору, Біе. Я отвѣтилъ, что я самъ не

знаю и пока не понимаю причины и просилъ дать мнѣ двѣ недѣли срока для отвѣта, на что Бѣ согласился.

Я чувствовалъ, вполне увѣренный въ доброты качества мѣсторожденія, какъ типично-коксоваго угля, что я стою передъ какой то геологической случайностью, мною не предусмотрѣнной, касающейся этого пласта, вѣрнѣе, даже только мѣста пересѣченія пласта квершлагомъ. Я вызвалъ телеграммой Лутугина, къ счастью находившагося въ бассейнѣ; мы пробѣгали съ нимъ, какъ угорѣлые, два дня по выходамъ известняковъ и песчанниковъ и нашли еле замѣтный «сбросъ» песчанниковъ, составившихъ крышу и почву пласта «Двойникъ»; сбросъ проходилъ почти у мѣста пересѣченія пласта квершлагомъ. «Грѣхъ пополамъ», говорилъ Лутугинъ, довольный, но нѣсколько сконфуженный тѣмъ, что сбросъ не былъ имъ обнаруженъ раньше; этотъ упрекъ въ такой же мѣрѣ, конечно, относился и ко мнѣ. Неспекаемость угля пласта «Двойникъ» зависѣла отъ наличія сброса и твердости крыши и почвы пласта, давшихъ по тремъ плоскостямъ легкую возможность вывѣтриванія до небывало большой глубины въ 60 саж. Зона плохого угля оказалась, конечно, очень незначительной, и уже черезъ 2-3 недѣли работы вошли въ отличный уголь, дававшій превосходный, одинъ изъ лучшихъ въ Донецкомъ Бассейнѣ, коксъ, — слава русскаго оружія была восстановлена.

Скажу еще нѣсколько словъ о постройкѣ рабочей колоніи. Задача была сложной, такъ какъ необходимо было выстроить помѣщеній на минимумъ 2.000 рабочихъ, т. е. создать, считая и ихъ семьи, значительное поселеніе. Постройка большого количества хорошихъ семейныхъ домиковъ, что обезпечило бы возможность подбора лучшаго рабочаго персонала, требовала затраты очень большого капитала, на что не соглашались бельгийцы. Постройка, главнымъ образомъ, казармъ, даже и улучшеннаго типа, т. е. съ деревянными полами и отдѣльными кухнями, была много дешевле, но холостые рабочіе, «казарменные жители», были несомнѣнно худшимъ рабочимъ элементомъ. Мнѣ же очень хотѣлось обезпечить рудникъ особенно хорошими забойщиками, правильно организовать эту первѣйшую основу рудничной работы.

При очень крутомъ паденіи пластовъ, что имѣло мѣсто на Вѣровскомъ рудникѣ, когда работа по отбойкѣ угля по техническимъ условіямъ производится не артельно, а единолично каждымъ забойщикомъ, созданіе надлежащаго кадра забойщиковъ имѣло огромное значеніе. Необходимо было искать компромиссъ, т. е. строить отдѣльные семейные, но дешевые домики. Такой компромиссъ давно уже былъ найденъ сосѣднимъ намъ старымъ Горловскимъ рудникомъ, имѣвшимъ тѣ же условія залеганія пластовъ. «Горловскій типъ» — односемейный въ одну комнату-кухню съ пристроенными сѣнями,

отдѣльный домикъ, выстроенный изъ горбылей и съ двухъ сторонъ стѣнъ обмазанный толстымъ слоємъ глины. Обстоятельства сложились такъ, что я былъ вынужденъ повторить горловскій компромиссъ, но чтобы защитить домикъ лучше отъ холода, я дѣлалъ стѣны изъ двухъ рядовъ грубыхъ досокъ (горбылей-обаповъ), засыпая внутренность стѣны по возможности утрамбованной глиной — получалось подобіе глинобитной теплой постройки. Снаружи и внутри стѣны обмазывались глиной или, рѣже, штукатурились. Конечно, съ европейской точки зрѣнія помѣщенія были слишкомъ элементарны, попросту плохи, но усиленная топка плиты даровымъ углемъ и частое подмазываніе «бабами» стѣнъ обезпечивали домику не только теплоту зимой, но и давали очень опрятный видъ колоніи. А когда появились около «своихъ» домиковъ по улицѣ деревца и цвѣты, а въ дворикахъ хлѣвушки, сарайчики, лѣтнія плитки, то колонія приняла уютный, почти нарядный видъ. Нужно отдать справедливость семейнымъ шахтерамъ и ихъ бабамъ — они, получивъ отдѣльную, «свою» квартиру, содержали ее всегда въ большой чистотѣ.

Семейная колонія «Вѣровки» вытянулась сотнями домиковъ по одну сторону рудника. По другую сторону расположились казармы для холостыхъ. Дома для служащихъ, также какъ и домъ для управляющаго рудникомъ, были вынесены примѣрно на версту отъ рудника, на лучшую, менѣе каменистую землю, за сосѣднюю небольшую возвышенность, образованную выходомъ мощнаго песчаника. Около всѣхъ домовъ были разбиты недурные садики, а на возвышенности, тянущейся ровной линіей вдоль домовъ, было устроено подобіе бульвара, т. е. насажены деревья и поставлены скамьи. Рудникъ, построенный почти на ничѣмъ не прикрытыхъ выходахъ коренныхъ каменноугольныхъ породъ, т. е. на почвѣ глинисто-песчанистой, въ сущности бесплодной, украсился черезъ 2-3 года, благодаря усиленному уходу, густой, казавшейся здѣсь почти невозможной, зеленью сравнительно большой площади садовъ.

Въ противность многимъ Чеховскимъ героямъ, моимъ современникамъ, которые за «всю свою жизнь не посадили ни одного деревца и не выростили ни одной травки», я не безъ основанія могъ считать, что все то, что понесла на себѣ дотолѣ бесплодная здѣсь степь, сооружено во многомъ моимъ личнымъ хозяйственнымъ творчествомъ, и я не могъ не испытывать, пусть только и на нѣкоторые короткіе моменты, этого гордаго сознанія. Это сознаніе особенно ласкало мое самолюбіе тогда, когда я смотрѣлъ на длинныя вереницы рабочихъ, спѣшащихъ на «смѣну», или когда огромныя трехэтажныя клѣти въ разгаръ добычи непрерывно «выдавали» изъ шахты на поверхность сразу по шести вагонетокъ того угля, который, благодаря

моимъ усилямъ и сложной технической процедурѣ, былъ сначала отысканъ развѣдками, затѣмъ вскрытъ сѣтью подземныхъ галлерей, наконецъ выработанъ изъ пласта и непрерывно вы-
даемъ изъ нѣдръ земли на поверхность готовымъ массовымъ продуктомъ.

Я зналъ, что аналогичная работа небывало дотолѣ у насъ масштаба начинала осуществляться въ то горячее время въ Донецкомъ Бассейнѣ многими моими сотоварищами, сравнительно молодыми русскими инженерами, и къ гордости моего личного сознанія присоединялось ощущеніе гордости національной. Пусть, однако, читатель не подумаетъ, что эта наша «гордость» если не питалась, то хотя бы поддерживалась общественнымъ вниманіемъ, хотя бы къ нѣкоторой исключительности нашей работы, къ новизнѣ ея масштабовъ, или къ большой ея полезности для страны — увы, современная русская общественность ни въ какой формѣ не проявляла къ намъ даже своего интереса. Промышленные, вообще хозяйственные достиженія вовсе не интересовали современную намъ интеллигенцію.

Общественная изолированность промышленнаго строительства Бассейна. Несмотря на нашу географическую отчужденность отъ русскаго общества, а потому на нашу общественную неопытность, мы замѣчали странность изолированности совершаемой на югѣ работы — точно она совершалась въ другомъ государствѣ. Слыша и зная, что въ массѣ мѣстъ Бассейна сооружаются металлургическіе заводы, строятся большіе каменно-угольные рудники, проводятся желѣзныя дороги, мы, реально ощущая всю огромность новаго строительства, не находили ни въ печати, ни въ обществѣ, когда мы съ нимъ встрѣчались, ни тѣни интереса къ совершаемому, никакого на него отклика. Даже, попадая въ Харьковъ въ нашъ Совѣтъ Съѣзда Горнопромышленниковъ Юга Россіи, представленный тогда уже очень старымъ инженеромъ Мевіусомъ, его предсѣдателемъ, мы заставляли учрежденіе, живущее цѣликомъ старымъ — новое его пока не коснулось. Даже наши старшіе коллеги — директора правленій, какъ Енакіевъ, Суцевъ, Бунге, занятые своими дѣлами, казалось, не улавливали общій размахъ южнаго строительства.

Вспоминая теперь то далекое время, я вижу, что, помимо отсутствія у нашего общества вообще интереса къ хозяйственнымъ начинаніямъ, оно какъ разъ въ тотъ періодъ конца 90-хъ годовъ начало вовлекаться въ политическую борьбу. Начинался подъемъ оппозиціоннаго правительству общественнаго движенія, смѣнившаго «затишье» эпохи Александра III. Началось съ петиціи Николаю II при его вступленіи на престолъ и съ извѣстнаго его отвѣта о «безсмысленности мечтаній». Первымъ

проявленіем общественной активности были студенческіе безпорядки, возникшіе по пустому ви́шнему поводу изъ-за столкновенія студентовъ Петербургскаго университета съ ректоромъ. Безпорядки были длительными, вылившись въ форму студенческой забастовки почти всѣхъ русскихъ университетовъ, бастовавшихъ изъ чувства солидарности. Общественность и пресса рѣзко реагировали на безпорядки, ставъ цѣликомъ на сторону студентовъ. Движеніе приняло постепенно политическій оппозиціонный характеръ и привело, какъ извѣстно, къ первому послѣ долгаго перерыва террористическому акту — убійству министра народнаго просвѣщенія Боголѣпова, совершенному студентомъ Карповичемъ въ началѣ 1901 года.

Подымался гребень второй революціонной волны, бурно залившей Россію въ девятисотыхъ годахъ. Русской общественности, какъ и русской печати, вовлекаемыхъ въ политическую борьбу, могло быть тогда не до хозяйственныхъ достижений вообще и, конечно, не до насъ.

Но вѣдь не всѣ же слои нашей общественности были захвачены политикой; были же и среди нея элементы болѣе спокойные, скажемъ, «дѣловыя», которыхъ могъ и долженъ былъ интересовать тотъ процессъ широкой индустриализаціи, который происходилъ тогда на югѣ Россіи. Присматриваясь и тогда и особенно позднѣе къ составу нашего общества, къ разнымъ слоямъ, его образующимъ, я увидѣлъ, что наша общественность, во всякомъ случаѣ провинціальная, болѣе близкая моему наблюденію, въ сущности не имѣла въ своемъ составѣ того «слоя», который могъ бы положительно реагировать на происходящее въ Россіи промышленное строительство. Наши «аграріи», дворяне-землевладѣльцы, классъ, могущій быть дѣловымъ, относились тогда къ идеѣ насажденія въ Россіи большой промышленности вообще отрицательно. Я не упоминаю о классѣ собственно промышленниковъ, нѣтъ такого въ тогдашней Россіи, какъ класса, увы, не было вовсе.

По общепринятому тогда мнѣнію, исповѣдуемому и почти всей нашей печатью, считалось, что Россія страна земледѣльческая, что большинство промышленныхъ издѣлій мы можемъ дешево получать изъ-за границы, что наши промышленныя издѣлія искусственно дороги, какъ слѣдствіе вредной политики покровительственныхъ пошлинъ, и что современное намъ большое промышленное строительство осуществляется правительствомъ искусственно въ ущербъ настоящимъ интересамъ Россіи. Даже такой во многомъ очень широкой ученый, какъ нашъ современникъ профессоръ Максимъ Ковалевскій, считалъ тогда, что «наша промышленность никоимъ образомъ не развивалась самостоятельно, а только какъ слѣдствіе покровительственной таможенной политики правительства». Это близорукое, но очень ходячее тогда мнѣніе, приводило, между

прочимъ, въ большое раздраженіе Витте, написавшаго въ своихъ воспоминаніяхъ: «Говорятъ, что для развитія промышленности я принимаю искусственныя мѣры. Что значить эта глупая фраза? Какими же мѣрами, кромѣ искусственныхъ, справедливо говорить Витте, можно развивать промышленность?» Витте, главный создатель этого государственнаго строительства, дѣйствовавшій отъ лица правительства, могъ съ горечью говорить въ своихъ воспоминаніяхъ: «Вообще вопросъ о значеніи промышленности въ Россіи еще не оцѣненъ и не понятъ. Только нашъ великій ученый Менделѣевъ, мой вѣрный до смерти сотрудникъ и другъ, вопросъ этотъ понялъ».

Даже и въ то время уже конца XIX-го столѣтія, допустимъ, что только въ области государственнаго хозяйства, государственной экономики, единственнымъ европейцемъ въ Россіи оказалось русское правительство. Видимо, и къ тогдашнему состоянію нашей общественности необходимо примѣнить это горькое опредѣленіе Пушкина, сказанное имъ въ тридцатыхъ годахъ при Николаѣ I. Дѣйствительность говорить, что Пушкинъ не ошибся и для эпохи начала девятисотыхъ годовъ, и болѣе чѣмъ вѣроятно, что это печальное сопоставленіе даже не исчерпывалось одной экономической областью.

Общественныя умственныя теченія въ области экономики. Марксисты и народники. Говоря о настроеніяхъ общественности и печати середины 90-хъ годовъ, я долженъ упомянуть о возникшемъ тогда новомъ теченіи, фиксировавшемъ свое вниманіе на характерѣ желательнаго экономического развитія Россіи. Это, какъ его тогда называли, ученіе «экономическаго матеріализма», построенное на ученіи Маркса, было возглавлено молодымъ Петербургскимъ ученымъ Петромъ Бернгардовичемъ Струве; оно очень быстро вошло въ оживленный обиходъ въ печати и въ обществѣ подъ упрощеннымъ названіемъ «марксизма», противопоставляемаго уже отходящему тогда «народничеству», возглавляемому публицистами Михайловскимъ, Златовратскимъ и другими. Суть «марксизма» Струве заключалась въ томъ, что «дальнѣйшій соціальный процессъ мыслимъ только на почвѣ капитализма и не мирится съ устарѣлыми народно-хозяйственными формами»; что «хозяйственныя условія Россіи XIX вѣка представляютъ картину развивающагося капитализма»; что «только капиталистическая выучка, развивая производительныя силы страны, создаетъ условія культурнаго прогресса»; что «она одна можетъ взростить классовое самосознаніе и... внести во взаимныя отношенія общественныхъ классовъ полную ясность». «Значеніе же капитализма для развитія классового самосознанія есть одна изъ основныхъ нотъ ученія Маркса».

Такъ тогда это болѣе или менѣе новое для русскаго общества ученіе было построено Струве на ученіи Маркса. Ученіе «народниковъ», относясь совершенно отрицательно къ «капитализму», считало, что условія русской жизни даютъ совершенно инныя основы для экономическаго развитія Россіи. Основы эти, заключающіяся въ самобытности русскаго крестьянина, сводились чуть не къ идеологии натурального хозяйства, къ первобытному равенству, къ общинѣ, какъ идеалу той гармонической организаціи, когда «права слабого и малоимущаго гарантируются».

Противоположность основъ обоихъ ученій вызывала страстные споры сначала на страницахъ печати, главнымъ образомъ, толстыхъ журналовъ, представлявшихъ эти ученія, затѣмъ въ экономическихъ, философскихъ обществахъ, какъ, напр., въ «Вольно-экономическомъ Обществѣ», и, наконецъ, въ разнообразныхъ кружкахъ столичной студенческой молодежи — жаркіе дебаты загорѣлись по всей линіи тогдашней общественности. «Народники» упрекали «марксистовъ» въ томъ, что они стали «прислужниками капитализма», пошли къ нему «въ выучку». Наоборотъ, «марксисты» упрекали «народниковъ» въ безнадежной путаницѣ понятій, въ вѣрѣ въ «фантомъ» всесильной неклассовой интеллигенціи, въ фантомъ ея роли въ государствѣ и экономическомъ процессѣ*). Въ концѣ концовъ въ очень безпокойной тогда общественной атмосферѣ столицъ, т. е. главнымъ образомъ, въ студенческихъ и ученыхъ кругахъ, и то и другое ученіе вело къ одной и той же политической цѣли: марксисты говорили, что «только черезъ развитіе капитализма и черезъ послѣдующую экспроприацію экспроприаторовъ рабочимъ пролетариатомъ, въ точномъ согласіи съ рецептомъ Маркса, дойдетъ до „грядущаго блаженства“**»). Народники считали, что «теоретическія предпосылки о законахъ историческаго развитія Россіи должны разсматриваться, какъ непосредственное обоснованіе, которое должно немедленно лечь въ основу общественнаго поведенія, направленнаго на подготовку сверженія существующаго порядка»**). Такъ, оба эти отвлеченныя теченія вели столичную русскую мысль по пути усиленной борьбы съ существующимъ государственнымъ порядкомъ, т. е. въ сущности къ революціи, исконной, увы, задачѣ русской передовой интеллигенціи.

Теоретичность этихъ умственныхъ теченій и ихъ оторванность отъ реальной обстановки современности странно иллюстрировались двумя явленіями, наблюдаемыми въ разныхъ областяхъ русской жизни: съ одной стороны огромнымъ хозяйственнымъ строительствомъ страны, совершаемымъ по соб-

*) На разныя темы П. Б. Струве. (Статья „Моимъ критикамъ“).

***) „На рубежѣ двухъ столѣтій“ А. А. Кизеветтера, стр. 212 и 213.

ственному начинанію правительства, какового начинанія ни народническая, ни даже марксистская интеллигенція не желала ни признавать, ни даже замѣчать. Съ другой стороны, наблюдалось замѣчательное явленіе въ области русской литературы: поразительныя по художественной правдѣ творенія Чехова, не замѣтившаго въ своихъ писаніяхъ ни одного изъ упомянутыхъ умственныхъ теченій русской тогдашней интеллигенціи, и съ особой, почти жестокой реальностью написавшаго какъ разъ въ ту эпоху (1897 г.) своихъ знаменитыхъ «Мужиковъ», нанеся тяжкій ударъ всей эфемерности ученія народниковъ.

Мнѣ очень трудно обрисовать теперь впечатлѣніе, которое производило на насъ то сумбурное время зарождающейся революціи. Мы стояли далеко отъ круговъ не только столичной, но и провинціальной интеллигенціи, и были слишкомъ заняты своимъ реальнымъ дѣломъ, не дававшимъ возможности отвлеченія. Мы знали и о «марксистахъ» и, конечно, о «народникахъ» и изъ книгъ — почти всѣ служащіе рудника выписывали толстые разные журналы, и иногда слышали о томъ, что дѣлается въ Петербургѣ, изъ устной передачи пріѣзжихъ къ намъ столичныхъ гостей, особенно отъ Лутугина, повторяю, часто бывавшаго у насъ въ лѣтніе мѣсяцы. Я вспоминаю какое то подобіе общаго впечатлѣнія нашихъ съ нимъ разговоровъ на темы о томъ, что творилось тогда въ Вольно-Экономическомъ Обществѣ, къ которому онъ всегда былъ очень близокъ, о выступленіяхъ большихъ людей, извѣстныхъ по журналамъ, какъ Яроцкій, Чупровъ и др., о страстномъ реагированіи аудиторіи, главнымъ образомъ, молодежи, даже о скандалахъ, но... я почти не помню въ этихъ передачахъ Лутугина ни «марксизма», ни «народниковъ» — Лутугинъ былъ слишкомъ скептически-реаленъ, чтобы увлечься, даже близко заинтересоваться этими ученіями. Онъ бралъ отъ нихъ приносимое ими настроеніе общаго шума, агитаціи, бурлящаго недовольства; ему еще не была видна грядущая революція — она чуть брезжила въ далекомъ будущемъ, но подогрѣвалась лютая ненависть къ существующему порядку, къ правительству, что, можетъ быть, тогда и было единственнымъ политическимъ кредо Лутугина.

Я и мы всѣ, провинціальные инженеры, слушали эти и аналогичные разговоры другихъ попадавшихъ на нашеъ пути столичныхъ интеллигентовъ — они не трогали нашей души, но мы и не давали имъ отпора. Въ сторонѣ отъ насъ, насъ не затрагивая, несся пока намъ и всей нашей ближайшей жизни чуждый бурливый потокъ.

Спутникъ промышленнаго строительства — «грюндерство». Я упомяну еще объ явленіи, сопровождавшемъ южное строительство — о такъ называемомъ «грюн-

дерствѣ», о взвинчиваніи стоимости устраиваемыхъ предприятий за счетъ разныхъ комиссіонныхъ, за счетъ спекулятивной игры на акціяхъ и тому подобныхъ «заработкахъ», идущихъ въ карманъ какъ устроителей, такъ и лицъ и учреждений, рискующихъ своими деньгами на покупку дѣль. Это явленіе, въ сущности неизбѣжное при всякомъ большомъ, особенно массовомъ промышленномъ начинаніи, ибо оно является главнымъ стимуломъ коммерческой созидательной предприимчивости, вовсе не было такъ велико въ періодъ строительства 90-хъ годовъ. Его размѣры были сильно преувеличены общественной молвой, крайне отрицательнымъ отношеніемъ общества къ «спекулянтамъ», которыхъ готовы были видѣть въ каждомъ инженерѣ. Во всякомъ случаѣ, размѣры этого грюндерства не могли идти ни въ какое сравненіе съ желѣзно-дорожнымъ грюндерствомъ 70-хъ годовъ.

При «финансированіи» устраиваемыхъ иностранныхъ предприятий, за свой часто нелегкій и во всякомъ случаѣ очень умѣлый трудъ, «зарабатывали», конечно, предсѣдатели и члены правленій образуемыхъ акціонерныхъ обществъ, какъ русскіе, такъ и ихъ иностранные коллеги. Зарабатывали и всегда больше и лица, занимавшіяся тогда какъ бы спеціально устройствомъ промышленныхъ предприятий, обычно не оставаясь послѣ устройства въ предпріятіи.

Я не могу не упомянуть здѣсь объ одномъ изъ наиболѣе удачливыхъ такихъ «устроителей», объ очень извѣстномъ тогда на югѣ горномъ инженерѣ Алексѣѣ Михайловичѣ Горяиновѣ, директорѣ Брянскаго завода. Большинство, по крайней мѣрѣ бельгійскихъ дѣль, прошло черезъ его руки; даже продажа рудника Максимовыхъ, на которомъ я потомъ служилъ, англичанамъ была совершена при его посредствѣ. Популярность Горяинова у иностранцевъ, направлявшихся тогда на югъ Россіи, какъ въ Клондейкъ, была такъ велика, что пріѣзжавшіе бельгійцы, какъ у насъ говорили, прежде всего ѣхали въ Екатеринбургъ пожать руку „а М-гъ Горяинов“. Нужно, однако, сказать, что Горяиновъ совсѣмъ не былъ комиссіонеромъ обычнаго типа, «рвачемъ», облекавшимъ любую сдѣлку только въ объектъ своей максимальной наживы, какъ это дѣлали многіе другіе устроители. Горяиновъ, самъ прекрасный инженеръ и большой знатокъ южныхъ горныхъ дѣль, былъ вообще скромнымъ, очень привѣтливымъ, обходительнымъ человекомъ — можетъ быть, въ этихъ качествахъ и лежалъ секретъ его дѣйствительно рѣдкой удачливости. Аппетиты же его были скорѣе малыми — онъ выигрывалъ на количествѣ устроенныхъ дѣль.

И Горяиновъ, и Енакиевъ, и Бунге, и даже Сущевъ, какъ и остальные промышленные дѣятели большого калибра того времени, не составили себѣ такихъ состояній, какъ Поляковъ, Фонъ-Дервизъ и другіе желѣзно-дорожные тузы 70-хъ годовъ.

Надо ли говорить, что мы, инженеры младшаго поколѣнія, сидящіе на мѣстахъ, не принимали ровно никакого участія въ финансовомъ устройствѣ дѣлъ. Мы были заняты исключительно администраціей и техникой дѣлъ на мѣстахъ — горячка финансоваго созиданія, уже благодаря нашей молодости и отсутствію всякихъ связей, шла мимо насъ.

Спокойная обстановка высшей школы, а затѣмъ суровая жизнь провинціального захолустья создали изъ насъ людей реального «дѣла», могущихъ съ начала и до конца выполнять совсѣмъ не легкую задачу фактическаго строительства. Мы, современная русская интеллигенція технического образованія, «восьмидесятники», сумѣли тогда безъ губительнаго русскаго отвлеченія въ сторону политическихъ иллюзій и мечтаній просто и реально строить заводы, рудники, желѣзные дороги, и я не ошибусь, повторивъ, что мы были почти первыми въ рядахъ нашей интеллигенціи, ставшими на этотъ настоящій хозяйственный, созидательный трудъ.

Моя жизнь на Вѣровскомъ рудникѣ. Какъ жили я и моя семья четыре года моей службы въ Р. Б. О. при постройкѣ и эксплуатаціи Вѣровскаго рудника? Общественно, даже въ области промышленной, я былъ совершенно отъ всѣхъ изолированъ — прежде всего мѣшала очень интенсивная работа постройки, а затѣмъ и сѣуженность управленія рудникомъ, поставлявшимъ весь выработанный уголь своему заводу, т. е. не имѣвшимъ внѣшнихъ сношеній. Кругъ нашихъ личныхъ знакомствъ былъ тоже очень ограниченъ почти только небольшимъ числомъ знакомыхъ среди служащихъ завода, главнымъ образомъ, семьей брата жены К. Ф. Вегнера, старшаго врача общества, и его немногими друзьями, и моими подчиненными сослуживцами на рудникѣ. Среди нихъ упомяну прежде всего моего помощника, молодого горнаго инженера Василія Александровича Степанова.

Послѣ инженера М. М. Бронникова, моего перваго помощника, очень скоро ушедшаго вообще съ юга, былъ мною приглашенъ, уже послѣ окончанія постройки рудника, В. А. Степановъ, извѣстный впослѣдствіи политическій дѣятель — оня былъ, по моему, членомъ всѣхъ Государственныхъ Думъ отъ партіи К.-Д., начиная со второй Думы; при Временномъ Правительствѣ онъ былъ, кажется Государственнымъ контролеромъ. Имъ же онъ былъ и въ Добровольческой Арміи, въ правительствѣ генерала Деникина, гдѣ мы съ нимъ служебно встрѣтились вновь послѣ долгихъ лѣтъ мы съ нимъ полностью.

В. А. былъ на рѣдкость интеллигентнымъ, прекрасно воспитаннымъ, вмѣстѣ съ тѣмъ прямымъ, въ общемъ исключительно хорошимъ человѣкомъ. Онъ прослужилъ на рудникѣ при мнѣ около двухъ лѣтъ и остался на службѣ на короткое

время послѣ моего ухода. Мои отношенія съ нимъ были, какъ во время нашей совмѣстной службы, такъ и потомъ, неизмѣнно взаимно расположенными, дружескими. Помню, онъ съ особымъ подчеркиваніемъ разсказывалъ мнѣ уже послѣ оставленія Р.Б.О., какъ онъ настаивалъ передъ бельгійцами, чтобы рудникъ, какъ мною съ начала и до конца сооруженный, былъ названъ моимъ именемъ, а не именемъ предсѣдателя правленія общества — бельгійца Депрэ, какъ того хотѣло правленіе и какъ, когда правленіе этого не исполнило, онъ, Степановъ, принялъ всѣ мѣры къ тому, чтобы рудникъ въ отмѣстку бельгійцамъ именовался «Вѣровскимъ» по имени сосѣдней деревни Вѣровка — названіе, которое дѣйствительно осталось за рудникомъ.

Степановъ жилъ сначала на рудникѣ со своей матерью и теткой, баронессой Энгельгардтъ, — прелестными, уже пожилыми дамами, очень большими пріятельницами моей жены. Вскорѣ В. А. у насъ же на рудникѣ и женился, ѣздивъ для вѣнчанія въ Петербургъ; помню, какъ онъ пріѣхалъ съ женой, Магдалиной Владиміровной, урожденной Покровской — очень красивой, молоденькой, стройной женщиной; къ сожалѣнію, бракъ В. А. не былъ прочнымъ — черезъ нѣсколько лѣтъ, въ Петербургѣ онъ разстался съ женой.

Штатъ служащихъ Вѣровскаго рудника былъ очень невеликъ, ограничиваясь двумя-тремя интеллигентными семьями — мои сослуживцы по Макѣвскому руднику, Образцовъ и Томановичъ, послѣдовали за мной въ Р.Б.О. Семей Степанова, этими семьями, да семьями двухъ штейгеровъ, Гладкаго и Бабакова, исчерпывалось наше довольно ограниченное общество. Помимо нихъ и на заводѣ семьи брата жены и еще двухъ-трехъ семей заводскихъ служащихъ, мы съ женой мало кого посѣщали. Рудникъ у меня, а у жены дѣти заполняли все наше время — тоски и скуки Макѣвки не было и помину, хотя мнѣ и пришлось почти безвыѣздно прожить на рудникѣ всѣ четыре года службы въ Р.Б.О. Удивительно, что карты почти совершенно вывелись, даже у Образцова и у Томановича — такъ сильно вліяла переменна всей обстановки жизни. Вечерами, особенно зимой, много совмѣстно читали, лѣтомъ, пріѣдя съ рудника со службы домой, занимались много, почти всѣ, своими садами, которые росли и цвѣли на глазахъ.

Вотъ далекое воспоминаніе о той жизни, ярко воскресшее въ моей памяти: раннее майское утро дня, когда жена родила старшаго нашего сына. Акушерка, жившая у насъ недѣли двѣ до родовъ, разбудила меня на самой зарѣ: «пора, позвоните Карлу Федоровичу». Пріѣхалъ братъ жены, внеся въ домъ всегдашнее свое докторское успокоеніе. «Пойдемъ, Саша, въ садъ, а Тотка (такъ онъ называлъ свою сестру) пускай себѣ рожаеть». Какое это было чудесное и для меня, несмотря на

всю напряженность «событія», утро. Только у насъ, въ цѣлинныхъ нетронутыхъ степяхъ, и то только весной, можетъ быть такъ почти исчерпывающе прекрасно: мягкій, нѣжный, сухой воздухъ, еще темное, но быстро голубѣющее и уже сіяющее небо, аромать степи и жаворонки, жаворонки безъ конца. Помню, я долго стоялъ одинъ у нашего низкаго заборчика, К. Ф., самъ отличный садоводъ, о чемъ то сосредоточенно разговаривалъ съ нашимъ садовникомъ. Я смотрѣлъ въ степь, убѣгающую куда то внизъ, а затѣмъ вверхъ до самага горизонта. Солнце только что взошло — я весь былъ полонъ и совершающимся «тамъ», въ домѣ, таинствомъ и этой чудесной, никогда не надоедающей красотой весенней степи. За жену я почти не боялся — это были вторые роды, она была здорова, молода и такъ жадно хотѣла имѣть дѣтей — и все кругомъ, казалось, дышало торжествующей красотой, здоровьемъ, силой и плодородіемъ самой природы. Счастливое, невозвратное время.

Вспоминаю я и безпокойныя, тяжелыя событія въ жизни Вѣровскаго рудника, къ счастью, мимолетныя. Постройка рудника еще не закончена, но живемъ мы уже въ своемъ рудничномъ домѣ. Контора рудника помѣщается еще во временномъ деревянномъ баракѣ внѣ черты рудничныхъ построекъ, ближе къ жилымъ домамъ. Глухой осенней ночью меня будитъ тревожный стукъ сторожа въ ставню окна — «Тамъ, Ваше Благородіе, несчастье, пожалуйста сюда», говоритъ сторожъ, не желая пугать жену, — рудничное несчастье явленіе, увы, довольно обычное. Быстро одѣваюсь, выхожу. «Контору ограбили, кассу унесли, сторожа убили — пріѣзжали разбойники на трехъ подводахъ», докладываетъ сторожъ. Нужно сказать, что въ то время производила дерзкіе налеты-грабежи, и особенно на рудники, шайка цыганъ. Налетая ночью съ шумомъ и гамомъ, стрѣляя изъ ружей въ электрическіе фонари, погружали рудникъ въ мракъ и стражу въ панику — и безнаказанно грабили. На Берестово-Богодуховскомъ рудникѣ въ такой обстановкѣ былъ убитъ директоръ рудника, инженеръ Цемнолонскій, не побоявшійся выйти изъ дома на шумъ. Все это я зналъ, но идти было необходимо. Посадивъ въ помощь нашему сторожу у себя въ передней кучера съ револьверомъ для охраны дома, вооружившись револьверомъ, я пошелъ, сопровождаемый рудничнымъ сторожемъ, съ опасливой настороженностью въ непроглядную темноту ноябрьской ночи — до конторы было съ полверсты глухого мѣста. Женѣ я ничего, конечно, не сказалъ; правду о несчастьи она узнала только утромъ. Картина грабежа была обычная: фонари потушены, несчастный сторожъ у кассы лежалъ мертвымъ въ лужѣ крови съ прострѣленнымъ черепомъ, желѣзная касса увезена.

Разбойниковъ простыль и слѣдъ. Выстрѣлы слышали на рудникѣ, но безоружные рабочіе побоялись идти. Кассу нашли.

днемъ въ недалекомъ оврагѣ; она была взломана и деньги, къ счастью небольшія, были унесены.

Возвратившись домой, я нашель моего бѣднаго кучера Осипа въ совершенномъ безпамятствѣ отъ страха — руки ходили ходуномъ и револьверъ грозилъ стрѣлять самъ. Нужно сказать, что и наша заправская охрана, наши сторожа, даже стражники изъ бывшихъ солдатъ, нужно отдать имъ эту справедливость, были почти сплошь отчаянными трусами. Въ смыслѣ безопасности нашей и нашихъ семей, мы, что называется, ходили подъ Богомъ. Грабежи и неудовлетворительность обычной охраны заставили многихъ изъ насъ нанять ночными сторожами черкесовъ — опыте оказался, однако, крайне неудачнымъ. Эти прирожденные «убивцы», какъ ихъ потомъ называли, кончили тѣмъ, что сами открыли дѣлую серію организованныхъ грабежей. Нашъ сосѣдъ уже по Максимовскому руднику, помѣщикъ Савельевъ, подвергся ночью форменной вооруженной осадѣ чьихъ то ночныхъ сторожей-черкесовъ. Савельевъ спасся благодаря тому, что дома были два его сына-студента — охотники и отличные стрѣлки. Перестрѣлка длилась всю ночь и на утро у окна оказался убитымъ черкесъ огромнаго роста — онъ былъ еще въ агоніи, когда къ нему подошли. Полиція, несмотря на наличие одного изъ грабителей убитымъ, не могла разыскать преступниковъ.

Въ такой, мало похожей на культурную по элементарной безопасности обстановкѣ, жили мы тогда на рудникахъ.

Послѣ четырехъ лѣтъ службы на Вѣровскомъ рудникѣ я перешель на Максимовскій рудникъ — о мотивахъ перехода я говорю ниже. Біе — директоръ-распорядитель Р.Б.О., не хотѣлъ меня отпускать, предлагая занять постъ его помощника по всему дѣлу, т. е. по заводу и руднику. Но служба на заводѣ, въ окруженіи почти только бельгійцевъ, и самый заводъ, который я зналъ мало, — я былъ, главнымъ образомъ, рудничнымъ инженеромъ, — меня не прельщали и я перешель на Максимовку. Мнѣ было жаль оставлять и дѣло, какъ-никакъ мною выполненное съ начала и до конца, и сослуживцевъ, съ которыми я его выполнилъ и съ которыми очень согласно прожилъ четыре года.

Но... на новомъ мѣстѣ привлекали самостоятельность и большій масштабъ дѣла. Сослуживцы и старшіе рабочіе меня трогательно провожали — были рѣчи, былъ адресъ, былъ милый подарокъ въ видѣ серебрянной предохранительной рудничной лампы натуральной величины, которую спеціально заказывали въ Германіи въ Цвикау на заводѣ Вольфа. Я былъ радъ, что моя работа получила здѣсь, на мѣстѣ ея совершения, признаніе, въ искренности котораго я не могъ сомнѣваться.

Позже, черезъ годъ, моя работа получила и болѣе широкое признаніе: за постройку «Вѣровскаго рудника» я былъ награжденъ личной медалью комитетомъ Парижской Выставки 1900 года. На экспонированіи моей работы настоялъ нашъ тогда Окружной инженеръ Евгеній Николаевичъ Таскинъ.

ГЛАВА V.

ПОЛНОЕ УПРАВЛЕНИЕ ПРОМЫШЛЕННЫМЪ ПРЕДПРИЯТИЕМЪ (1899-1906 Г. Г.).

Максимовскій рудникъ. (Англійскаго Общества Русскихъ Каменноугольныхъ Копей). Въ 1899 году, послѣ 4-хъ лѣтъ службы въ Русско-Бельгійскомъ Обществѣ, я получилъ предложеніе занять мѣсто директора-распорядителя бывшаго Максимовскаго рудника, только что пріобрѣтеннаго англійской компаніей — «Обществомъ Русскихъ Каменноугольныхъ Копей». Рудникъ былъ расположенъ въ Славяносербскомъ уѣздѣ Екатеринославской губ. у станціи Алмазной Екатерининской жел. дороги. Предлагаемое мѣсто было, въ общихъ предѣлахъ управленія промышленнымъ предприятиемъ, самостоятельнымъ: въ обязанности директора входило полное управленіе рудникомъ, включая продажу угля и кокса. Никакихъ объединеній по продажѣ донецкаго топлива тогда въ Бассейнѣ еще не существовало. Правленіе Общества находилось въ Лондонѣ, и я долженъ былъ состоять въ Россіи его полномочнымъ представителемъ, такъ называемымъ «отвѣтственнымъ агентомъ».

Я перешелъ не безъ нѣкоторыхъ колебаній — пугали объемъ дѣла и отвѣтственность. Однако, все же слишкомъ заманчивой казалась почти полная самостоятельность, и я подписалъ долготѣнній контрактъ.

Меня не остановили ни бѣдность угольнаго мѣсторожденія Максимовскаго рудника, при, правда, исключительно высококомъ качествѣ угля, ни высокій размѣръ капитала Общества при сравнительно малой возможности ежегодной добычи угля — всего около 12 милл. пудовъ. Увлекалъ и полный объемъ промышленной работы, позволявшей мнѣ сразу выйти за предѣлы только мѣстныхъ, чисто технически-административныхъ интересовъ рудника, что было въ Русско-Бельгійскомъ Об-вѣ.

Максимовскій рудникъ въ техническомъ отношеніи сильно отличался отъ Вѣровскаго, покидаемаго мною, рудника: благодаря большимъ разстояніямъ между угольными свитами и тонкимъ пластамъ угля, рудникъ разрабатывался большимъ количествомъ мелкихъ шахтъ; во многомъ это объяснялось и его технической отсталостью. Зато существеннымъ плюсомъ Максимовскаго рудника было большое коксовое производство — на рудникѣ было 200 коксовыхъ печей, дававшихъ лучшій въ Бассейнѣ коксъ. Рудникъ обладалъ, кромѣ того, большой желѣзнодорожной подъездной вѣткой, длиною около 25 верстъ — она обслуживала вывозомъ угля на ст. Алмазную

и сосѣдній Голубовскій рудникъ. «Максимовская вѣтка» была, въ смыслѣ управленія, отдѣльнымъ, отличнымъ отъ рудника дѣломъ съ ея пятью паровозами, депо и мастерской.

Жизнь на Максимовскомъ рудникѣ была по характеру самой работы много интереснѣе жизни на Вѣровскомъ рудникѣ. Внѣшняя обстановка была, правда, болѣе или менѣе та же — хорошо обставленная жизнь директора большого предпріятія. Но сама работа управленія всѣми дѣлами рудника была и нова и тогда особенно интересна — начало девятисотыхъ годовъ совпало съ недостаткомъ угля на рынкѣ, цѣны на уголь и коксъ сильно поднялись, и коммерческая часть предпріятія шла очень оживленно.

Сами поѣздки по продажѣ и по дѣлламъ рудника въ Харьковъ, Екатеринославъ, Москву, въ первое время особенно частыя, отвлекали отъ будней рудничной жизни, и для меня, по новизнѣ, остротѣ городскихъ впечатлѣній и по матеріальной непринужденности поѣздокъ, были полны живой прелести. Окруженіе рудника, районъ ст. Алмазной, «Алмазный районъ», какъ его называли, былъ однимъ изъ самыхъ оживленныхъ въ Бассейнѣ: въ радіусѣ 5-6 верстъ находилось семь большихъ рудниковъ, изъ которыхъ четыре принадлежали иностраннымъ обществамъ — рудники Голубовскій, Ирминскій, Брянскій, Криворожскій, Каменскій и Максимовскій управлялись русскими инженерами; только на Кадіевскомъ рудникѣ, и то лишь первые годы, директоромъ состоялъ бельгіецъ Понселе, очень быстро и съ особой готовностью вошедшій въ русскую жизнь.

Быть моей личной жизни рѣзко измѣнился уже съ жизни на Вѣровскомъ рудникѣ. У насъ съ женой было трое дѣтей, когда мы переѣхали на Максимовскій рудникъ, съ нами жила мать жены и часто гостили мои родители — моя семья жила хорошей обеспеченной жизнью старой русской деревни. Нашъ домъ отстоялъ довольно далеко отъ рудника, существовавшего со всей его промышленной напряженностью въ сущности только для меня одного — остальные члены моей семьи его почти не ощущали. Нашъ домъ окружалъ, правда, молодой, но хорошій садъ и безконечная ровность южныхъ, почти всегда засѣянныхъ степей.

Наше ближайшее окруженіе, мои сослуживцы-подчиненные и директора, и служащіе сосѣднихъ рудниковъ были почти всѣ такія же молодыя семьи — среди нихъ мы приобрѣли много долготѣльныхъ друзей, а я сотрудниковъ по общественно-промышленной работѣ — о нихъ я говорю ниже.

Въ ближайшемъ сосѣдствѣ жили и нѣкоторые еще удѣлѣвшіе у насъ помѣщики: въ 10 верстахъ жилъ въ своей усадьбѣ «Юрьевкѣ» предсѣдатель нашей Земской Управы, Викторъ Николаевичъ Радаковъ.

Онъ и его жена были русскими культурными людьми, хотя и новой, но все же дворянской помѣщичьей складки. Елена Петровна Радакова была большимъ любителемъ и знатокомъ археологiи и къ тому времени составила уже себѣ нѣкоторое имя въ литературѣ. Съ семьей этой — моими дальними родственниками и друзьями дѣтства, мы поддерживали очень близкія отношенія — это былъ очагъ идейнаго отдыха отъ все же утомительной по своему своеобразію и по своей всегдашней торопливости рудничной жизни. Радаковы были въ курсѣ тогдашнихъ умственныхъ и политическихъ теченій, у нихъ было интересно бывать, особенно лѣтомъ, оживленно болтать, сидя въ ихъ чудесномъ старомъ саду подъ столѣтнимъ фамильнымъ берестомъ, покрывающимъ даже и въ жаркіе дни густой тѣнью большой садовый столъ — лѣтомъ мы частенько видались съ Радаковыми, наѣзжая къ нимъ всей семьей.

Въ болѣе близкомъ сосѣдствѣ жилъ богатый помѣщикъ, братъ Е. П. Радаковой, Артемъ Петровичъ Еленевъ, котораго мы въ юности называли просто Артемомъ. Старше меня на нѣсколько лѣтъ, онъ учился въ Петербургскомъ Технологическомъ Институтѣ, его почему то не кончивъ. Въ моей памяти Еленевъ запечатлѣлся, какъ удивительно совѣстливый, застѣнчивый человекъ съ прекрасными синими добрыми глазами; помню о немъ очень похожій на правду анекдотъ: рассказывали, что когда къ нему, студенту, забрался однажды воръ и снималъ съ вѣшалки пальто, Еленевъ, увидѣвъ, отвернулся, чтобы не смутить вора. На землѣ Еленева былъ построенъ Французской Компаніей «Криворожскій» рудникъ, заплатившей ему за землю огромныя деньги, чуть ли не два милліона рублей. Насколько помню, съ самой войны онъ жилъ въ Крыму, построивъ въ Ялтѣ большой домъ. Одно или два трехлѣтія онъ состоялъ Ялтинскимъ городскимъ головой. Послѣ переворота 1917 года Еленевъ остался въ Россіи и былъ загадочно убитъ въ началѣ 1920 года на шоссе, когда шелъ пѣшкомъ изъ Симферополя въ Ялту — онъ и его семья во времена большевизма жили очень тяжело. Одинъ изъ его сыновей, Николай Артемьевичъ, талантливый писатель и художественный критикъ, живетъ теперь эмигрантомъ въ Прагѣ. Съ Артемомъ Петровичемъ въ тѣ годы я видѣлся рѣдко, онъ жилъ въ деревнѣ наѣздами.

Раньше, чѣмъ говорить о внутренней жизни рудника, я останавлиюсь на томъ положеніи, какое заняли рудники, особенно большіе, въ жизни до того захолустной деревни. Я скажу о тѣхъ отношеніяхъ, которыя неизбежно и еще до меня сложились между Максимовскимъ рудникомъ и его окруженіемъ.

Инженеръ, управлявшій отдѣльнымъ предпріятіемъ, рудникомъ, непремѣнно близко соприкасался съ сосѣдней нерудничной жизнью — его связывали съ ней прежде всего неизбежныя дѣловыя отношенія. Управляя Максимовскимъ рудникомъ и представляя рудникъ, я оказывался самостоятельной и довольно значительной хозяйственной и административно-культурной величиной прежде всего для «своихъ» крестьянъ села Николаевки (тоже Чутина), для мѣстнаго священника, земскаго начальника, земской управы, уѣздной полиціи и проч. Со всѣми ими слагалась какая то обязательность отношеній. Отношенія съ крестьянами установились преемственно на какой то старый, можетъ быть, болѣе отдаленный, но и несомнѣнно болѣе широкой и богатый, дворянски-помѣщичій ладъ. Рудникъ, помимо своей земли, арендовалъ подъ разработку угля нѣдра (не поверхность) надѣльной земли крестьянъ; они были связаны съ рудникомъ полученіемъ арендныхъ денегъ и прочими условіями договора. Правду сказать, такъ какъ арендная плата поступала на общественныя («общественныя») суммы, то крестьяне ими интересовались мало — гораздо больше ихъ интересовала наша земля, сдаваемая имъ очень дешево въ аренду. Рудникъ же гораздо больше интересовали добрыя отношенія съ крестьянами, чѣмъ высота платы за землю.

Всѣ эти отношенія уже дѣлали изъ меня очень интереснаго «барина», во многомъ, если не во всемъ гораздо болѣе пріятнаго, чѣмъ старые помѣщики. Поэтому и отношеніе ко мнѣ крестьянъ слагалось въ форму какихъ то старинныхъ, но несомнѣнно улучшенныхъ отношеній. Первые два года, до постройки отдѣльнаго для меня дома, я жилъ въ старой помѣщичьей усадьбѣ, въ самой деревнѣ, что сближало меня съ крестьянами, но создавало и нѣкоторыя специфически деревенскія неудобства, нарушавшія подчасъ «идилличность» моихъ съ ними отношеній.

Крестьяне любили приходить ко мнѣ, часто по пустякамъ, цѣлымъ «обществомъ», подолгу разговаривали и неохотно уходили. Съ особой торжественностью поздравляли съ большими праздниками, увы, всегда получая «на водку» — это была традиція, отъ которой невозможно было отказаться.

Особымъ ритуаломъ отличалось «христосованіе» на Пасху. По примѣру ихъ бывшаго помѣщика, стараго дворянина Прокоповича (большого чудака), я долженъ былъ садиться на балконѣ въ кресло и крестьяне, подъ команду старосты, стоявшаго около меня, поочередно подходили всѣ ко мнѣ съ краснымъ яйцомъ и троекратно поцѣлуютъ. Когда староста замѣчалъ мое утомленіе отъ поцѣлуевъ, неизбежное, если принять во вниманіе, что большинство крестьянъ уже успѣло слегка выпить, онъ говорилъ: «та шо вы лизете въ губы, цілуйте въ щоку»...

Нашъ деревенскій священникъ, отецъ Арсеній, былъ нѣсколько модернизированнымъ сельскимъ батюшкой — онъ долженъ былъ поставить себя въ уровень съ приходомъ болѣе богатымъ и болѣе высокой, сравнительно съ деревней, квалификаціей. Вънѣ дома онъ носилъ шумящія шелковыя рясы, любилъ изысканно выражаться и былъ довольно строгъ къ оплатѣ прихожанами церковныхъ требъ. Въ общемъ о. Арсеній былъ скорѣе пріятнымъ покладистымъ батюшкой съ культурнымъ уровнемъ средняго сельскаго священника.

Школа Максимовскаго рудника, цѣликомъ содержимая за счетъ нашего Общества съ давнихъ временъ, еще до меня церковно-приходская, была подъ началомъ, скорѣе впрочемъ номинальнымъ, отца Арсенія; при программѣ значительно, сравнительно съ министерской, расширенной, она обслуживалась двумя опытными учительницами, уже много лѣтъ служившими на рудникѣ. Кромѣ дѣтей рабочихъ и часто служащихъ, рудничную школу посѣщали и, конечно, бесплатно, и многія крестьянскія дѣти — въ деревнѣ была маленькая, тоже церковно-приходская школа.

Мѣстнымъ земскимъ начальникомъ былъ нашъ сосѣдь по имѣнію, юристъ по образованію, Георгій Петровичъ Савельевъ, недавно только кончившій Харьковскій Университетъ. Савельевъ, несмотря на свою молодость, выросши въ деревнѣ, хорошо ее зналъ и зналъ жизнь крестьянъ, какъ многіе тогдашніе молодые люди изъ дворянства, не порвавшаго еще съ землей; онъ былъ разумно дѣловитъ и очень сдержанъ. Въ общемъ это былъ спокойный, средній положительный человекъ, не только безъ всякихъ политическихъ «уклоновъ», но и вообще чуждый политикѣ. Онъ отлично ладилъ съ крестьянами и, несмотря на свою молодость, былъ въ крестьянской средѣ авторитетомъ. Общеизвѣстно, что «институтъ земскихъ начальниковъ» былъ почти одіозенъ въ глазахъ нашего передового общества. Суровая русская дѣйствительность создавала, однако, такія положенія, когда для крестьянскаго тяжелаго и тогда еще во многомъ очень темнаго быта, полезнѣе и во всякомъ случаѣ безопаснѣе была «попечительная» и по смыслу смѣшенія судебныхъ и административныхъ функций, примитивная опека земскаго начальника, чѣмъ свои административные органы или органы мѣстной полиціи. О всесловной же волости за фактическимъ отсутствіемъ, особенно въ нашихъ мѣстахъ, всяческой «всесловности», мечтать не приходилось. Я видѣлъ и близко зналъ многихъ земскихъ начальниковъ — въ огромномъ большинствѣ это были дѣловые, справедливые, средніе люди, дѣлавшіе несомнѣнно много полезнаго для крестьянъ.

Связь съ уѣзднымъ городомъ. Provinciальные дѣятели. Земство — Радаковъ и Колокольниковъ. По дѣламъ рудника я былъ непосредственно связанъ съ нашимъ уѣзднымъ городомъ Луганскомъ, гдѣ находились и органы горнаго управленія. Вспоминая провинціальную жизнь времени девяностыхъ годовъ и начала девятисотыхъ и особенно жизнь такихъ городовъ, какъ уѣздные города Луганскъ и Бахмутъ, я вижу, до какой степени она была тускла и лишена живой дѣятельности даже и въ области наиболѣе яркой, какой была тогда, напримѣръ, дѣятельность нашего уѣзднаго Славяносербскаго земства (Земская Управа помѣщалась въ Луганскѣ, такъ какъ уѣздный городъ Славяносербскъ находился вдали отъ желѣзной дороги). Предсѣдатель земской управы, мой сосѣдь и большой пріятель, Викторъ Николаевичъ Радаковъ, культурнѣйшій человекъ, бывший затѣмъ членъ 1-й Государственной Думы отъ партіи К.-Д., и его сотрудники, члены Управы, широко понимали огромную для Россіи важность такой общественной работы, какъ земская; всѣ они работали, что называется, не за страхъ, а за совѣсть, но какъ въ концѣ концовъ мала по достигаемымъ результатамъ была эта ихъ дѣятельность.

Наше земство главную свою задачу сосредоточило на дѣлѣ народнаго образованія — оно покрыло уѣздъ сѣтью хорошо построенныхъ школъ. Но учительскій персоналъ — это главное основаніе народнаго образованія, смѣнялся въ большинствѣ школъ непомѣрно часто, въ нѣкоторыхъ школахъ чуть ли не каждый годъ. Учительницы, ихъ было большинство, кочевали изъ школы въ школу; у нихъ, главнымъ образомъ, городскихъ интеллигентокъ, не налаживалась прочная связь ни съ крестьянствомъ, ни съ инспекторомъ народныхъ училищъ, ни съ мѣстнымъ священникомъ — онѣ были «чужими», несмотря на теоретическую преисполненность любви къ дѣлу и къ «народу» — ихъ заѣдало одиночество и безнадѣжная скука деревни. Эта непосѣдливость учительскаго персонала мнѣ была хорошо извѣстна, такъ какъ я перебивалъ попечителемъ многихъ земскихъ школъ и имѣлъ на рудникѣ свою школу, гдѣ обстановка была иной, начиная хотя бы съ окружающаго рудничнаго, все же интеллигентнаго общества. Даже самый внѣшній видъ нашихъ земскихъ школъ, хорошихъ домовъ, но въ большинствѣ послѣ постройки долго, годами, даже неогороженныхъ, съ кучами неубранныхъ песку и камня, оставшихся отъ постройки*), безъ единаго посаженнаго деревца, — говорилъ объ неуютѣ и объ отсутствіи настоящаго «хозяина».

*) Уборка и огорожа лежали на обязанности крестьянъ.

Земская работа по медицинской, ветеринарной, агрономической помощи населению была трудна и неблагодарна по мизерности результатов — больницъ было очень мало, а борьба съ эпидеміями и эпизоотіями и въ условіяхъ жизни нашей деревни, и по незначительности средствъ, главнымъ образомъ, врачебнаго персонала, сводилась почти къ нулю — я помню, какъ въ деревнѣ, гдѣ я какъ то временно жилъ, умерли въ теченіе 1-2 мѣсяцевъ почти всѣ дѣти отъ дифтерита — эпидемическій фельдшеръ смогъ пріѣхать только къ концу эпидеміи. Агрономическая помощь населению выражалась почти исключительно въ помощи населению по пріобрѣтенію сельскохозяйственныхъ машинъ.

Славяносербское земство только въ самое послѣднее время передъ войной основало опытное поле и пригласило участковыхъ агрономовъ. Мнѣ пришлось наблюдать болѣе чѣмъ скромные результаты агрономической земской помощи въ другомъ мѣстѣ, въ Полтавскомъ уѣздѣ, гдѣ у меня было небольшое имѣніе. Полтавское губернское земство обладало лучшимъ на югѣ Россіи опытнымъ полемъ, руководимымъ извѣстнымъ ученымъ агрономомъ Третьяковымъ. Однако, крестьянское населеніе Полтавскаго уѣзда, состоявшее въ большей части изъ мелкихъ собственниковъ («куркулей», какъ ихъ тамъ называли), совершенно игнорировало указанія агрономіи, почитая ихъ вздорными, одной изъ барскихъ затѣй. Нашъ участковый агрономъ ограничивалъ свою работу почти только собираніемъ статистическаго матеріала. По его словамъ, помимо большихъ образцовыхъ имѣній, гдѣ ему въ сущности нечего было дѣлать, онъ «отдыхалъ душой» на моемъ да еще на 2-3 участкахъ, гдѣ работа велась только лишь хозяйственно правильно.

Чтобы рельефнѣе обрисовать жизнь и нравы нашей провинціи эпохи начала девятисотыхъ годовъ, я хотѣлъ бы остановиться на нѣкоторыхъ характерныхъ лицахъ — обитателяхъ того же Луганска — Льежа Донецкаго Бассейна, какъ его иронически называлъ Л. И. Лутугинъ. Заговоривъ о нашемъ земствѣ, нельзя пройти молчаніемъ нашего многолѣтняго уѣзднаго предводителя дворянства — Сергѣя Михайловича И. Онъ былъ, по своему, человѣкомъ замѣчательнымъ. Монархистъ и крайній консерваторъ, болѣе по настроенію, чѣмъ по убѣжденіямъ, обладавшій ѣдкимъ грубоватымъ юморомъ, часто прямой и смѣлый со всѣми, даже съ начальствомъ, онъ избирался въ предводители много трехлѣтій подрядъ, не взирая на совершенно разстроенныя имущественныя дѣла и на большую долю чисто хохлацкой лѣни въ выполненіи своихъ обязанностей. С. М. И. импонировалъ избирателямъ не только своеобразнымъ «блескомъ» своего все же недюжиннаго ума, но и неизмѣннымъ спокойнымъ хладнокровіемъ, почти цини-

ческимъ спокойствіемъ, сохраняемымъ имъ при самыхъ разнообразныхъ случаяхъ жизни. Его отношеніе даже къ собственной особѣ, особенно къ непоправимой запутанности его личныхъ дѣлъ, не было лишено своеобразной философичности — въ немъ несомнѣнно сказывалась «натура», явленіе не столь частое въ русской дѣйствительности. Какъ то въ Петербургѣ, гдѣ онъ былъ по дѣламъ, съ нимъ случилось что то вроде удара. Для провѣрки, не фальшивая ли это тревога, И. рѣшилъ хорошо «кутнуть» съ пріятелями — выпить онъ любилъ... Тревога была напрасной — никакого удара не оказалось.

Въ девятисотыхъ годахъ, еще до Японской войны, мнѣ пришлось, выполняя роль помѣщика-инженера, принимать Екатеринославскаго губернатора, гр. Келлера, ѣздившаго по уѣзду съ «губернаторской ревизіей». При губернаторѣ была большая свита изъ предводителя, предсѣдателя Управы, земскаго начальника, губернскихъ и уѣздныхъ чиновъ. Послѣ обѣда мы всѣ отправились въ деревню для ревизіи дѣлъ волости — я въ качествѣ приглашеннаго гостя. Помню, въ волости, въ присутствіи волостныхъ чиновъ и крестьянъ обсуждался какой то новый очень неудачный законъ, касающійся крестьянскаго землевладѣнія. Земскій начальникъ доказывалъ, что законъ невыполнимъ. Когда губернаторъ настаивалъ на его выполненіи, ссылаясь на то, что пока онъ не отмѣненъ, онъ законъ, И. громко заявилъ: «Ну, что же, что законъ — дурацкій законъ»; губернаторъ могъ только укоризненно воскликнуть: «Сергѣй Михайловичъ!» Помню, въ ту же эпоху засѣданіе земскаго уѣзднаго собранія въ Луганскѣ; предсѣдательствуетъ И., обсуждается вопросъ о дачѣ пособія какой то фельдшеруцѣ-еврейкѣ, по фамиліи, кажется, Фридманъ. «Оппозиція» настаиваетъ на удовлетвореніи просьбы Фридманъ. Голосованіемъ вопросъ рѣшается положительно. Но одинъ изъ гласныхъ не замѣтилъ итоговъ голосованія и спросилъ предсѣдателя о рѣшеніи по дѣлу Фридманъ. «Конечно, дали, величественно-спокойно отвѣтилъ И., не безпокойтесь, жиду всегда дадутъ». Подобные «трюки», лежащіе въ нравахъ тогдашней глубокой провинціи, не вызывали того реагированія, котораго они заслуживали, не взирая, повторяю, на дѣйствительно хорошій личный составъ, напримѣръ, нашего земства — въ русской провинціи, въ одномъ мѣстѣ и часто у одного дѣла могли уживаться явленія, казалось, совершенно несомѣстимыя.

Къ другимъ замѣтнымъ лицамъ Луганска, къ разряду совершенныхъ Щедринскихъ несообразностей, надо отнести стараго правительственнаго чиновника, окружнаго маркшейдера (съемщикъ подземныхъ плановъ), горнаго инженера, статскаго совѣтника Григорія Григорьевича А., жившаго въ Луганскѣ долгіе годы, бывшаго тамъ общеизвѣстнымъ, называемымъ просто «Гри-Гри». На обязанности маркшейдера лежала

провѣрка рудничныхъ плановъ — безъ его подписи они были недѣйствительны. Если при провѣркѣ маркшейдеръ находилъ ошибку, то имѣлъ право сдѣлать съемку самъ по очень высокой таксѣ. Маркшейдеръ по соглашенію съ рудникомъ имѣлъ также право вести самъ рудничные планы за отдѣльную плату. Въ силу этого допущенія имѣть подсобную работу, содержаніе правительственнаго маркшейдера было очень незначительно, всего въ 1000 руб. въ годъ. На практикѣ «положеніе о маркшейдерахъ» сводилось къ слѣдующему: всѣ болѣе или менѣе значительные рудники имѣли своихъ маркшейдеровъ, съемки которыхъ безъ всякой провѣрки утверждались правительственнымъ маркшейдеромъ, конечно, за особую годовую плату — почти всѣ рудники были «законными» данниками Гри-Гри. Послѣдній жилъ въ Луганскѣ въ совершеннѣйшей счастливой праздности, украшая жизнь обычными для провинціи развлечениями — легкимъ, но постояннымъ пьянствомъ, картами — излюбленнымъ тогда винтомъ, и... мелкимъ развратомъ — А. не былъ женатъ. Его полная, безволосая, какая то бабья физиономія, съ лукавыми, всегда полупьяными масляными глазками, не была, однако, лишена извѣстной доли веселаго добродушія, и такъ какъ луганское общество было до крайности терпимо, ибо въ большинствѣ, въ той или въ иной мѣрѣ, отражало обликъ того же А., то онъ почти со всѣми людьми «своего» круга былъ на «ты» и почти вездѣ былъ желаннымъ и пріятнымъ готемъ.

Однажды мы вдвоемъ съ инженеромъ Крживицкимъ попали въ Луганскъ присяжными засѣдателями на очередную сесію окружного суда. Уже вечеромъ, въ день приѣзда, сидя за чаемъ въ своемъ номерѣ, мы были пренепріятно поражены сосѣдствомъ какой то кутящей компаніи — различался голосъ Гри-Гри, женскій пискъ и вообще «веселая» возня, которая грозила развлекать насъ всю ночь. Вызвавъ Гри-Гри, мы услышали отъ него удивительную даже для Луганска исторію: онъ «спасалъ» какую то дѣвицу, бонну-нѣмку, прогнанную изъ знакомаго ему дома за «шашни» съ мужемъ хозяйки. Бонна была переселена въ гостинницу, гдѣ А. ее «содержалъ», собирая ей деньги на выѣздъ. Ея номеръ былъ обращенъ въ какой то своеобразный «салонъ», гдѣ, конечно, не все исчерпывалось пьянствомъ. На наше возмущеніе онъ просто отвѣтилъ, что всѣмъ извѣстно, что бонны иного отношенія не заслуживаютъ. Мы сочли бесполезнымъ наше заступничество, настоявъ, чтобы «компанія» немедленно перебралась въ другое мѣсто.

А вотъ тотъ же А. въ сферѣ своей служебной «дѣятельности» — во время производства «строгой» ревизіи. Профессоромъ маркшейдерскаго искусства въ Петербургскомъ Горномъ Институтѣ былъ тогда извѣстный далеко за предѣлами Россіи первоклассный ученый, мой товарищъ по выпуску, В. И. Бау-

манъ, честнѣйшій и правдивѣйшій человекъ, но... увы, подверженный русскому пороку пьянства. Зная о положеніи маркшейдерскаго искусства «на мѣстахъ» и имѣя глубоко возмущенный, Бауманъ добился командировки въ Донецкій Бассейнъ для производства ревизіи. Ревизія началась съ Луганска и, Боже, чѣмъ она кончилась! Прежде всего, А. не пожелалъ ѣхать къ Бауману по его вызову — Бауманъ жилъ тогда у меня на рудникѣ; мотивомъ неприѣзда было то, что Бауманъ ниже его чиномъ и онъ потому не обязанъ къ нему являться. А если Бауманъ хочетъ ревизовать, то можетъ приѣхать къ нему, А., въ Луганскъ.

Бауманъ поѣхалъ, возмущенный до «грозности», для него совершенно необыкновенной. На обвиненія Баумана, что А. на рудники не ѣздитъ, плановъ не провѣряетъ, взимая за свою подпись совершенно незаконную плату, и т. д., А. отвѣчалъ, что онъ плановъ дѣйствительно не провѣряетъ, потому что онъ «имъ вполне довѣряетъ»...

Ревизія кончилась въ классическихъ Луганскихъ тонахъ. Обыватели могли наблюдать такую сценку: Гри-Гри провожалъ на станціи уѣзжающаго ревизора — «пьяненькій» Бауманъ стоялъ у окна вагона I-го класса; на платформѣ Гри-Гри, передъ нимъ въ почтительной позѣ лакей съ бутылкой шампанскаго на подносѣ. Растроганный А., бия себя кулаками въ грудь, съ пьяными слезами на глазахъ, говорилъ Бауману: «хоть ты и нѣмецъ, а ты хорошій человекъ»...

Таковы были жизнь и нравы русской провинціи тѣхъ временъ даже въ Льежѣ Донецкаго Бассейна.

Конечно, не всѣ въ провинціи, даже и въ Луганскѣ, были таковыми; были тамъ и Радаковы, и иные передовые люди, были и энергичные передовые дѣятели среди «третьяго» элемента земства — врачи, учителя, агрономы, но они были все же единицами и главный тонъ жизни уѣзднаго города типа Луганска девяностыхъ и даже девятисотыхъ годовъ давали тогда не они.

Въ Луганскѣ же было и управленіе нашего «Горнаго Надзора» въ лицѣ такъ называемаго «окружнаго инженера». При мнѣ почти все время окружнымъ инженеромъ состоялъ старый почтенный горный инженеръ Иванъ Августовичъ Стемковскій. Нужно сказать, что окружные инженеры, въ противоположность «окружнымъ маркшейдерамъ», вездѣ сохранявшимъ нѣчто отъ А., были въ огромномъ большинствѣ (по крайности у насъ на югѣ) людьми типа хорошаго русскаго чиновника, часто до полной безупречности. Они выполняли спокойно, безъ придиричivosti и безъ попустительства свою важную и большую миссію надзора за горными работами въ смыслѣ ихъ безопасности и законнаго отношенія къ рабочимъ. Умѣло и съ большимъ достоинствомъ они поддерживали свой служебный

авторитетъ передъ нами, иностранцами и рабочими — о какихъ нибудь поборахъ съ предпріятій не могло быть и рѣчи.

Третій элементъ земствъ, вообще служащій элементъ общественныхъ учреждений, въ нѣкоторой по крайней мѣрѣ части, стоитъ того, чтобы на немъ нѣсколько задержаться: въ кочующей учительской средѣ, среди развѣздныхъ эпидемическихъ фельдшеровъ, статистиковъ, разныхъ инструкторовъ, конторскихъ служащихъ Управы, вообще чаще среди людей, стоящихъ дальше отъ настоящаго будничнаго земскаго «дѣла», былъ даже уже и въ тѣ времена часть типъ человѣка, находящагося въ рѣзкой «политической» оппозиціи не только къ правительству, но и вообще къ существующему порядку вещей. Это были доморощенные «соціалисты», люди, весь духовный багажъ которыхъ состоялъ сплошь и рядомъ только изъ бѣшеннѣйшей злобы къ помѣщику, промышленнику, становому приставу, правительству. Они часто были ловкими агитаторами, соединенные тѣсными связями съ крестьянами и съ рабочимъ «сознательнымъ» элементомъ.

Этимъ, главнымъ образомъ, низамъ служащаго элемента земствъ, въ большинствѣ бездѣльной накали тогдашней русской провинціи, вообще русской жизни, рекрутируемой изъ разнобразнаго сонма русскихъ неудачниковъ, безпокойной, въ итогѣ внутренне-пустой, принадлежитъ крупная роль въ созданіи первыхъ кадровъ большевизма. Я хорошо знаю этотъ типъ по нѣкоторымъ яркимъ образцамъ «третьяго элемента» нашего объединеннаго органа, Совѣта Съѣзда Горнопромышленниковъ Юга Россіи, знаю ихъ предательскую роль по отношеніи членовъ Совѣта и его президіума, сказавшуюся въ раннія времена большевизма.

Упомянувъ имя Виктора Николаевича Радакова, я чувствую себя не въ силахъ молчаливо пройти мимо его памяти. Онъ не только мнѣ близкій человѣкъ, но во многихъ отношеніяхъ и очень показательный образъ минувшей эпохи.

В. Н. остался послѣ большевицкаго переворота въ Россіи и нѣсколько лѣтъ назадъ скоропостижно умеръ въ Харьковѣ. Жилъ онъ послѣдніе годы, какъ и всѣ люди его класса, невѣроятно мучительно. В. Н. имѣлъ недурное имѣніе въ Славяно-сербскомъ уѣздѣ, происходя изъ стариннаго дворянскаго рода Екатеринбургской губ. Хозяйствомъ онъ занимался мало, отдавая почти все свое время земской дѣятельности. Наше земство по составу управы лѣвое, «красное», какъ говорили тогда, считалось почти образцовымъ и во многомъ было этимъ обязано дѣятельности Радакова.

И вотъ, близко наблюдая эту его дѣятельность, я всегда замѣчалъ въ ней какой то оттѣнокъ внутренняго ущербъ, и не

только потому, что часто ему въ ней мѣшали съ разныхъ сторонъ идущія препятствія; нѣтъ, мнѣ кажется, что въ немъ самомъ лежали какія то скрытыя причины этого ущерба. Очень умный, чуткій и деликатный съ людьми, прекрасно образованный юристъ, человекъ убѣжденный умѣренно-либеральныхъ, безъ излишнихъ «перегибовъ» налѣво, въ послѣдствіи видный провинціальный «кадетъ», прекрасный ораторъ — онъ, несмотря на всѣ эти дѣйствительно ему присущія качества, проявлялъ въ своей общественной работѣ, въ области ея практическаго осуществленія, черты какого то страннаго недодѣльванія. Было похоже на то, что въ сферѣ этихъ столь, казалось, для него близкихъ и любимыхъ занятій, онъ былъ связанъ какими то внутренними путами, не позволявшими ему дѣлать то, что онъ считалъ нужнымъ. Политическія «лѣвыя» настроенія начала девятисотыхъ годовъ, рѣзко оппозиціонныя правительственному курсу, требовали отъ «своихъ» общественныхъ дѣятелей, дѣятельность которыхъ проходила въ сферѣ общественно-народныхъ интересовъ, какъ, напр., земская дѣятельность, не только определенности, но и показности «лѣваго» курса, не считаясь часто ни съ возможностями осуществленія, ни съ тѣми тяжелыми послѣдствіями, которыя отъ того могли проистекать, — надъ ними не задумывались, отъ нихъ просто отмахивались.

Курсъ, взятый хотя бы на дѣло земскаго народнаго образованія, требовалъ лихорадочнаго созиданія школьной сѣти даже и тогда, когда изъ-за отсутствія надлежащаго учительскаго персонала это созиданіе ограничивалось въ сущности почти одной постройкой школьныхъ зданій — были школы, но не было школьнаго образованія, не было школьнаго учителя, его мѣсто занимало сплошь и рядомъ случайное школьное «перекати-поле», или революціонные агитаторы. Агитаціонная среди крестьянъ дѣятельность лѣваго третьяго элемента не должна была встрѣчать сопротивленія — въ худшемъ случаѣ на нее смотрѣли сквозь пальцы.

Поэтому школы подолгу стояли «безъ хозяина», въ незавершенномъ, даже внѣшне, видѣ, а среди крестьянъ, подъ вліяніемъ агитаціи, крѣпли «земельныя» настроенія въ сторону неукротимой жажды помѣщичьихъ земель.

Умный и практичный Радаковъ не могъ не замѣчать зловѣщихъ трещинъ въ руководимомъ имъ земскомъ дѣлѣ, но волна лихорадки тогдашней оппозиціонной борьбы захлестывала его помимо воли. Въ земскомъ дѣлѣ Радакова была «идея» и была «политика», но какъ разъ не было «дѣла». Въ главной его отрасли, школьномъ образованіи, не умѣли подобрать штатъ учителей, не умѣли сносно обставить ихъ жизнь, наладить ихъ отношенія съ крестьянами, со священникомъ. Оттого школы, отданныя крестьянамъ, стояли безпризорными, а учительскій персоналъ, если онъ не преслѣдовалъ особья

«агитаціонныя» цѣли, долженъ былъ жить въ неуютѣ и дома въ школѣ и въ деревнѣ внѣ школы — въ результатѣ онъ сбѣгалъ.

Я хочу сказать еще нѣсколько словъ о нѣкоторыхъ сотрудникахъ Радакова по земской работѣ. Васильевъ (не помню его имени и отчества), землевладѣлецъ, членъ Управы, нѣкоторое, болѣе блѣдное повтореніе самаго Радакова — безкорыстное, дѣйственное служеніе дѣлу, наполнявшему, казалось, всю его жизнь. Въ земскомъ дѣлѣ, какъ онъ его понималъ и вѣлъ, онъ не видѣлъ никакихъ пятенъ — возможные «сомнѣнія» Радакова были ему чужды. Типъ такихъ идеалистовъ въ области общественно-практической дѣятельности былъ, пожалуй, болѣе всего возможенъ въ средѣ тогдашняго русскаго поземельнаго дворянства.

Николай Фролычъ Агаповъ, агрономъ, разночинецъ, во многомъ почти противоположность и Радакову и Васильеву — замкнутый, сдержанный, всегда себѣ на умѣ — не то тайный честолюбецъ, тоскующій по большому общественному дѣлу, не то... агитаторъ и революціонеръ — говорили, что онъ, близкій человѣкъ Радакову, женатый на его родственницѣ, ловко за кулисами имъ руководилъ, придавая его дѣятельности рѣзко «лѣвое» направленіе.

Не могу не упомянуть объ очень популярномъ въ уѣздѣ гласномъ, крупномъ землевладѣльцѣ изъ купцовъ, Иванѣ Павловичѣ Яковенко, котораго я близко зналъ, какъ углепромышленника, создавшаго въ сосѣдней Области Войска Донскаго крупное антрацитовое дѣло, и какъ бывшаго долголѣтняго члена нашего Совѣта.

Въ земствѣ, на собраніяхъ И. П. Яковенко былъ неизмѣннымъ и неискоренимымъ «либераломъ» — его выступленія были всегда поддержкой лѣваго курса Радакова и направлены на борьбу съ мѣстными «зубрами» типа И. Земская дѣятельность Ивана Павловича, правда, всегда лишь въ роли гласнаго, т. е. въ роли почти безотвѣтственной, была пріятнымъ отдыхомъ его души; уже въ нашемъ Совѣтѣ, гдѣ онъ былъ крупнымъ плательщикомъ, а еще больше на рудникѣ, въ атмосферѣ своего подлиннаго творчества, онъ былъ совсѣмъ инымъ, гдѣ отъ его либерализма не оставалось часто и слѣда; руководителямъ нашего Совѣта приходилось иногда встрѣчаться и съ его упорнымъ сопротивленіемъ проведенію промышленно-общественныхъ начинаній, казавшихся ему излишне широкими, особенно когда эти начинанія были связаны съ тратой денегъ. На рудникѣ онъ былъ кряжистымъ и очень скупымъ хозяиномъ, послѣдовательно и упорно сбивавшимъ «копѣйку» и «дѣло», какъ источникъ «копѣйки», — въ немъ ярко сказывались

отличительныя черты его сословія. Я думаю, что либерализм купца Яковенки былъ довольно обычнымъ явленіемъ въ сферѣ земской дѣятельности; земская оппозиція «лѣвому» курсу слагалась не изъ этого элемента, чуждаго въ итогѣ и деревнѣ и земству, а изъ своихъ же дворянъ «праваго» толка. Гласныхъ изъ крестьянъ я у насъ почти не зналъ.

Говоря объ общемъ характерѣ земской дѣятельности въ Россіи, историкъ нашего земства В. В. Веселовскій подчеркиваетъ его крайнюю пестроту, зависящую не столько отъ состава гласныхъ, сколько отъ отсутствія подходящихъ людей на роли руководителей практической земской работы. Пестрота земской дѣятельности бросалась въ глаза даже на примѣрѣ двухъ нашихъ сосѣднихъ промышленныхъ уѣздовъ: Славяно-сербское земство усиленно строило школы; Бахмутское не строило ихъ почти вовсе. Долголѣтній предсѣдатель Бахмутской Земской Управы, старый А. А. Карповъ, отличный хозяинъ и энергичный работникъ, дѣлалъ главный упоръ на медицинскую помощь, агрономію, на всякую хозяйственную часть, оставляя школы въ сторонѣ и отдѣливаясь отъ упрековъ шутовой фразой — «А, повѣрьте, съ дураками легче жить».

Пользуясь случаемъ, я хочу рассказать о замѣчательномъ земскомъ дѣятелѣ, пожалуй, единственномъ примѣрѣ того типа земскаго дѣятеля, котораго такъ не хватало тогдашней Россіи. Это — бывший, очень извѣстный на югѣ, предсѣдатель Земской Управы Волчанскаго уѣзда Харьковской губ. — Василій Григорьевичъ Колокольцовъ. Я это дѣлаю съ большой благодарной готовностью, хотя его дѣятельность и была внѣ рамокъ нашихъ интересовъ и внѣ моихъ непосредственныхъ наблюдений. Я оѣдко встрѣчалъ въ тѣ времена Колокольцова — наши дороги не соприкасались, такъ какъ мы, промышленники, не имѣли никакихъ отношеній къ земству Харьковской губ. Узналъ я его нѣсколько ближе много позже, въ тяжелые дни 1918 и 1919 годовъ, когда онъ былъ «министромъ» земледѣлія сначала въ правительствѣ гетмана на Украинѣ, а затѣмъ въ правительствѣ ген. Деникина. Но и въ девятисотыхъ годахъ я многое зналъ и объ его дѣятельности и о немъ самомъ.

Агрономъ по образованію и очень богатый землевладелецъ Волчанскаго уѣзда, Колокольцовъ, избранный предсѣдателемъ уѣздной Земской Управы въ 1901 году, состоялъ имъ до самаго послѣдняго времени, съ однимъ перерывомъ, когда одно трехлѣтіе онъ былъ по выборамъ предсѣдателемъ Харьковской Губернской Земской Управы. Колокольцовъ не остался въ Россіи послѣ большевickaго переворота; послѣдніе свои годы онъ жилъ во Франціи, гдѣ въ 1933 г. былъ отпразднованъ его 65-лѣтній юбилей и гдѣ онъ скончался въ 1934 г. Ниже приводимыя свѣдѣнія о его дѣятельности я черпаю изъ ма-

теріала, собраннаго къ его юбилею, частью появившагося въ печати*). Сухія цифровыя данныя таковы.

Итоги мѣропріятій, осуществленныхъ Волчанскимъ Земствомъ при Колокольцовѣ по народному образованію: къ началу войны, т. е. къ 1914-1915 г. въ уѣздѣ дѣйствовало уже 168 начальныхъ школъ, т. е. за 12-13 лѣтъ была почти цѣликомъ выполнена школьная сѣть радіусомъ въ двѣ версты — заданіе, которое себѣ поставилъ Колокольцовъ въ 1901 году. Къ тому же времени было открыто 68 двухклассныхъ училищъ противъ 2-хъ бывшихъ въ 1902 году; высшихъ начальныхъ школъ, готовившихъ учениковъ къ переходу въ гимназію, было открыто за это время шесть. Школьные зданія были построены по специально выработанному образцовому типу, признанному однимъ изъ лучшихъ типовъ въ Имперіи. При каждой школѣ имѣлась одна десятая огородной земли для учительскаго персонала. Внѣшній видъ школьныхъ усадебъ былъ красивъ и уютенъ. Медицинская помощь населенію производилась ко времени начала войны изъ 14 земскихъ больницъ (противъ 6 бывшихъ въ 1901 г.), т. е. каждая волость имѣла свою больницу на 10-15 кроватей; въ гор. Волчанскѣ была сооружена кромѣ того прекрасная образцовая земская больница на 200 кроватей. Такъ же широко было поставлено и дѣло ветеринарной помощи. Агрономическая земская помощь населенію была по количеству агрономическихъ пунктовъ первой въ Имперіи: въ каждой волости былъ земскій агрономъ. Я не могу, къ сожалѣнію, останавливаться на такихъ важныхъ статьяхъ обслуживания земствомъ населенія, какъ на образцовомъ уходѣ за дорогами, на прекрасной организаціи земской почты и устройствѣ земской телефонной сѣти, которая по длинѣ сѣти и количеству аппаратовъ была второй въ Имперіи, послѣ Петергофской. Волчанскій уѣздъ оказался къ войнѣ въ такомъ состояніи культурнаго оборудованія, что смогъ принять около 11.000 раненныхъ и около 16.000 военнопленныхъ. Послѣдніе, во многомъ квалифицированные спеціалисты, были использованы для дальнѣйшаго разнообразнаго хозяйственнаго созиданія.

Мѣстный бытописатель такъ описываетъ жизнь крестьянъ того времени въ небольшой деревнѣ Бурцево: «Сейчасъ уже въ Бурцевѣ не валяются на полу, на соломѣ; сейчасъ желѣзные кровати почти въ каждомъ домѣ, не говоря о деревянныхъ. Часы есть у cadaго, въ 18 домахъ — большія стѣнные, въ остальныхъ — ходики; въ 19 домахъ есть буфеты, въ двухъ мягкая мебель, въ 9 — комоды и гардеробы, въ 14 — зеркала, въ 21 домѣ — швейная машина... Въ деревнѣ свое электриче-

*) Матеріалъ этотъ въ писанномъ видѣ я получилъ отъ большого почитателя Колокольцова и его сослуживца проф. агронома В. Э. Брунста, также уже умершаго.

ство. Одежда мало отличается отъ городской. Мясо встрѣчается въ каждомъ домѣ».

Вся эта кратко и схематически перечисленная огромная работа, приведшая къ небывалымъ для русской деревни результатамъ, была произведена Волчанскимъ земствомъ, въ сущности, благодаря исключительной энергіи и изумительной самоотверженной преданности дѣлу Колокольцова. Эти качества позволили ему побороть не только внутреннія немалыя сопротивленія, но и успѣшно справляться съ препятствіями, которыя ему ставились со стороны губернскихъ и министерскихъ властей — Колокольцовъ нашель, повидимому, правильные пути для созиданія безукоризненно поставленнаго земскаго дѣла даже при наличіи того правительственнаго «надазора», который считался тогда какъ бы сплошь враждебнымъ для широкаго земскаго начинанія. Въ своихъ, къ величайшему сожалѣнію, неоконченныхъ и не напечатанныхъ воспоминаніяхъ Колокольцовъ говоритъ, что онъ началъ «работать въ средѣ, гдѣ прогрессивныя начинанія встрѣчали большую оппозицію, гдѣ противники имѣли большую силу и не стѣснялись въ средствахъ борьбы. Главнымъ орудіемъ борьбы, особенно вначалѣ, были безконечныя ревизіи, сначала изъ своихъ, потомъ изъ губернскихъ гласныхъ, затѣмъ губернаторовъ, жандармскихъ офицеровъ, министерства». «Въ концѣ концовъ», говоритъ Колокольцовъ, выработалась привычка быть точнымъ въ работѣ, придерживаясь во всемъ закона, никоимъ образомъ не выходя за предѣлы правъ, а, главное, вести отчетность безукоризненно и аккуратно и оберегая земское дѣло отъ какихъ бы то ни было политическихъ отѣнковъ или дѣйствій». Такимъ образомъ, прибавляетъ онъ, «удалось выдержать нападки ряда губернаторовъ, ревизій министерствъ, военнаго вѣдомства и другихъ учреждений». Колокольцовъ рассказываетъ объ отношеніи къ нему и къ земскому дѣлу какъ группы дворянъ мѣстныхъ землевладѣльцевъ, «относившихся отрицательно къ расширенію земскаго дѣла», такъ и ряда Харьковскихъ губернаторовъ. Дворяне, особенно раздражаемые постоянно растущимъ земскимъ обложеніемъ, «не стѣснялись въ средствахъ борьбы». А земское обложеніе дѣйствительно было огромнымъ, возросши съ 40 коп. съ десятины въ 1901 г. до «чудовищнаго», какъ его называли, въ 4 р. 50 коп. къ началу войны.

Не могу не привести любопытнаго сопоставленія: земское обложеніе нашихъ промышленныхъ уѣздовъ Екатеринославской губ. не подымалось выше 50 коп. съ десятины. Это малое по времени обложеніе земли поддерживалось, однако, все время и только потому, что земства Славяносербскаго и Бахмутскаго уѣздовъ имѣли такіе объекты крупнаго обложенія, какъ наши промышленныя предпріятія, облагаемыя всегда максимально — землевладѣніе освобождалось отъ платы за

счетъ промышленности. Будь наше земское дѣло въ рукахъ дѣятелей, подобныхъ Колокольцову, оно могло бы обладать даже съ сравнительно небольшимъ и необременительнымъ увеличеніемъ налога на землю, огромными средствами и развернуть дѣятельность, аналогичную его дѣятельности. Къ сожалѣнію, у насъ, какъ вѣроятно и почти повсемѣстно въ Россіи, не было такихъ, правда, исключительныхъ, дѣятелей, какъ Колокольцовъ.

Волчанскій уѣздъ не имѣлъ большой промышленности — почти всѣ земскіе, исключительно большіе расходы несла земля, и неудивительно, что землевладѣльцы были недовольны дѣйствительно огромными земскими налогами. «И вотъ, говоритъ Колокольцовъ, эта группа (дворянъ) начала вліять на Тобизена (губернатора), но онъ былъ человѣкъ чистый, юристъ по прошлой дѣятельности, отъ незаконныхъ дѣйствій уклонялся, стараясь удержаться въ рамкахъ законности». Колокольцовъ вспоминаетъ трехъ другихъ губернаторовъ, съ которыми ему пришлось работать, — кн. Оболенскаго, Гербея, Ватаци и ихъ общаго вице-губернатора Азанчевскаго: «Всѣ три, говоритъ онъ, быстро разобрались въ Волчанскихъ дѣлахъ и въ предѣлахъ закона способствовали развитію земскаго дѣла. Доносы не имѣли успѣха. За выѣздами губеурнаторовъ, которыхъ часто вызывали въ Петербургъ, ихъ замѣнялъ Азанчевскій, который самъ былъ раньше предсѣдателемъ уѣздной земской управы, имѣлъ репутацію крайне праваго, но прекрасно разбирался въ земскихъ дѣлахъ и въ счетоводствѣ и понималъ, съ кѣмъ имѣетъ въ моемъ лицѣ дѣло. Наша прогрессивная работа не встрѣчала съ его стороны противодѣйствія и, поскольку она согласовалась съ закономъ, онъ меня всецѣло поддерживалъ».

Какое же мѣсто по политической «оріентаціи» занималъ въ рядахъ нашей передовой общественности Колокольцовъ, сумѣвшій организовать и осуществить такое огромное общественное дѣло и сумѣвшій, какъ говоритъ В. Э. Брунстъ въ своемъ ему поздравительномъ къ юбилею письмѣ, «доказать возможность въ такомъ масштабѣ развить работу органовъ мѣстнаго самоуправленія»? Тотъ же Брунстъ даетъ и отвѣтъ на поставленный вопросъ, говоря, что принципомъ Колокольцова было: «беречь земство, не допуская политики». «Земство, говорилъ онъ, нужно всѣмъ; оно самоцѣль, внѣ партій». И нужно отдать справедливость Колокольцову — онъ былъ непреклонно твердъ въ проведеніи этого принципа во всемъ земскомъ дѣлѣ Волчанскаго уѣзда — оно было чуждо политики отъ нижнихъ слоевъ земскаго аппарата до его верховъ, включая и самого Колокольцова. Я не знаю, принадлежалъ ли онъ самъ къ какой либо политической партіи, — думаю, что нѣтъ.

И можно ли не прийти къ заключенію, что именно эта его непреклонность и создала практически столь благоприятную почву для свершенія дѣла, огромная государственная важность котораго безспорна. Строго примѣняя тотъ самый законъ, который по обще-принятому у насъ мнѣнію являлся лишь тормазомъ земскаго дѣла, Колокольниковъ сумѣлъ добиться, страшно сказать, даже сотрудничества правительственныхъ органовъ. Хорошо обставляя жизнь школьнаго учителя и твердо имъ руководя, онъ создалъ кадръ постоянного, прекраснаго учительскаго персонала и былъ избавленъ отъ того политическаго «перекати-поле», которымъ изобиловали нѣкоторыя земства. Такъ было и во всѣхъ остальныхъ областяхъ его земскаго дѣла. Необходимо, увы, прийти къ заключенію, что тогдашняя русская жизнь не выработала еще правильныхъ, отвѣчающихъ нуждамъ Россіи формъ не только политической, но и общественной дѣятельности, и какъ самъ Колокольниковъ, такъ и его дѣятельность были лишь однимъ изъ единичныхъ исключеній.

Ввиду того большого интереса, который представляетъ Колокольниковъ, какъ общественный дѣятель, я хотѣлъ бы остановиться нѣсколько ближе на его характеристикѣ, какъ человѣка. И личныя съ нимъ встрѣчи и знакомство съ характеромъ его дѣятельности указывали на наличие огромной энергіи въ осуществленіи его дѣла, дѣла, къ которому онъ подходилъ просто и прямо. Сынъ богатаго землевладѣльца-помѣщика, человѣкъ совершенно обеспеченный, живя постоянно въ деревнѣ, цѣликомъ вросши въ ея интересы, онъ видѣлъ уже съ раннихъ лѣтъ, что крестьяне безграмотны, некультурны и нищи, почему и обстановка ихъ жизни отвратительна. Вся изумительная активность его природы не могла не вызывать къ измѣненію быта этой, въ сущности его жизни — это необходимо было сдѣлать. И свою дѣятельность, свое служеніе деревнѣ онъ начинаетъ дома, устраивая у себя образцовое ремесленное училище. Перейдя на земскую службу и идя къ своей цѣли все той же простой и прямой дорогой, онъ встрѣчается вплотную съ правительствомъ и закономъ, которыхъ нельзя измѣнить и съ которыми необходимо совмѣстно работать, такъ какъ безъ ихъ содѣйствія невозможно рѣшить основную задачу. Внесеніе въ осуществляемое дѣло «политики», т. е. борьба съ правительствомъ, вмѣсто его признанія, могло только осложнить дѣло и ему мѣшать. Необходимо было искать компромисса, найти пути «мирнаго» сожителства и мирнаго сотрудничества съ правительствомъ — и Колокольниковъ сумѣлъ отлично выполнить эту оказавшуюся даже не столь трудной задачу. Помогло ему, кромѣ совершенно исключительной любви къ его дѣлу, реальный и спокойный учетъ силъ и огромная воля къ преодоленію всяческихъ пре-

пятствій. Колокольцовъ на всемъ протяженіи борьбы за свое дѣло весь въ реальности и весь реальность и въ этомъ смыслѣ онъ приближался къ типу практическаго хо зя й ственна го дѣятеля, но на огромной нивѣ культурнаго обслуживания народ ныхъ массъ — и какъ изумительно благодарна оказалась эта нива для такого дѣятеля.

Я не боюсь сказать, что въ этомъ характерѣ подхода къ своей дѣятельности Колокольцовъ скорѣе и ближе подо дилъ къ намъ, технической интеллигенціи того времени, чѣмъ къ политической интеллигенціи, заполнявшей ряды «освобо дительнаго движенія» — онъ былъ, въ нашемъ смыслѣ этого слова, «восьмидесятникомъ».

Внутренняя жизнь Максимовскаго рудника. Я не могъ не сдѣлать вышенаписаннаго отступленія отъ прямой темы моихъ воспоминаній. Я впрочемъ не пишу воспоминаній о моей личной жизни, останавливаясь на ней лишь тогда, когда она помогаетъ мнѣ въ обрисовкѣ общихъ условій. Поэтому же я не задерживаюсь подробно на обстановкѣ мое й работы, на моемъ «управленіи», которое, какъ всякое большое дѣло, давало мнѣ, помимо радости и удовлетворенія, не мало огор ченій.

Англичане оказались вполне корректными хозяевами въ смыслѣ предоставленія мнѣ полной самостоятельности, но про явили исключительную настойчивость въ «выкачиваніи» денегъ съ рудника не только на оплату процентовъ по облигаціонному займу, выпущенному тотчасъ послѣ покупки рудника, но и на ежегодную выплату дивиденда на акціонерный, исключительно большой, не отвѣчающій продуктивности пред прія тия, капиталъ. Въ итогѣ, черезъ 3-4 года рудникъ оказался почти въ финансово-критическомъ положеніи, что отразилось прежде всего на неизбежныхъ въ угольномъ дѣлѣ новыхъ рабо тахъ — я не могъ ихъ производить такъ, какъ это требовалось, и велъ подготовку будущей добычи сообразно ограниченности возможностей, что въ сущности часто портило дѣло. Послѣднее было особенно возможно потому, что мѣсторожденіе рудника, вообще очень бѣдное, было сильно осложнено и испорчено большими тектоническими нарушеніями. Вся эта не легкая обстановка доставляла мнѣ не мало огорченій и тревогъ. Тяжести финансоваго положенія способствовало и то, что года черезъ 2 послѣ моего поступленія упали и цѣны на топли во; продавать уголь и коксъ становилось, какъ всегда при нашихъ «кризисахъ», все труднѣе и труднѣе.

Какъ я уже упоминалъ выше, Максимовскій рудникъ былъ очень разнообразенъ по характеру хозяйственныхъ отраслей и очень раскинутъ благодаря многошахтной системѣ работъ. Технический персоналъ, поэтому довольно многочисленный,

жилъ въ разныхъ мѣстахъ рудника. Старшіе служащіе: мой помощникъ инженеръ, меня замѣняющій при моихъ отлучкахъ съ рудника; старшій штейгеръ, завѣдующій нѣсколькими шахтами; завѣдующій желѣзнодорожной вѣткой; завѣдующій шахтными механизмами и врачъ рудника имѣли отдѣльные меблированные дома и отдѣльный выѣздъ. Остальные служащіе рудника, какъ штейгера шахтъ, завѣдующіе коксовыми печами и мойками угля, жили въ двухъ-трехквартирныхъ домахъ и не имѣли лошадей. Служащіе конторы, главный бухгалтеръ и счетоводы жили въ «экономіи» при деревнѣ въ нѣсколькихъ многоквартирныхъ домахъ. Такіе рудничные служащіе, какъ табельщики, конторщики, десятники, жили въ отдѣльныхъ квартирахъ въ рабочихъ поселкахъ. На рудникѣ была большая школа, гдѣ помѣщались двѣ учительницы — въ школѣ имѣлся зрительный залъ со сценой для театральныхъ представлений и рудничныхъ «баловъ». Больница рудника на 25 кроватей находилась внѣ рудника, между нимъ и «экономіей»; при ней былъ отдѣльный домъ для доктора и помѣщенія для фельдшеровъ и прочаго персонала больницы. Изъ этого описанія видно, что Максимовскій рудникъ обладалъ довольно большимъ персоналомъ, объединяемымъ цѣликомъ мною и въ технической его части моимъ помощникомъ. Обществу принадлежало свыше 1.000 десятинъ земли, большая часть которой была въ арендѣ у нашихъ крестьянъ. Часть земли обрабатывалась нами исключительно для корма лошадей.

Говоря о рудничномъ обществѣ, окружавшемъ мою семью и меня, я долженъ, поневолѣ вкратцѣ, упомянуть о моихъ ближайшихъ помощникахъ. Моимъ первымъ помощникомъ на Максимовскомъ рудникѣ былъ горный инженеръ Павелъ Петровичъ Казицынъ, поступившій на рудникъ послѣ очень короткаго пребыванія моимъ помощникомъ К. Ф. Детиле, стараго служащаго Максимовыхъ. Казицынъ былъ товарищемъ и большимъ пріятелемъ В. А. Степанова, моего помощника на Вѣровскомъ рудникѣ, о которомъ я говорилъ выше. Странная одинаковость судьбы постигла этихъ двухъ людей — Степанова и Казицына: Казицынъ женился почти одновременно со Степановымъ — его жена также вскорѣ оставила мужа, думаю, черезъ 2-3 года послѣ замужества. Бѣдный Казицынъ очень тяжело перенесъ свою семейную драму, происшедшую внѣ рудника, во время его отпуска — онъ неудачно стрѣлялся и на рудникъ пріѣхалъ совершенно больнымъ. Въ теченіе долгаго времени онъ не могъ ходить по подземнымъ работамъ и его возили въ вагонеткѣ.

Длинный Казицынъ, какъ его называли за его исключительный ростъ, при очень положительныхъ качествахъ инженера и служащаго: работоспособности, спокойствія, справедливости и при большомъ тактѣ, не отличался внѣшней привѣт-

ливостью, былъ скорѣе хмурымъ человекомъ, настроеннымъ всегда нѣсколько иронически. И онъ и его жена были большими пріятелями нашей семьи — наши дѣти особенно любили Ольгу Павловну; когда Казицынъ появился у насъ въ первый разъ безъ жены, то дѣти засыпали его вопросами, скоро ли она пріѣдетъ и гдѣ она — «Ольгу Павловну собаки съѣли», съ кривой улыбкой отвѣчалъ Казицынъ. Его рана въ грудь долго не заживала и въ сущности не давала ему работать. Нашъ рудничный врачъ докторъ Н. А. Гейдеръ, хорошій врачъ и большой пріятель Казицына, все не могъ его окончательно вылѣчить. Какъ то, съѣздивши въ отпускъ въ Германію, Казицынъ, всегда нѣсколько добродушно подтрунивавшій надъ докторомъ, сообщилъ ему съ торжествомъ, что его совершенно вылѣчилъ въ Берлинѣ первый попавшійся врачъ, жившій гдѣ то на задворкахъ, на входной двери котораго было написано „Hier“ — онъ просто налѣпилъ ему какой то пластырь на рану и рана, какъ по волшебству, зажила. Какъ онъ вылѣчился фактически, я не могъ отъ него добиться, а пріѣхалъ онъ дѣйствительно здоровымъ. Уйдя съ Максимовки, Казицынъ больше на рудникахъ не служилъ. Я слышалъ позже, что онъ устроился учителемъ математики въ реальномъ училищѣ въ Петербургѣ.

Долголѣтнимъ моимъ помощникомъ на Максимовкѣ былъ горный инженеръ Андрей Андреевичъ Нарановичъ, человекъ съ большой инициативой, прекрасный инженеръ, ведшій рудникъ самостоятельно тогда, когда я переѣхалъ въ Харьковъ; онъ оставался на рудникѣ почти до конца, т. е. до продажи рудника Днѣпровскому Обществу.

Я думаю, что Нарановичъ не служилъ больше на рудникахъ, а занимался своими дѣлами, главнымъ образомъ, въ антрацитомъ районѣ, гдѣ онъ потомъ былъ совладѣльцемъ небольшого рудника. Въ нашемъ Совѣтѣ, коего онъ былъ членомъ, Нарановичъ представлялъ интересы антрацитовой промышленности. Андрей Андреевичъ сохранилъ со мной связь и неизмѣнно добрыя товарищескія отношенія и послѣ службы нашей на Максимовскомъ рудникѣ, вплоть до настоящаго времени.

На Максимовскомъ рудникѣ служили молодые англичане, обучающіеся горному дѣлу, сначала Николь, а потомъ Хотрей. Послѣ полученія должнаго стажа они возвращались въ Англію для сдачи экзаменовъ на званіе «горнаго инженера по разработкѣ угля». Ихъ роль при мнѣ сводилась, правда, въ формѣ очень деликатной и безобидной, уже ввиду ихъ молодости и неопытности, къ нѣкоторому приглядыванію за тѣмъ, какъ шли работы на рудникѣ. Оба эти англичанина были вполне приличными молодыми людьми. Хотрей — Хотрей Ивановичъ, какъ его звали рабочіе, вмѣсто Ральфа Ивановича, задержался

на рудникѣ довольно долго, хорошо изучилъ русскій языкъ и подѣ конецъ состоялъ на роляхъ моего активнаго помощника.

Я долженъ съ особымъ чувствомъ упомянуть о многолѣтнемъ, въ сущности постоянномъ служащемъ Максимовскаго рудника, сначала при Максимовыхъ, а затѣмъ все время и при мнѣ, о штейгерѣ Степанѣ Алексѣевичѣ Миоковичѣ, занимавшемъ у насъ официально мѣсто старшаго штейгера, въ сущности же гораздо большее. Миоковичъ былъ мѣстнымъ уроженцемъ, происходя изъ обѣднѣвшаго рода дворянъ Славяносербскаго же уѣзда — многочисленныхъ Миоковичей. Я не знаю, по какимъ причинамъ этотъ способнѣйшій человекъ получилъ только штейгерское, т. е. въ сущности низшее образованіе. Но будучи штейгеромъ, онъ настолько широко узналъ по личному опыту и такъ понималъ горное дѣло, что прекрасно его выполнялъ и въ тѣхъ областяхъ, въ которыхъ раньше никогда не работалаъ практически. Мнѣ пришлось въ этомъ убѣдиться, когда Миоковичу подѣ конецъ моего пребыванія директоромъ рудника пришлось поручить очень сложную и трудную работу перекрѣпленія завалившейся въ плохихъ породахъ глубокой шахты.

Миоковичъ былъ однимъ изъ немногихъ штейгеровъ, которыхъ зналъ не только нашъ районъ, но и весь Бассейнъ. И не только своими знаніями и опытомъ приобрѣлъ Миоковичъ эту популярность. Самъ очень добросовѣстный работникъ, онъ умѣлъ требовать такую работу отъ другихъ; человекъ по натурѣ скорѣе скромный, во всякомъ случаѣ безъ всякой позы, онъ всегда зналъ, какъ себя держать и какъ по настоящему отнестись къ данному явленію. Миоковичъ былъ особенно цѣненъ въ руководительствѣ рабочими — трудно себѣ представить тотъ авторитетъ и ту, пожалуй, подлинную любовь, которыми пользовался Миоковичъ среди рабочихъ. Я думаю, что отсутствіе у насъ забастовокъ во многомъ, помимо другихъ нижеуказанныхъ причинъ, можно объяснить его вліяніемъ на рабочихъ. Слово и рѣшеніе Степана Алексѣевича не подвергались рабочими никогда ни сомнѣнію, ни критикѣ. Завѣдуя на рудникѣ нѣсколькими шахтами, въ томъ числѣ и всѣми подрядческиими, Миоковичъ иногда бывалъ прямымъ начальникомъ молодыхъ инженеровъ, и я не помню ни одного случая не только обидѣ, но и дисциплинарныхъ треній и неповиновенія. Само собою разумѣется, Миоковичъ и его жена были въ нашемъ рудничномъ обществѣ желанными сочленами. Нѣтъ надобности говорить о томъ, съ какимъ настоящимъ спокойнымъ достоинствомъ держалъ себя всегда и съ высшими и съ низшими Миоковичъ. Онъ не уѣхалъ изъ Россіи, оставшись у большевиковъ; какъ живетъ сейчасъ этотъ безспорно достойнѣйшій русскій человекъ и живъ ли онъ, я не знаю — увѣ-

рень, что и тамъ онъ сумѣлъ найти надлежащую вѣрную линию поведенія.

Я такъ долго задержался на памяти о Миоковичѣ потому, что моя память именно объ этомъ русскомъ человѣкѣ возсоздаетъ его образъ наиболѣе отчетливо и въ чертахъ наиболѣе положительныхъ. Въ Миоковичѣ, какъ въ Лутугинскомъ Моисѣ Горловѣ, какъ въ Колокольцовѣ, этомъ наиболѣе блестящемъ образѣ положительнаго русскаго человѣка, ярко отразились черты, кажущіяся мнѣ, несмотря на рѣдкое ихъ проявленіе, національными: точное пониманіе своего дѣла, умѣніе его выполнять при всякихъ обстоятельствахъ и служеніе дѣлу, какъ долгу.

Нашъ рудничный врачъ — милѣйшій Николай Александровичъ Гейдеръ, русскій нѣмецъ, окончившій Дерптскій университетъ, говорящій по русски съ характернымъ акцентомъ, хотя и имѣлъ для насъ, русскихъ, въ своемъ обликѣ, какъ всѣ нѣмцы, нѣчто располагающее къ шуткѣ, для него всегда милой и безобидной, пользовался всеобщей нашей любовью, какъ человѣкъ; какъ врача, его очень цѣнили не только мы, но и вся наша округа — онъ имѣлъ недурную практику и внѣ рудника. Бѣдный Гейдеръ, большой любитель охоты, жестоко отъ нея пострадалъ: неосторожный компаніонъ по охотѣ на утокъ съ лодки, выстрѣлилъ ему случайно въ упоръ въ ногу. Ногу пришлось ампутировать и Гейдеръ ходилъ на «деревяшкѣ», имѣя впрочемъ и искусственную ногу, которую не любилъ; но къ деревяшкѣ онъ такъ приспособился, что даже и послѣ ампутаціи продолжалъ ходить на охоту, спугивая дичь деревяшкой, какъ увѣрялъ Казицынъ. Докторъ былъ женатъ на вдовѣ, матери двухъ дочерей, выросшихъ у насъ на рудникѣ и на рудникѣ же вышедшихъ замужъ; Гейдеръ имѣлъ отъ нея сына Ореста, родившагося тоже на рудникѣ. Марія Григорьевна Гейдеръ, маленькая, худенькая, вѣчно курившая или набивавшая папиросы, была радушной хозяйкой — ихъ домъ любили, къ нему тянулись обитатели Максимовки, какъ къ дому на рудникѣ нейтральному, гдѣ не было никакихъ служебныхъ отношеній, надоѣдавшихъ на службѣ.

Трудно себѣ представить важное значеніе сочетанія хорошаго врача и хорошаго человѣка въ такомъ замкнутомъ и отрѣзанномъ отъ всякихъ центровъ кругѣ лицъ, какъ служащіе рудника; докторъ — это не только частый спаситель жизни близкихъ вамъ людей и вашей, но и вашъ иногда интимный другъ, приходящій съ ободряющими совѣтами во многихъ случаяхъ жизни, соприкасающихся съ вашимъ бытомъ, съ вашимъ здоровьемъ. Къ глубокому сожалѣнію, Гейдеръ рано умеръ, заболѣвъ скоротечной чахоткой послѣ жестокой простуды, полученной имъ гдѣ то на горахъ Кавказа, куда его загнала неугомонная страсть къ той же охотѣ. Я благоговѣйно

что память этого прекрасного человека, много раз спасая оное здоровье жены и жизнь дѣтей.

Железнодорожной вѣткой завѣдывал также давній служащій, Владиславъ Ивановичъ Пленкевичъ, окончившій железнодорожное училище — низшую профессиональную школу. Пленкевичъ, по происхожденію полякъ, кропотливый и очень старательный работникъ, человекъ, обладавшій многочисленной семьей, состоявшей изъ жены, очень красивой женщины, сводившей съ ума окрестную молодежь, и пяти дочерей, тогда малъ-мала меньше. У Пленкевича на рукахъ было въ сущности очень большое, почти самостоятельно имъ управляемое дѣло, такъ какъ мы, горные инженеры, стоявшіе во главѣ рудника, мало знали железную дорогу. Пленкевичъ, привѣтливый и по натурѣ очень общительный человекъ, радушный хозяинъ у себя дома, былъ до такого исчерпанія занятъ дѣломъ и семьей, что ничто другое, казалось, не могло его интересовать — всякій разговоръ оное неизмѣнно сводилъ на паровозы, которые въ его словахъ пріобрѣтали характеръ существъ, обладавшихъ разнообразными, какъ бы живыми свойствами. Милый Владиславъ Ивановичъ давно умеръ, умерла и его жена — мы случайно встрѣтили въ 1927 г. въ Польшѣ ихъ дочерей.

Я не имѣю возможности подробно вспомнить о всѣхъ остальныхъ служащихъ рудника, о молодыхъ инженерахъ, часто начинавшихъ службу у насъ на малыхъ шахтахъ «у Міоковича», о нашихъ довольно многочисленныхъ штейгерахъ, о завѣдующихъ коксовыми печами и мойками, людей часто безъ всякаго образованія, выбившихся изъ рабочихъ — большинство ихъ оказалось въ итогѣ отличными мастерами. Долженъ еще упомянуть, что въ послѣднее время, когда число разныхъ механизмовъ на рудникѣ сильно возросло, я долженъ былъ пригласить спеціального инженера-механика для завѣдыванія всѣми (кромѣ жел.-дор. дѣла) механизмами рудника. Одно время имъ былъ инж. Вырвичъ, женившійся на младшей дочери жены нашего доктора.

Упомяну еще объ одномъ, по своему очень оригинальномъ, человекѣ, также давнемъ служащемъ рудника, о Федорѣ Васильевичѣ Шипликѣ, нашемъ агентѣ на станціи Алмазной. Мы вели черезъ ст. Алмазную большую отправку угля и кокса, около 40-50 вагоновъ въ сутки, считая сюда и грузъ Голубовскаго рудника, нами обслуживаемаго. Наша агентура станціи должна была получать порожніе вагоны, передавать ихъ на рудники, ведя учетъ часовъ ихъ простоя на рудникахъ, такъ какъ за каждые лишніе сверхъ 8-ми часовъ простоя надо было платить штрафъ. Къ станціи Алмазной примыкало много рудниковъ и, такъ какъ железная дорога почти всегда недодавала вагоновъ, то Шиплику приходилось зорко слѣдить за тѣмъ, чтобы станція насъ не обсчитывала въ пользу другихъ рудни-

ковъ. Въ его обязанности входилъ и выкупъ грузовъ, идущихъ на нашу вѣтку, крѣпжнаго лѣса и другихъ. Всѣ эти сложныя и во всякомъ случаѣ требующіе большой расторопности и такта обязанности Шипликъ исполнялъ удивительно ловко, имѣя помощникомъ только одного мальчика-писца. Мы рѣдко и мало платили штрафовъ, поддерживая все время со станціоннымъ начальствомъ наилучшія отношенія. Конечно, это начальство нами оплачивалось ежемѣсячнымъ жалованьемъ, правда, очень небольшимъ; самъ начальникъ станціи получалъ только 40 рублей. Таковъ былъ обычай, такъ дѣлали всѣ; за этотъ платежъ мы не требовали, да и не могли требовать ничего незаконнаго; это была скорѣе страховка отъ возможныхъ неприятностей и придиорокъ.

За долгіе годы практики агента Шипликъ выработалъ совершенно особую манеру себя держать — съ его лица не сходила лукавая усмѣшка, а глаза, казалось, были всегда готовы убѣждать и оспаривать. Шиплика, думаю, безъ особаго основанія, считали пройдой — въ немъ была скорѣе ловкая профессиональная выучка. Въ неписанныя обязанности Шиплика входили встрѣчи и проводы на станціи старшихъ рудничныхъ чиновъ, начиная съ меня, и ихъ семей. Шипликъ всегда съ величайшей готовностью и въ любой часъ предупреждалъ насъ по телефону о точномъ часѣ отхода поѣзда, встрѣчалъ на вокзалѣ, хлопоталъ съ вещами и неизмѣнно занималъ разговорами, правда, исключительно изъ области станціонныхъ интересовъ. Когда Шипликъ изрѣдка появлялся въ главной конторѣ, казалось, что онъ не на мѣстѣ и не знаетъ что съ собой дѣлать.

Я не стану останавливаться на штатѣ довольно многочисленныхъ служащихъ нашей главной конторы, гдѣ начальникомъ былъ А. Г. Образцовъ, перешедшій ко мнѣ съ Макѣевского рудника, — о немъ я упоминалъ выше. Конторскіе служащіе, всегда корпящіе за счетами и книгами, не были такъ индивидуально отмѣтны, какъ техническіе служащіе рудника — по крайней мѣрѣ они мнѣ таковыми казались; можетъ быть, я ихъ мало зналъ, имѣя по конторѣ дѣло почти съ однимъ Образцовымъ.

Скажу еще нѣсколько словъ объ объемѣ моихъ обязанностей и объемѣ моей работы. Само собой разумѣется, что я долженъ былъ быть не только въ курсѣ всѣхъ работъ рудника, но и ими руководить, особенно новыми работами по подготовкѣ будущей добычи угля; слѣдить за размѣрами добычи, за себестоимостью угля, за заработной платой рабочихъ и проч. и проч. «Директоръ рудника долженъ знать все, что дѣлается на рудникѣ», говорилъ мой предшественникъ по Максимовскому руднику инженеръ Л. Г. Рабиновичъ, висѣвшій, какъ

говорили, постоянно на телефонѣ. Правда, онъ же говорилъ, что директоръ долженъ время отъ времени уѣзжать съ рудника, чтобы дать служащимъ возможность отъ себя отдохнуть. Но безъ шутокъ, обязанности директора были очень велики и разнообразны какъ на рудникѣ, такъ и внѣ рудника, гдѣ начинались заботы о своевременныхъ и выгодныхъ продажахъ, о снабженіи рудника деньгами и т. д. Къ этимъ прямымъ обязанностямъ присоединялись обязанности общія, обыкновенно тѣсно связанныя съ прямыми — хлопоты о дачѣ всей углепромышленности достаточнаго количества вагоновъ — ихъ всегда не хватало, и отправка угля во всемъ бассейнѣ шла обычно подъ знакомъ «борьбы за вагоны»; дальше слѣдовала борьба за цѣны, борьба за «техническія условія», т. е. за качество угля и кокса при поставкахъ желѣзнымъ дорогамъ, флоту и заводамъ — нашимъ главнымъ потребителямъ. За этими заботами, подымаясь выше въ область общихъ интересовъ, шла борьба за желѣзныя дороги, т. е. за постройку новыхъ дорогъ для расширенія рынковъ сбыта угля, за удешевленіе и выравниваніе угольныхъ тарифовъ, за пошлины на ввозимый иностранный уголь и проч. — однимъ словомъ, вся та промышленно-общественная работа, которая тянула къ Харькову, къ Совѣту Съѣзда Г. Ю. Р. и къ Комитету по распредѣленію вагоновъ. Въ Харьковѣ, пока я жилъ на рудникѣ, приходилось ѣздить почти ежемѣсячно — ѣздили всѣ директора рудниковъ къ опредѣленнымъ днямъ засѣданій, весь районъ въ одномъ вагонѣ, гдѣ немедленно открывался родъ совѣщанія — мы, какъ и наши слѣдующіе, встрѣчаясь, могли говорить почти только о дѣлахъ.

Работа на самомъ рудникѣ сопровождалась почти ежедневными по утрамъ объѣздами работъ, спускомъ въ шахты, бѣсѣдами съ завѣдующими разными отраслями, посѣщеніями рудничной конторы, средоточія учета работъ. Послѣ обѣда до вечера — занятія въ главной конторѣ. Вечерами за своимъ письменнымъ столомъ, пожалуй, главная работа подведенія итоговъ и установленія плановъ будущей работы — рудникъ требовалъ неустанной заботы. И такъ каждый день въ теченіе долгихъ лѣтъ, и ни тѣни скуки — живая работа, окруженіе людей, занятыхъ той же спорой работой.

Я съ умысломъ задержался на характеристикѣ штата служащихъ Максимовскаго рудника — болѣе или менѣе аналогичнымъ штатомъ обладали и остальные рудники Бассейна. Думаю, что подборъ служащихъ былъ аналогиченъ даже и по качеству — старая Россія давала отличный людской матеріалъ для самой разнообразной работы и часто лучшей въ сравнительныхъ низахъ народа, болѣе здоровый, съ болѣе нервною устойчивостью, лучше и тѣснѣй входящій въ ограниченный кругъ своего дѣла.

Мои воспоминанія вызвали сейчасъ образы моихъ бывшихъ сотрудниковъ служащихъ, какъ раньше они вызвали коллективный образъ рудничнаго рабочаго. Съ полнымъ сознаниємъ правильности моихъ бывшихъ ощущеній и настроеній я считаю, что въ очерченномъ кругѣ нашей общей дѣятельности, начиная отъ рабочаго шахтера, подымаясь къ служащимъ и къ инженеру директору-распорядителю рудника, мы всѣ были включены въ стройный замкнутый циклъ общей важной для страны работы. Въ этой опредѣленности для каждаго своей работы не было ни эксплуатируемыхъ, ни эксплуататоровъ. Разница нашихъ положеній диктовалась разной квалификаціей работы, различной степенью отвѣтственности; она укладывалась цѣлкомъ въ сложившійся бытъ, какъ слѣдствіе опредѣленнаго историческаго развитія.

Эти элементарныя и безспорныя, казалось, для всего міра положенія не были, однако, таковыми для нашей передовой интеллигенціи. Я уже говорилъ выше о той недоброжелательности, съ которой относилась къ намъ, «промышленникамъ», современная описываемымъ событіямъ (да и только ли современная) русская общественность. Она въ большинствѣ совсѣмъ не понимала ни нашей, русскихъ инженеровъ, культурной работы въ области экономическаго развитія Россіи, ни той огромной роли, которую сыгралъ въ то время иностранный капиталъ, вложенный въ южную русскую промышленность, роли, которая, думаю, достаточно рельефно видна даже и изъ измѣненныхъ формъ быта промышленной жизни Юга Россіи, о чемъ я здѣсь говорю.

Я вспоминаю одинъ очень характерный случай изъ моей личной жизни той эпохи. Моя семья весну и лѣто 1902 года проводила въ Крыму. Она жила въ имѣніи «Олеизъ» Токмаковыхъ близъ Алупки, въ дачѣ, называемой «Сѣрымъ баракомъ». Я тогда былъ очень занятъ рудникомъ и наѣзжалъ въ Крымъ раза два-три на короткіе сроки. Помню, какъ въ одинъ изъ моихъ пріѣздовъ, въ послѣобѣденные часы къ намъ неожиданно заѣхала Софья Андреевна Толстая съ Александрой Львовной — Л. Н. Толстой, только что оправившійся отъ тяжелой болѣзни, жилъ тогда въ ближайшемъ сосѣдствѣ, въ «Гаспрѣ», имѣніи гр. С. В. Паниной. Никого изъ семьи Толстыхъ мы не знали — С. А. заѣхала къ намъ въ поискахъ дачи для кого то изъ родныхъ, думая, что мы скоро освобождаемъ свою. Узнавъ интересныхъ гостей, мы ихъ пригласили остаться къ чаю — Софья Андреевна, сразу очень располагающая къ себѣ, тогда еще не старая и внѣшне интересная женщина, оказалась непринужденной и милой собесѣдницей. Знакомясь ближе, она естественно пожелала узнать, кто мы и чѣмъ я занятъ. Узнавъ, кто я, она нѣсколько потупилась и сказала буквально слѣдую-

щее, не придавая своимъ словамъ никакого особаго значенія, говоря просто, отъ души: «управляете угольнымъ рудникомъ. Ну, что-жъ, надо же какъ нибудь зарабатывать свой хлѣбъ». Откровенно говоря, я... никакъ не реагировалъ на ея изумительную реплику — она была не только въ духѣ тогдашняго «толстовства», но и въ духѣ тогдашней эпохи. Уѣзжая, С. А. предложила познакомиться насъ со Львомъ Николаевичемъ — это знакомство и состоялось черезъ два дня на берегу моря, гдѣ мы случайно встрѣтили ее, Л. Н. и А. Л.

Я отлично помню впечатлѣніе, произведенное на меня Толстымъ, правда, почти только вѣшнее, такъ какъ видѣлъ я его всего въ теченіе немногихъ минутъ. Поражали прежде всего глаза, маленькіе сѣрые, сверлящіе — они были полны тревожно-внимательнаго разглядыванія и напряженнаго безпокойства, доходящаго почти до болѣзненнаго — становилось почти жаль Толстого за неугасаемую муку постоянной напряженности его мысли. Затѣмъ поражали голосъ и говоръ, совсѣмъ не отвѣчающіе тому представленію, которое о нихъ почему то сложилось — голосъ оказался слишкомъ высокимъ, а говоръ слишкомъ барскимъ, великорусскимъ, для насъ, южанъ, непривычнымъ. Узнавъ, что я имѣю дѣло съ рабочими, онъ буквально набросился на меня, спѣша изложить такому подходящему слушателю, свои мысли о томъ, какъ просто можно разрѣшить «рабочій вопросъ» — объ этомъ Толстой какъ разъ тогда писалъ. Простота заключалась, насколько я помню, въ томъ, что... не надо рабочему дѣлать того, чего не хочешь, чтобы дѣлали тебѣ. Я очень сомнѣваюсь, чтобы при такой постановкѣ вопроса я смогъ найти общій съ Толстымъ языкъ — насъ впрочемъ немедленно разлучили, такъ какъ Льву Николаевичу нельзя было утомляться споромъ, — больше, къ моему глубокому сожалѣнію, я Толстого не видѣлъ.

МОИ СОСѢДИ — ТОВАРИЩИ.

Мои сосѣди-товарищи — люди, которые меня окружали въ теченіе долгихъ годовъ моей расширенной работы полного управленія промышленнымъ предпріятіемъ, въ сущности годовъ во многомъ полного удовлетворенія работой, почти счастливыхъ, люди, съ которыми у меня было, пожалуй, только общее. Дѣловая личная жизнь съ ея неизбѣжными затрудненіями, а иногда и неприятностями, шла отдѣльно для каждаго изъ насъ. Насъ не сталкивала другъ съ другомъ даже конкуренція продажъ — угольный рынокъ, какъ то постепенно, «исторически» былъ между рудниками подѣленъ. Для личныхъ отношеній оставалось время досуговъ и согласованія нѣкоторыхъ общихъ вопросовъ управленія. За все время нашего близкаго сосѣдства я не помню ни одного столкновенія, не то что ссоры. Насъ объединяла общность характера личной творческой работы, неуловимый духовный подъемъ, дающійся реальнымъ созиданіемъ. «дѣломъ», въ которомъ тогда особенно рельефно чувствовалось служеніе общему интересу, захватывающему широкие и разнообразныя горизонты.

Моими сосѣдами по Максимовскому руднику были: горн. инженеръ І. Р. Крживицкій, долголѣтній директоръ Голубовскаго рудника, смѣненный около 1903 года послѣ продажи рудника французамъ французскимъ инженеромъ Омаромъ и его помощникомъ, горн. инж. П. А. Никишинымъ; І. М. Дворжанчикъ, инж.-техн., сначала директоръ Кадіевскаго, а потомъ Ирминскаго новаго рудника, расположеннаго также въ самой близости Максимовки; горн. инж. І. Ф. Кржижановскій, мой товарищъ по выпуску, смѣнившій Дворжанника на посту директора Кадіевскаго рудника; горн. инж. Я. Д. Прядкинъ, безсмѣнный директоръ Криворогскаго рудника; горн. инж. Г. М. Монтлевичъ, управляющій Каменскимъ рудникомъ Алексѣевскаго Горнопромышленнаго Общества; горн. инж. И. В. Мионовъ, управляющій Ирминскимъ рудникомъ до Дворжанчика; инж.-техн. К. Р. Буковскій — директоръ Маріевскаго рудника примыкаль къ намъ, хотя служилъ не въ Алмазномъ, а въ сосѣднемъ Марьевскомъ районѣ. Къ нашему Алмазному району принадлежалъ и горн. инж. Л. Г. Рабиновичъ, состоявшій предсѣдателемъ Правленія Ирминскаго Общества, жившій тогда постоянно въ Харьковѣ, но часто наѣзжавшій на Ирминскій рудникъ. Раньше, до меня, при бр. Максимовыхъ, онъ состоялъ директоромъ Максимовскаго рудника — я поступилъ на рудникъ послѣ него. Рабиновичъ былъ старше насъ всѣхъ; мы

по праву считали его старѣйшимъ дѣятелемъ нашего района, поддерживая съ нимъ всегда близкія, неизмѣнно пріятельскія отношенія.

Мои сосѣди — девять фамилій и изъ нихъ... пять не русскихъ — четыре поляка и одинъ еврей. Русское разнообразіе «племень и нарѣчій». Участіе инженеровъ-поляковъ было вообще очень замѣтнымъ въ русской промышленности — они были хорошими техниками, дали много примѣровъ широкихъ организаторовъ и администраторовъ промышленныхъ предприятий. Старая русская жизнь, вопреки установившемуся о ней представленію и обратно тому, что наблюдается теперь во многихъ вновь образованныхъ государствахъ, фактически была много терпимѣе современности къ совмѣстной очень тѣсной работѣ съ представителями иныхъ національностей. Нужно впрочемъ сказать, что своеобразіе и во многомъ несомнѣнная широта русской жизни успѣшно и безъ всякаго насилія «перерабатывали» иныя національности. Въ итогѣ и у нашихъ поляковъ и у нашихъ евреевъ получалось какое то очень интересное сочетаніе двухъ національностей, двухъ культуръ, гдѣ черты одной культуры и, нужно сказать, въ большинствѣ положительныя, сочетаясь съ чертами другой культуры, столь же положительными, давали, напримѣръ, типъ нашихъ русскихъ поляковъ-интеллигентовъ, сохранившихъ и до сихъ поръ, уже ставъ польскими гражданами, многое отъ Россіи. Особенно отчетливо сказывалась эта ассимиляція въ средѣ дѣловой, чуждой политики, являвшейся почти всегда элементомъ разъединяющимъ. Ниже я даю краткія описанія какъ жизни, такъ и главныхъ чертъ характера моихъ милыхъ сосѣдей друзей-поляковъ и Л. Г. Рабиновича — это позволитъ мнѣ, можетъ быть, дополнить и разъяснить мою мысль живой иллюстраціей.

Іосифъ Ромуальдовичъ Крживицкій, мой близкій товарищъ еще по школьной скамьѣ Горнаго Института, человекъ поэтической души, отличный музыкантъ. Мы оба попали въ Донецкій Бассейнъ въ 1890 году, начавъ службу младшими инженерами въ одномъ и томъ же предприятии, такъ называемой «Французской Компаніи» (Рутченковское Общество) около Юзовки. Я уже говорилъ выше, что Бассейнъ представлялъ въ тѣ отдаленныя времена больше дѣвственную степь, чѣмъ средоточіе промышленности. Услуга инженеровъ почти никому не была нужна и ихъ количество во всемъ Бассейнѣ насчитывалось до насъ едва ли однимъ десяткомъ. Одиночество жизни было такъ велико, а ея обстановка такъ мизерна, что мы, какъ очаровательной музыкѣ, радовались появленію въ комнатѣ... сверчка. Крживицкій послѣ двухъ-трехъ лѣтъ службы во Французской Компаніи младшимъ инженеромъ получилъ въ управленіе очень большое угольное предприятие, Голубовскій рудникъ Голуб.-Берестовскаго Товари-

щества, примыкающей къ Алмазному району, гдѣ и пробыль около 10 лѣтъ, до продажи рудника Французскому Обществу. Здѣсь онъ сталъ моимъ ближайшимъ сосѣдомъ, когда я уже значительно позже попалъ на Максимовскій рудникъ.

Крживицкій былъ достаточно своеобразенъ и необыченъ въ роли управляющаго большимъ промышленнымъ предприятиемъ, давъ какой то старинный образъ помѣщика-инженера. Недаромъ инженеры Донецкаго Бассейна во многомъ замѣнили почти исчезнувшаго въ тѣ времена у насъ помѣщика-землевладѣльца. У Крживицкаго до полной гармоніи уживались замашки широкаго, очень изящнаго и мягкаго барина съ прекраснымъ техническимъ и коммерческимъ пониманіемъ дѣла. Добрый и справедливый начальникъ для служащихъ и рабочихъ, лишенный по натурѣ элементовъ жесткаго по отношенію другихъ принужденія, съ большимъ природнымъ, очень практическимъ, какъ у большинства поляковъ, но спокойнымъ, почти лѣнливымъ умомъ, Крживицкій очень успѣшно въ теченіе многихъ лѣтъ управлялъ большимъ Голубовскимъ рудникомъ. Переходъ рудника въ французскія руки заставилъ его покинуть Голубовку — Крживицкій и французы, вообще западно-европейскіе промышленные обычаи, были несовмѣстны; послѣ кратковременнаго управленія двумя большими рудниками (Селезневскимъ и Кадіевскимъ) Крживицкій ушелъ въ собственный дѣла и послѣдніе годы жилъ съ семьей безвыѣздно въ Харьковѣ. И онъ и его жена, Евгенія Станиславовна, были на рудникахъ въ сущности самыми близкими намъ людьми. Намъ сближала и старая моя съ нимъ близость со студенческихъ временъ и со времени первой инженерской службы, сближала насъ и... наша общая многосемейность, какъ и одинаковый возрастъ дѣтей, манила и музыка Крживицкаго, дававшая прекрасное отвлеченіе отъ рудничной жизни.

Крживицкій оставилъ послѣ себя прекрасную память, особенно у рабочихъ, которые въ высшей мѣрѣ цѣнили деликатность расположенія, его милый юморъ въ обращеніи съ низшими. Я помню, какъ Крживицкій, еще на первомъ своемъ мѣстѣ, будучи моимъ сослуживцемъ, въ роли завѣдующаго отдѣльной шахтой Французской Компаніи, разбиралъ при мнѣ въ своей незатѣйливой «конторкѣ» дѣла рабочихъ. Съ какимъ веселымъ добродушіемъ онъ встрѣчалъ жалобы въ большинствѣ по пустякамъ, или по «пьяному» дѣлу поссорившихся или обиженныхъ шахтеровъ. Шахтеръ, вбивая гвоздь въ досчатую перегородку, мѣшаетъ спать сосѣду. «Не стукай, а то отстучаю». Когда стукъ продолжается — оглушительное отстукиваніе бревномъ по стѣнѣ, отъ котораго съ полки стучающаго съ грохотомъ летитъ посуда на полъ. Поссорившіеся у инженера. Во время разбора дѣла пошелъ сильный дождь. Въ «конторѣ» нѣтъ потолка и желѣзная крыша издаетъ неисто-

вый шумъ, заглушающій голоса. «Милославскій, говоритъ Крживицкій своему ассистенту по разбору рабочихъ дѣль — поверхностному десятнику (десятникъ по надзору за квартирами и за порядкомъ въ рабочей колоніи), пойдѣ и прикажи тамъ, чтобы дождь пересталъ». «Слушаю», отвѣчаетъ Милославскій и исчезаетъ за дверь. Общій смѣхъ срываетъ настроеніе.

Крживицкій, какъ и большинство нашихъ инженеровъ, былъ безукоризненнымъ семьяниномъ — объ его любви къ семьѣ ходили даже анекдоты: такъ, извѣстный на югѣ инж. Мсциховскій, владѣлецъ Селезневскаго рудника, у котораго одню время уже послѣ Голубовки служилъ управляющимъ рудника Крживицкій, рассказывалъ, что Крживицкому, у котораго тогда было уже 5 душъ дѣтей и жила теща, некогда было ѣздить на рудникъ, такъ какъ въ его семьѣ, при ея многолюдности, всегда кто нибудь да былъ боленъ, и Крживицкій, любя семью, не могъ ее оставлять. Также точно, онъ, по словамъ того же Мсциховскаго, съ большой неохотой оставлялъ семью для отъѣздовъ съ рудника по дѣламъ — тогда, утверждалъ, смѣясь, Мсциховскій, Крживицкій старался нарочно опоздать на поѣздъ. Эти нарочитыя преувеличенія «хозяина» были въ какой то мѣрѣ все же характерными. Крживицкій, помимо своей большой семейственности, былъ и очень свободолюбивъ, служба его тяготила и въ концѣ концовъ онъ ушелъ въ собственныя коммерческія дѣла. Также и въ Польшѣ онъ занимался только своими дѣлами.

Крживицкій умеръ въ 1933 году въ возрастѣ около 67 лѣтъ совершенно неожиданно, ничѣмъ предварительно не болѣвъ. И въ обстановкѣ своей смерти, хотя и невольно, онъ остался такимъ же прекраснымъ семьяниномъ, не пожелавшимъ тревожить семью длинной болѣзнью. Утромъ онъ почувствовалъ себя худо. Приглашенный пріятель-врачъ, выслушавъ Крживицкаго, сказалъ: «У васъ ничего нѣтъ, вставайте, нѣтъ надобности валяться въ кровати». Къ вечеру Крживицкій умеръ отъ сердечнаго припадка.

Очаровательнымъ человѣкомъ, хотя и въ другомъ родѣ, былъ Буковскій.

Казиміръ Ромуальдовичъ Буковскій, Петербургскій инженеръ-технологъ, ближайшій сосѣдъ Крживицкаго по управляемому имъ Петро-Маріевскому руднику, былъ, какъ и Крживицкій, на рѣдкость добрымъ и душевнымъ человѣкомъ. Буковскій появился впервые въ Донецкомъ Бассейнѣ въ началѣ девятисотыхъ годовъ. Я помню, когда я уже жилъ на Максимовскомъ рудникѣ, я услышалъ, что на сосѣднемъ Петро-Маріевскомъ рудникѣ (Французскаго Общества) есть новый управляющій. Помню характерность первыхъ слуховъ —

«простой добрый человекъ, держать себя со всѣми по товарищески, маленький, чистенькій, акуратненькій, ѣздитъ на рудничные балы, умилительно танцуетъ почти исключительно со своей женой, тоже маленькой, полненькой — такая на рѣдкость любящая пара».

Помню, какъ мы въ первый разъ познакомились съ Буковскимъ въ вагонѣ, везшимъ цѣлую компанію инженеровъ нашего района въ Харьковъ на засѣданія. На нашъ вопросъ у проводника вагона, не ѣдетъ ли еще кто, онъ отвѣтилъ, что въ первомъ купѣ ѣдетъ какой то «старичекъ» изъ Марьевки. Это и былъ Буковскій — странно, что онъ дѣйствительно все время, чуть ли не на протяжении двадцати лѣтъ нашего знакомства, производилъ своимъ лицомъ одно впечатлѣніе, въ которомъ и тогда уже было какъ бы нѣчто стариковское, можетъ быть, оттого, что и голова и все лицо были тщательно выбриты, а глаза всегда свѣтились углубленно добрымъ и милымъ для всѣхъ блескомъ.

И Крживицкій и Буковскій искренно и тепло любили Россію и все русское — «На меня вѣтъ чѣмъ то далекимъ и прекраснымъ, когда я получаю письма отъ Васъ», писалъ мнѣ изъ Польши уже во время моего изгнанія Буковскій. Онъ, что не такъ часто бывало въ нашемъ промышленномъ кругу даже и среди русскихъ, отлично зналъ и любилъ русскую литературу.

Буковскій почти все время своей службы въ Донецкомъ Бассейнѣ былъ директоромъ Петро-Маріевскаго рудника. Въ Харьковѣ, куда онъ переѣхалъ въ концѣ перваго десятилѣтія девятисотыхъ годовъ, онъ состоялъ членомъ Правленія только что образованнаго «Страхового Товарищества». Мы не были близко знакомы съ Буковскимъ на рудникѣ и очень сошлись уже въ Харьковѣ, когда Буковскіе многіе годы жили въ нашемъ домѣ. Съ его семьей, добрѣйшей, всегда нѣжно влюбленной въ своего Казимира, Еленой Германовной и ихъ дочери мы близко познакомились и подружились. Буковскій занималъ въ Польшѣ большой правительственный постъ управляющаго всѣми соляными рудниками Польши. Умеръ онъ, какъ и К. Р. Крживицкій, въ томъ же году и тоже отъ не бывшей раньше болѣзни сердца, проболѣвъ всего 3-4 дня.

Іосифъ Михайловичъ Дворжанчикъ, инженеръ-технологъ, окончившій Харьковскій Технологическій Институтъ, началъ свою дѣятельность въ Донецкомъ Бассейнѣ у очень извѣстнаго въ свое время, талантливѣйшаго самородка-предпринимателя А. К. Алчевскаго, основателя двухъ очень большихъ предприятий Донецкаго Бассейна — Алексѣевскаго Горно-Промышленнаго и Донецко-Юрьевскаго Металлургическаго Обществъ. Алчевскій очень цѣнилъ Дворжанчика, какъ прекраснаго инженера. Подвижной и живой, какъ ртуть, кипу-

че-энергичный, съ напряженными почти до предѣла нервами отличный коммерсантъ и администраторъ, Дворжанчикъ занималъ въ Донецкомъ Бассейнѣ очень высокіе посты, состоя подъ конецъ директоромъ-распорядителемъ большихъ угольныхъ предприятий — Ирминскаго и затѣмъ Щербиновскаго Обществъ. Дворжанчикъ былъ неутомимъ въ своей работоспособности, любя и цѣня широкое промышленное созиданіе; онъ былъ много ближе своихъ коллегъ къ типу чисто промышленнаго европейскаго дѣятеля. «Дѣло» и промышленность были его стихіей. Его всегда напряженный умъ былъ всецѣло занятъ только «дѣломъ» и его интересами. Тогдашняя промышленная обстановка быстро развивающагося Донецкаго Бассейна давала рѣдко благоприятную почву для единоличной созидательной дѣятельности: Россія пока еще не знала ни синдикатовъ, ни трестовъ; отдѣльное предприятие ничѣмъ не было связано въ своей дѣятельности и, начиная отъ горной развѣдки до продажи угля на рынкѣ, дѣломъ вѣдали лица, стоящія во главѣ предприятий.

Созданіе синдиката «Продуголь» (1907 г.) внесло рѣзкое измѣненіе въ управленіе рудниками, вошедшими въ «Продуголь» — не только продажа угля перешла отъ предприятия къ «Продуголю», но и сама добыча угля подверглась извѣстной регулировкѣ. «Продуголь» былъ созданіемъ иностраннаго капитала, искавшаго возможности повысить низкую доходность рудниковъ путемъ торговаго объединенія. Я не буду сейчасъ останавливаться на дѣятельности этого синдиката, кажется, перваго въ Россіи. Продуголь не пользовался общественными симпатіями, что для русской общественности было естественнымъ. Скажу только, что отношеніе это вовсе не вызывалось особенностями его дѣятельности — это было общее противосиндикатское настроеніе, основанное на непониманіи роли синдикатовъ и ихъ неизбѣжности въ жизни капиталистической промышленности.

И вотъ въ отношеніи къ Продуголю сказалось даже нѣкое расхожденіе и между тогдашними промышленными дѣятелями Юга Россіи, въ частности между многими русскими и поляками. Поляки оказались въ этомъ смыслѣ большими европейцами: они, въ большинствѣ, заняли въ Продуголѣ видное положеніе, они легко вошли въ эту новую коммерческую форму промышленности; для многихъ русскихъ, даже для несомнѣннаго большинства, она оказалась болѣе чуждой — обособленность промышленнаго управленія отъ начала и до конца была какъ бы ближе натурѣ русскаго промышленнаго дѣятеля той эпохи. Въ частности, особенно І. М. Дворжанчика увлекалъ именно этотъ родъ объединенной чисто промышленной дѣятельности, гораздо больше иныхъ видовъ промышленной работы. Рудникъ часто его тяготилъ и угнеталъ своей подчасъ

тяжелой обстановкой. Также болѣе сдержанно, съ нѣкоторымъ, пожалуй, холодкомъ, относился Дворжанчикъ и къ общественно-промышленной дѣятельности нашего объединеннаго органа — «Совѣта Съѣзда».

Польская промышленность оцѣнила недюжинныя дарованія Дворжанчика — въ послѣдніе годы онъ состоялъ директоромъ огромнаго горнаго предпріятія «Гише» въ Силезіи. Я видѣлъ его года за два до смерти: внѣшне для представительства онъ жилъ роскошно, но его личная, семейная жизнь была такъ же скромна, какъ и въ Россіи; онъ такъ же неутомимо и лихорадочно работалъ, какъ и въ молодости. Но уже сказывалось и тогда чрезмѣрно утомленіе. Умеръ онъ въ 1934 году въ Виши, куда поѣхалъ лѣчиться, и также отъ болѣзни сердца.

И на рудникѣ, и въ Харьковѣ, куда мы переѣхали почти одновременно, мы были очень связаны съ семьей І. М. Дворжанчика — и жена и я очень цѣнили близкое дружеское знакомство съ Еленой Александровной, да проститъ она мнѣ, съ очаровательной русской барыней, польскаго происхожденія.

Съ 1906 года директоромъ Кадіевскаго рудника, вмѣсто ушедшаго Дворжанчика, состоялъ горн. инж. Іосифъ Феликсовичъ Кржижановскій, мой товарищъ по выпуску. Къ сожалѣнію, черезъ годъ съ небольшимъ послѣ прибытія въ нашъ районъ Кржижановскаго, я съ семьей переѣхалъ въ Харьковъ и мнѣ въ тотъ періодъ не пришлось ближе познакомиться съ Іосифомъ Феликсовичемъ, котораго я почти не встрѣчалъ со школьной скамьи. Близко узналъ я его много позже и, пожалуй, ближе всего уже во времена эмиграціи. Совершенно естественно, что о нынѣ живущихъ моихъ коллегамъ я не могу писать съ той сравнительной свободой личной оцѣнки, какъ я это дѣлаю по отношенію умершихъ — я долженъ, говоря о нихъ, ограничиться почти только одними біографическими данными. Такъ, въ настоящемъ описаніи, посвященномъ жизни Алмазнаго района, я поступаю и по отношенію І. Ф. Кржижановскаго и Я. Д. Прядкина. Могу сказать, что дѣлаю это по отношенію этихъ интереснѣйшихъ людей моей современности съ величайшимъ сожалѣніемъ.

Управленію І. Ф. Кржижановскаго были подчинены, помимо Кадіевскаго рудника, Кадіевскій же доменный заводъ (2 домы) и находящіяся вблизи нашего района Анненскій и Лидіевскій каменноугольные рудники, гдѣ управляющими были наши инженеры И. В. Покровскій и Н. Н. Горлецкій. Все это промышленное дѣло, самое крупное въ районѣ, принадлежало Днѣпровскому Металлургическому Обществу, директоромъ-распорядителемъ котораго состоялъ тогда широко извѣстный на югѣ замѣчательный инженеръ и администраторъ, инж.-технологъ (Петербургскаго Технол. Института) Игнатій Игна-

тіевичъ Ясюковичъ*). І. Ф. Кржижановскій, какъ то было мнѣ извѣстно отъ И. И. Ясюковича, съ которымъ меня постоянно связывали чувства неизмѣнныхъ уваженія и симпатіи, былъ приглашенъ директоромъ всѣхъ угольныхъ рудниковъ Общества для выполненія главнѣйшей задачи всего предприятия: скорѣйшаго снабженія Днѣпровскаго, одного изъ самыхъ мощныхъ металлургическихъ заводовъ, своимъ углемъ и коксомъ. Это большое техническое и административное задание было блестяще выполнено Кржижановскимъ: за 10 лѣтъ его управленія рудниками (съ 1906 по 1916 г. г.) добыча рудниковъ съ 30 милл. пуд. угля дошла до 70; а производство кокса, побивъ всѣ рекорды, увеличилось за это время въ двѣнадцать разъ, дойдя съ 3,3 мил. пуд. производства въ 1905 г. до 36 милл. пуд. въ 1915 г. Кадіевскій рудникъ сталъ первымъ по производству кокса въ Россіи. На рудникѣ были сооружены впервые новыя печи Коперса, получившія затѣмъ распространеніе не только въ Европѣ, но и въ Америкѣ — въ послѣдней, благодаря примѣру Кадіевки, которую посѣтилъ въ 1913 году владѣлецъ самага большого коксоваго предприятия въ Пенсильваніи м-ръ Гари.

Говоря о Кржижановскомъ, я не могу не остановиться на нѣкоторыхъ фактахъ изъ иной области его дѣятельности, также только на сухихъ біографическихъ данныхъ, позволяющихъ, однако, хотя бы такимъ путемъ войти въ оцѣнку его личныхъ качествъ. Въ 1915 году въ разгаръ міровой войны Юсифъ Феликсовичъ, собравъ по собственному почину изъ разныхъ источниковъ необходимыя средства, везетъ самъ подарки солдатамъ въ дѣйствующую армію. Посѣщеніе окоповъ, сопряженное съ большимъ рискомъ для жизни, было описано имъ въ польскомъ журналѣ «Свѣтъ» отъ 15 февраля 1916 г. Къ самимъ окопамъ онъ могъ ѣхать только верхомъ въ сопровожденіи двухъ верховыхъ ординарцевъ; проѣзжая по открытымъ мѣстамъ, они подвергались обстрѣлу орудійнымъ огнемъ невидимаго противника — выстрѣлы направлялись нѣмецкимъ наблюдателемъ съ привязаннаго баллона, отлично видимаго простымъ глазомъ. Идя назадъ пѣшкомъ по лѣсу, почти уничтоженному выстрѣлами, они пробирались отъ дерева къ дереву — «мы не слышали лета обыкновенныхъ пуль, но шершневой свистъ разрывныхъ пуль отлично слышали».

Кржижановскій разсказывалъ мнѣ тогда же, вернувшись изъ окоповъ, о томъ прекрасномъ впечатлѣніи спокойнаго мужества, которое производили на него русскіе солдаты — онъ особенно выдѣлялъ сибиряковъ. Онъ писалъ мнѣ позже, что ему съ трудомъ удалось получить разрѣшеніе посѣтить окопы; помогъ ему въ этомъ казачій генералъ Мадритовъ, котораго

*) О немъ я подробно говорю во 2-й части моихъ воспоминаній.

Кржижановскій зналъ еще со времени, предшествующаго русско-японской войнѣ, когда они участвовали вмѣстѣ, І. Ф. въ качествѣ горнаго инженера, въ экспедиціи въ Манчжурію, Корею и Китай, организованную А. М. Безобразовымъ. Кржижановскій очень хорошо отзывался о Безобразовѣ, отдавая должное его энергіи, уму и большой прозорливости. Онъ вспоминаетъ, какъ на дипломатическомъ засѣданіи въ Портъ-Артурѣ, бывшемъ подъ предсѣдательствомъ генерала Алексѣева, на которомъ присутствовали русскіе послы въ Китаѣ, Японіи и Корей — Лессаръ, Извольскій и Павловъ, — Безобразовъ сказалъ: «если Россія не сломитъ Японію немедленно, когда бьетъ этому двѣнадцатый часъ, то черезъ полъ столѣтія рѣшатъ судьбы Азіи вмѣстѣ съ Сибирью будутъ японскіе резиденты, сидящіе въ Токио и Пекинѣ, а черезъ сто лѣтъ о такихъ рѣшеніяхъ, обязательныхъ для Европы, будутъ уже сообщать японскіе резиденты, сидящіе въ Лондонѣ, Парижѣ и Берлинѣ». Судя по настоящимъ событіямъ начала 1938 г., прозорливый Безобразовъ былъ слишкомъ оптимистиченъ: предсказанная имъ міровая гегемонія Японіи (желтой расы), не сдержанная во-время, можетъ наступить и много раньше.

Оставивъ Кадіевскій рудникъ въ концѣ 1915 г., Кржижановскій былъ командированъ въ 1916 г. русскимъ правительствомъ по вопросамъ, связаннымъ съ военной промышленностью, въ С. Штаты Сѣв. Америки, гдѣ пробылъ до 1918 года. Уже при Временномъ правительствѣ, надѣясь все же на благополучный исходъ войны, онъ начинаетъ работать въ Америкѣ вмѣстѣ со своими американскими друзьями надъ осуществленіемъ идеи созданія при участіи американскаго капитала русскаго концерна-треста машиностроительныхъ и металлургическихъ заводовъ. Возвратившись въ Россію въ 1918 г., состоя въ большомъ посту въ Путиловскомъ заводѣ, онъ арестовывается въ серединѣ 1918 года Зиновьевымъ и проводитъ въ большевицкихъ тюрьмахъ Петербурга и Москвы больше двухъ лѣтъ, перебивавъ послѣдовательно на Гороховой и Литейной въ Петербургѣ и въ Андроніевскомъ монастырѣ, на Лубянкѣ и въ Бутыркахъ въ Москвѣ; нужно удивляться, какъ чуду, что Кржижановскій не былъ въ это время выведенъ большевиками «въ расходъ», тѣмъ болѣе потому, что одинъ разъ онъ неудачно покушался на побѣгъ изъ Бутырской тюрьмы. Свои впечатлѣнія, вынесенныя отъ пребыванія въ большевицкихъ тюрьмахъ, І. Ф. изложилъ въ интересной брошюрѣ, которую я использую, когда буду писать о моей жизни въ Россіи при большевикахъ.

Въ 1921 году Кржижановскій былъ обмѣненъ на попавшаго въ польскій плѣнъ во время войны 1920 г. русскаго коммуниста, и послѣ большевицкихъ тюремныхъ мученій началъ новую жизнь уже на своей возстановленной родинѣ. Здѣсь, въ бла-

гопріятной обстановкѣ огромнаго подъема народнаго возрожденія, І. Ф. развиваетъ необычайную энергію: по его инициативѣ осуществляется смѣшанное частно-казенное начинаніе — учреждается «Центральное Управление Военныхъ Заводовъ» (для созданія промышленности, работающей на оборону) — онъ становится главнымъ директоромъ этого Управления. Въ 1927 г. Кржижановскій оставляетъ Центральное Управление Военныхъ Заводовъ и переходитъ въ частныя дѣла. При помощи французскаго капитала онъ строитъ въ теченіе 1927-1929 годовъ большой заводъ синтетическаго шелка и синтетической шерсти въ Ходаковѣ и затѣмъ дополнительный къ нему заводъ въ Лодзи. Въ данный моментъ онъ состоитъ предсѣдателемъ правленія созданнаго имъ въ Ходаковѣ огромнаго промышленнаго предпріятія.

Кончая эту, вынужденно слишкомъ общую, фактическую біографію замѣчательной промышленной дѣятельности и исключительно богатой событіями жизни Іосифа Феликсовича Кржижановскаго, я не могу не упомянуть о томъ трогательномъ отношеніи, которое онъ проявилъ къ русской эмиграціи. Въ одномъ изъ своихъ мнѣ писемъ, онъ говоритъ, что кому же, какъ не полякамъ, имѣвшимъ цѣлыя генерации политической эмигрантовъ, не знать «этой злой мачехи», а потому, пишетъ онъ, «намъ, полякамъ, нельзя отнестись иначе, какъ самымъ сердечнымъ образомъ и съ полнымъ пониманіемъ тяжести жизненныхъ условий вашей несчастной русской эмиграціи 1918 и послѣдующихъ годовъ». Я не хочу отказать себѣ въ искреннемъ благодарномъ удовольствіи засвидѣтельствовать здѣсь о тѣхъ многихъ случаяхъ помощи, которую всегда неожиданно, безъ предварительныхъ просьбъ, оказывалъ эмигрантамъ Іосифъ Феликсовичъ, оставаясь и въ этомъ дѣяніи такимъ же, какъ и всегда, широкимъ и, скажу прямо, для нашего жестокаго времени удивительнымъ, почти непостижимымъ человекомъ.

Таковы были наши друзья-поляки — тогда дѣятели нашего Алмазинскаго района и мои сотоварищи по промышленной «карьерѣ». И развѣ не надѣлила Россія и ихъ многими своими чертами. Я не только увѣренъ, но знаю, что они, уже живя въ своей собственной горячо любимой Польшѣ, не только безъ чувства горечи, но съ симпатіями вспоминали и вспоминаютъ свою дѣятельность и жизнь въ Россіи.

Раньше чѣмъ говорить о другихъ инженерахъ нашего района, я упомяну объ уже умершемъ старѣйшемъ членѣ нашего окруженія, долго до насъ работавшаго въ районѣ — о Лазарѣ Григорьевичѣ Рабиновичѣ. Я уже говорилъ о немъ, какъ о директорѣ-распорядителѣ Максимовскаго

рудника при братьяхъ Максимовыхъ. Оставивъ Максимовку, онъ основываетъ вмѣстѣ съ инженеромъ С. С. Монціарли въ ближайшемъ нашемъ сосѣдствѣ Ирминскій рудникъ, состоя его директоромъ-распорядителемъ. Въ началѣ, при постройкѣ, онъ почти все время жилъ на рудникѣ и былъ постояннымъ членомъ нашего общества. Потомъ онъ довольно долго жилъ въ Харьковѣ, удѣляя много времени общественно-промышленной работѣ.

Дѣятельность Рабиновича уже въ тѣ времена, о которыхъ я пишу, начала выходить не только за предѣлы нашего района, но и Бассейна — онъ былъ уже широко извѣстенъ въ разнообразныхъ кругахъ Россіи, какъ большой дѣятель южной горной промышленности, какъ долготѣнній членъ Совѣта Съѣзда Горнопромышленниковъ Юга Россіи и какъ одинъ изъ уполномоченныхъ Съѣзда — такъ именовались лица, избранныя для непосредственнаго представительства отъ имени всей нашей промышленности въ Петербургѣ. Рабиновичъ былъ единогласно избранъ Съѣздомъ за его исключительныя заслуги (закрытой баллотировкой, которую онъ потребовалъ) почетнымъ членомъ Совѣта Съѣзда Г. Ю. Р. Въ своей общественной дѣятельности Рабиновичъ былъ инициаторомъ и сотрудникомъ почти во всѣхъ промышленно-общественныхъ начинаніяхъ и при его ближайшемъ участіи и во многомъ по его инициативѣ дѣятельность Совѣта Съѣзда приняла за послѣдніе годы передъ войной такіе широкіе, возможные, кажется, только въ Россіи, размѣры.

Рабиновичъ не былъ чуждъ и политической дѣятельности — онъ былъ избранъ членомъ 2-й Государственной Думы, какъ кандидатъ партіи К.-Д. Въ своихъ личныхъ промышленно-коммерческихъ дѣлахъ Рабиновичъ былъ очень широкъ и смѣлъ — такъ, ему принадлежитъ честь промышленнаго открытія новаго западнаго района Донецкаго Бассейна, такъ называемаго «Гришинскаго». Онъ не остановился передъ рискомъ вложить и свои, тогда уже довольно большія деньги, въ предпріятіе, основанное въ новомъ и еще очень мало развѣданномъ районѣ. Его оцѣнка благонадежности и богатства мѣсторожденія, построенная на очень скудныхъ и во многомъ неясныхъ данныхъ небольшой развѣдки, была правильной — районъ оказался богатымъ и уголь превосходнымъ.

Въ натурѣ Рабиновича было рѣдкое сочетаніе технически-административныхъ и финансово-коммерческихъ большихъ способностей. Онъ былъ одновременно и талантливымъ руководителемъ предпріятій и талантливымъ финансистомъ вновь возникающихъ или реконструируемыхъ промышленныхъ дѣлъ. Это вообще рѣдкое сочетаніе было особенно рѣдкимъ для еврея. Если евреямъ нельзя отказать въ частомъ наличіи большихъ финансовыхъ способностей, то въ огромномъ большинствѣ они обладаютъ ограниченными административными дарованіями,

особенно при непосредственномъ руководествѣ промышленными предпріятіями — эта дѣятельность не въ ихъ, слишкомъ живомъ, подвижномъ, часто суетливомъ характерѣ. Помимо созданія въ Гришинскомъ районѣ большого рудника и раньше Ирминскаго рудника, Рабиновичъ принималъ ближайшее участіе въ финансовой реконструкціи рудника «Грушевскій Антрацитъ», принадлежавшаго торговому дому Стахѣвыхъ. Я не могу, къ сожалѣнію, остановиться болѣе подробно на разнообразной дѣятельности Рабиновича въ Донецкомъ Бассейнѣ. Только подъ конецъ своей длинной промышленной дѣятельности Рабиновичъ становится богатымъ и независимымъ человекомъ. Исключительно строгій къ себѣ, ограничивая свою личную жизнь самыми скромными потребностями, Рабиновичъ жилъ матеріально много для другихъ — кругъ его личной благотворительности былъ очень великъ.

Мои личныя отношенія съ Лазаремъ Григорьевичемъ были очень близкими. Я его зналъ еще съ Института — онъ его кончалъ, когда я былъ на 2-мъ курсѣ. Я помню уже съ тѣхъ поръ его спокойное благоразуміе, доброжелательно умѣряющее студенческія внутреннія вспышки. Поэтому ореоль старшаго и для меня и для нашего общаго друга Крживицкаго, моего товарища по выпуску, остался всегда за Рабиновичемъ. Съ теченіемъ времени, втягиваясь въ практическую жизнь, работая часто совмѣстно, какъ то было въ нашемъ Совѣтѣ, или преемственно, какъ то было на Максимовскомъ рудникѣ, мы сходились еще ближе.

Послѣ моего самостоятельнаго выступленія постройкой Вѣровскаго рудника, Рабиновичъ смѣло рекомендуетъ меня англичанамъ, приобрѣтшимъ Максимовскій рудникъ. Я помню, что мои первые шаги на общественной работѣ въ Совѣтѣ Съѣзда проходили неизмѣнно въ какомъ то близкомъ сопутствіи Рабиновича, уже сравнительно давняго члена Совѣта. Наѣзжая потомъ довольно часто въ Петербургъ, я почти всегда останавливался у Л. Г., жившаго тамъ тогда постоянно. Петербургская работа по представительству нашихъ промышленныхъ дѣлъ также проходила совмѣстно. Такъ сложилась и личная близость и близость нашихъ дѣловыхъ отношеній.

Рабиновичъ не уѣхалъ изъ Россіи послѣ большевицкаго переворота 1917 г. — онъ не могъ оставить старуху мать и большую сестру. Въ началѣ, во время Напа и возстановленія Донецкаго Бассейна, онъ занималъ даже какой то видный постъ при тогдашней южной угольной организаціи, «Донугль». Но уже въ 1928 г., послѣ такъ называемаго «шахтинскаго процесса», онъ попадаетъ въ тюрьму, осужденный на 10 лѣтъ каторжныхъ работъ, гдѣ умираетъ, по моему, около 1933-34 года. Рабиновичъ съ замѣчательной прямою и му-

жествомъ держался на судѣ. Крыленко говорилъ о немъ: «Рабиновичъ чуждъ всему духу совѣтскаго режима, но методъ защиты, принятый Рабиновичемъ, не можетъ не импонировать». Почти не желая защищаться фактическимъ опроверженіемъ взводимыхъ на него клеветъ, Рабиновичъ говорилъ на судѣ: «Новая жизнь нужна человѣчеству, но то, что принесли вы, хуже стараго».

Я не могу пройти молчаніемъ этотъ первый процессъ «вредителей», широко инсценированный большевиками и публично поставленный — его жертвами были многіе близкіе мнѣ люди. Въ этомъ процессѣ, невзирая на допущеніе частной защиты, представленной видными адвокатами стараго времени, уже ярко обнаружилось тѣ спедифическія особенности, которыя неизмѣнно сопутствовали всѣмъ послѣдующимъ аналогичнымъ процессамъ: наглая лживость обвиненія; беззастѣнчивая инсценировка несуществующаго преступленія; подкупленные или до смертельнаго ужаса запуганные провокаторы и въ итогѣ «высшая мѣра наказанія» абсолютно невиннымъ людямъ. Тогда это было установленіемъ той неподдающейся человѣческому опредѣленію системы физическаго и моральнаго уничтоженія русской интеллигенціи, составляющей одинъ изъ методовъ большевицкаго управленія Россіей.

Я не буду останавливаться на деталяхъ процесса — я о немъ писалъ въ свое время въ «Руль». Достаточно сказать, что въ процессѣ оказались замѣшанными и многіе эмигранты, бывшіе дѣятели Донецкаго Бассейна, — такъ, горному инженеру Б. Н. Соколову инкриминировалась передача совѣтскому инженеру Юсевичу въ Парижѣ 600.000 фр. на дѣло вредительства въ Донецкомъ Бассейнѣ. Я именовался чуть ли не главой вредительской организаціи въ Польшѣ, хотя я все время эмиграціи жилъ въ Чехословакіи и въ Польшѣ былъ одинъ разъ въ 1927 году. Совѣтскій инженеръ Детеръ, мой старій хорошій знакомый, былъ осужденъ на 10 лѣтъ каторжныхъ работъ, по видимому, главнымъ образомъ, за то, что видѣлся со мной случайно въ Варшавѣ.

Вспоминая съ чувствомъ отвращенія и ужаса этотъ процессъ, я не могу не упомянуть о самой, по моему, показательной и страшной сценѣ, разыгравшейся на судѣ. Когда одинъ изъ вынужденныхъ «провокаторовъ», инж. Скорута, бывший членъ нашего Совѣта, близкій знакомый мнѣ и вовсе не дурной, но слабонервный, почти истерическій человѣкъ, приводилъ разныя доказательства вины Рабиновича, его жена, находившаяся въ публикѣ, не выдержавъ попытки присутствовать при моральномъ паденіи мужа, закричала на весь залъ: «Не вѣрьте, онъ лжетъ». Отъ окрика жены несчастный Скорута потерялъ сознаніе. Былъ объявленъ перерывъ, послѣ котораго Скорута... подтвердилъ свое показаніе.

Вспоминая этотъ страшной памяти процессъ, я не могу не упомянуть о горномъ инженерѣ Николаѣ Николаевичѣ Горлеукомъ. Онъ принадлежалъ косвенно къ инженерамъ нашего района, такъ какъ служилъ управляющимъ отдаленнаго Лидіевскаго рудника, принадлежавшаго Днѣпровскому Обществу и былъ подчиненъ директору нашего Кадіевскаго рудника. Лично у насъ Горлеуцкій бывалъ довольно часто — мы его очень любили, какъ прекраснаго человѣка.

Конечно, Горлеуцкій былъ менѣе всего капиталистомъ и богатымъ человѣкомъ, въ чемъ обвинялъ его завѣдомо ложно палачъ Крыленко, такъ какъ все время скромно служилъ подчиненнымъ инженеромъ на предприятияхъ. По натурѣ Н. Н. былъ на рѣдкость правдивымъ, спокойнымъ и мягкимъ человекомъ. Его нежеланіе лгать сдѣлало его особо ненавистнымъ для Крыленко. Горлеуцкій мужественно говорилъ на судѣ, что онъ не социалистъ, что онъ не вѣритъ въ социалистическое строительство, не вѣритъ въ правду того, что происходитъ въ Россіи. Но, утверждалъ онъ, это не мѣшало ему быть лояльнымъ по отношенію къ совѣтской власти; «за деньги, говорилъ Горлеуцкій, онъ не могъ быть врагомъ своей родины и хозяйства своего народа». Черты мягкой и исполненной внутренняго благородства правдивости Горлеуцкаго слишкомъ рельефно и ярко выступали даже въ жесткихъ и издѣвательскихъ отчетахъ совѣтскихъ газетъ. Какъ его полная невинность, такъ и его обреченность были ясны съ самаго начала процесса — въ его лицѣ совѣтская власть истребляла то, что ей наиболѣе ненавистно — благородство и правду человѣческой души. Горлеуцкій былъ безжалостно приговоренъ къ разстрѣлу.

Возвращаясь къ прерванному мною повѣствованію о моихъ товарищахъ-сосѣдяхъ, я долженъ сказать, что изъ инженеровъ Алмазнаго района, обладавшихъ полнотою власти на мѣстѣ, властью директора-распорядителя, кромѣ директороу Кадіевскаго и Ирминскаго рудниковъ, тогда Кржижановскаго и Дворжанчика, были Я. Д. Прядкинъ, директоръ Орлово-Еленевскаго рудника, и пишущій эти строки. Инженеры Крживицкій, Никишинъ, Монтлевичъ и Мироновъ были, по нашей терминологіи, управляющими рудниковъ, не несшими всѣхъ функций управленія промышленнымъ предприятиемъ.

О горномъ инженерѣ Яковѣ Дмитріевичѣ Прядкинѣ, какъ о нынѣ благополучно здравствующемъ, я долженъ писать также только въ предѣлахъ изложенія его біографіи. Тѣмъ не менѣе, да проститъ мнѣ это Яковъ Дмитріевичъ, я хочу до изложенія его біографіи посвятить ему нѣсколько строкъ моихъ о немъ воспоминаній.

Я. Д., тогда еще совѣтъ молодой человѣкъ, лѣтъ 27-28, уже съ самаго начала своего появленія въ Алмазномъ районѣ,

въ качествѣ, несмотря на молодость, директора Орлово-Еленевского рудника, поразилъ насъ, сравнительныхъ стариковъ (Крживицкому, Буковскому и мнѣ было тогда уже подъ 40, а Рабиновичу, устраивавшему въ ту эпоху Ирминку, и за 40 лѣтъ) своимъ болѣе чѣмъ у насъ опредѣленнымъ и болѣе промышленно-углубленнымъ пониманіемъ идеи промышленнаго хозяйства. Сравнительно съ нашимъ взглядомъ на промышленность, во многомъ неопредѣленномъ и неясномъ, преемственно исходящимъ больше отъ идеи единоличнаго «хозяина», попечительнаго отца и дѣла и рабочихъ, Я. Д. смотрѣлъ на промышленное предпринимательство строго опредѣленно, отдавая все преимущество крупному капиталу и крупной промышленности, связывая промышленное хозяйство съ неизбежностью торговыхъ и иныхъ коммерческихъ объединеній. Таковымъ же было его отношеніе и къ рабочему вопросу: относясь въ высшей мѣрѣ справедливо и гуманно къ рабочимъ, онъ считалъ, что не только въ будущемъ, но и въ настоящемъ, позиція наша по отношенію рабочихъ должна исходить изъ той (классовой) борьбы, какая имѣетъ давно мѣсто въ западно-европейской промышленности. Вообще, сравнительно съ нами, Я. Д. былъ уже новымъ человѣкомъ, совершенно приближающимся къ типу настоящаго промышленнаго дѣятеля, какими были во многомъ наши коллеги-поляки Дворжанчикъ и Кржижановскій — они трое представляли въ существѣ, невзирая на индивидуальныя отличія, болѣе или менѣе одинъ типъ настоящаго промышленнаго дѣятеля, къ каковому приближался въ большой степени и Рабиновичъ.

На Прядкинѣ, еще съ дней его ранней молодости, сказалась уже иная обстановка и студенческаго воспитанія и практическаго инженерскаго стажа. Въ студенствѣ, въ годы начала подъема политической волны конца девятыхъ годовъ, говорятъ, онъ былъ очень лѣвымъ, чуть не социаль-демократомъ, конечно, въ очень юношескомъ изображеніи. Эта политическая школа въ связи съ первымъ практическимъ стажемъ, полученнымъ имъ въ большомъ, хорошо поставленномъ промышленномъ дѣлѣ и во время начавшагося уже промышленнаго оживленія строительства Витте, дали ему, въ переводѣ на языкъ промышленнаго дѣла, болѣе опредѣленное пониманіе сути промышленнаго хозяйства въ его социальномъ аспектѣ. Этой выучки почти не было у насъ, воспитанниковъ политическаго «затишья» времени Александра III и тусклаго заходистости южной промышленности въ годы нашей первой практической работы. Я долженъ отмѣтить, что явленіе «новаго» инженера изъ среды молодежи возраста Прядкина было тогда очень замѣтнымъ. Примѣрно его выпускъ далъ большое число выдающихся дѣятелей южной промышленности, какъ Р. Ф. Зивертъ, Б. Н. Соколовъ, А. А. Нарановичъ, П. С. Сергѣевъ,

Л. П. Эйлеръ — о нихъ я буду говорить во второй части моихъ воспоминаній.

Чисто русской чертой дѣятельности Прядкина было яркое его стремленіе къ общественной дѣятельности вообще, въ частности и къ общественно-промышленной: въ нашемъ Совѣтѣ Съѣзда онъ занялъ очень видное положеніе. Послѣ этого вступленія, да простить мнѣ его Яковъ Дмитріевичъ, я перехожу къ его біографіи.

Окончивъ Петербургскій Горный Институтъ въ 1898 г., Я. Д. Прядкинъ поступаетъ на одинъ изъ самыхъ большихъ рудниковъ Юга — «Щербиневскій», принадлежавшій французскому акціонерному «Обществу для разработки каменного угля и соли». Прядкинъ остается на рудникѣ 5 лѣтъ, начавъ съ инженера, завѣдывающаго однимъ пластомъ и кончивъ завѣдующимъ всей технической частью рудника. Въ 1902 г. онъ переходитъ въ нашъ районъ на постъ самостоятельнаго управленія Орлово-Еленевскимъ рудникомъ, принадлежавшимъ французскому «Обществу Криворогскихъ желѣзныхъ рудъ», съ правленіемъ въ Парижѣ. Здѣсь Я. Д. остается въ сущности все время до большевицкаго переворота и до эвакуаціи его изъ Россіи въ эмиграцію. За время своего управленія Я. Д. создалъ изъ маленькаго рудника съ добычей, думаю, въ 6-7 мил. пуд. въ годъ огромное угольное предпріятіе, въ сущности новое дѣло съ добычей въ 1915 г. въ 34 мил. пуд.

Живя на рудникѣ и усиленно имъ занимаясь, Я. Д., уже по свойству своей натуры, не могъ себя ограничить только интересами рудника. Къ сожалѣнію, вялая сонная жизнь тогдашней русской провинціи представляла плохую обстановку для общественной работы. Необходимый для нея общій подъемъ появился у насъ, какъ и во всей Россіи, въ годы послѣ революціи, въ такъ называемомъ «предвоенномъ періодѣ». Прядкинъ активно на него отзывается — онъ становится предсѣдателемъ Лозово-Павловскаго Общества Просвѣщенія; при его ближайшемъ участіи основывается въ Лозовой-Павловкѣ (большое село нашей округи) классическая гимназія. Тамъ же онъ состоитъ предсѣдателемъ Общества Взаимнаго Кредита. Съ 1912 г. и до конца Я. Д. избирается гласнымъ Славяносербскаго земства. Къ сожалѣнію, я не могъ близко наблюдать этотъ интересный періодъ жизни нашей провинціи — ея яркое пробужденіе: я тогда жилъ уже въ Харьковѣ. Я подробно говорю о подъемѣ «предвоеннаго періода» во второй части моихъ воспоминаній.

Уже съ 1903 г. Я. Д. начинаетъ принимать участіе въ нашемъ Съѣздѣ и въ 1904 г. избирается членомъ ревизіонной комиссіи Совѣта Съѣзда. Въ томъ же 1904 г. онъ подымаетъ на общемъ собраніи Съѣзда вопросъ о необходимости пересмотра «Положенія о Съѣздахъ» (подробности «Положенія»

будутъ изложены во второй части моихъ воспоминаній), не отвѣчающаго, по его мнѣнію, новой структурѣ южной горной промышленности, развивающейся подъ вліяніемъ крупнаго анонимнаго капитала. Прядкинъ все время своей дѣятельности на Съѣздахъ и въ Совѣтѣ Съѣзда былъ выразителемъ идеологіи крупной промышленности — «Иродомъ, избивающимъ младенцевъ», какъ его называли представители мелкой промышленности. Я. Д. все время состоялъ представителемъ отъ Совѣта Съѣзда въ «Горнозаводскомъ Комитетѣ по перевозкѣ грузовъ» и затѣмъ «Уполномоченнымъ Съѣзда» для защиты интересовъ промышленности въ Петербургѣ. Въ Уполномоченные Съѣзда избирались всегда лица наиболее вліятельныя и авторитетныя изъ представителей промышленности. Прядкинъ состоялъ позднѣе предсѣдателемъ Комиссіи по выработкѣ «Устава Южно-Русскаго Горнозаводскаго и Фабричнаго Страховаго Товарищества» и послѣ введенія Товарищества въ жизнь, былъ его предсѣдателемъ. Съ 1909-1910 года Прядкинъ занимаетъ постъ одного изъ директоровъ образовавшагося тогда каменноугольнаго синдиката «Продуголь», о которомъ я говорилъ выше. Этотъ перечень даетъ уже понятіе объ интенсивной общественной дѣятельности Я. Д. Такъ же интенсивно шла и его частная промышленная дѣятельность: помимо непосредственнаго управленія Орлово-Еленевскимъ рудникомъ, онъ состоялъ членомъ правленія въ «Обществѣ Тульскихъ Доменныхъ Печей» и въ О-вѣ «Богураевскихъ Копей», также состоялъ инженеръ-совѣтникомъ «Селезневскаго Общества».

При Временномъ Правительствѣ Прядкинъ былъ приглашенъ министромъ Торговли и Промышленности А. И. Коноваловымъ на очень важный по тому времени постъ «Главнoуполномоченнаго по снабженію страны топливомъ», въ каковой должности онъ и пробылъ съ апрѣля по августъ 1917 года.

Я и моя семья состояли въ постоянныхъ, неизмѣнно-пріятельскихъ отношеніяхъ съ Я. Д. и съ его супругой, къ сожалѣнію, уже покойной, милой Жанной Эрнестовной, во все время нашей близкой совмѣстной работы какъ на рудникѣ, такъ и послѣ переселенія въ Харьковъ.

Я. Д. возобновилъ свою промышленную дѣятельность и въ эмиграціи, придавъ ей тотъ же неизмѣнно большой размахъ. Съ 1923 г. онъ состоитъ директоромъ-распорядителемъ «Общ. заводовъ Лауріумъ для разработки рудъ въ Греціи». Въ теченіе 4-хъ лѣтъ онъ состоитъ инженеромъ-консультантомъ «Общества металлическихъ рудниковъ во Франціи», а съ 1927 г. инженеромъ-консультантомъ и директоромъ правленія «Общества для эксплуатаціи серебро-свинцовыхъ и цинковыхъ рудъ въ Алжирѣ» и принимаетъ, какъ представитель этого Общества, дѣятельное участіе въ Синдикатѣ металлическихъ рудъ во Франціи. Въ эмиграціи Прядкинъ не забываетъ и обще-

ственно-промышленной дѣятельности, принимая все время участіе съ самаго его основанія въ Торгово-Промышленномъ и Финансовомъ Союзѣ, гдѣ состоитъ однимъ изъ товарищей председателя. Надо ли говорить о томъ, что мы поддерживаемъ съ Прядкинымъ и въ эмиграціи тѣ же старыя близкія и дружескія отношенія — ихъ оживленности мѣшаетъ, увы, наша отдаленность другъ отъ друга и по разному сложившаяся наша бѣженская жизнь.

Я хочу помянуть одного изъ очень замѣтныхъ и очень оригинальныхъ членовъ нашей горно-промышленной семьи, если не совсѣмъ нашего района, то ближайшаго отъ него района ст. Варварополье — Василия Сергѣевича Соколова; онъ былъ въ какой то мѣрѣ противоположною тому типу настоящаго промышленнаго дѣятеля, который олицетворялся въ приведенныхъ мною выше дѣятеляхъ. Соколовъ не былъ горнымъ инженеромъ, окончивъ юридическій факультетъ Харьковскаго Университета. Карьера юриста его не прельщала и онъ занялся горнымъ дѣломъ въ собственномъ имѣніи, гдѣ оказалось хорошее мѣсторожденіе угля. Онъ сталъ мелкимъ углепромышленникомъ; его дѣло не было кустарнымъ, но и мало переходило на промышленное предпріятіе — это былъ какой то переходъ отъ сельскаго хозяйства къ промышленности.

По имени я зналъ Соколова давно, его родителей я зналъ еще со временъ моего дѣтства. Съ нимъ, тогда совсѣмъ молодымъ человѣкомъ, много моложе меня, но уже состоявшимъ земскимъ начальникомъ сосѣдняго намъ участка, я встрѣтился первый разъ въ поѣздѣ желѣзной дороги и, помню, онъ сразу завоевалъ мои симпатіи: въ немъ imponировало что то открытое, смѣлое и въ высшей степени живое. В. С. Соколовъ происходилъ изъ дворянъ Славяносербскаго уѣзда и по преданію былъ въ какомъ то отдаленномъ родствѣ съ нами. Я помню, какъ еще мальчикомъ, до гимназіи, я ѣздилъ съ отцомъ зимой изъ Бахмутскаго уѣзда въ Славяносербскій въ гости къ Соколовымъ — помню длинный путь, деревенскій теплый помѣщичій домъ, смутно помню родителей Соколова, его самого еще не было на свѣтѣ. Родовое имѣніе Соколовыхъ находилось около самой станціи Варварополье, въ одномъ изъ центральныхъ мѣстъ угольной промышленности; въ самомъ дворѣ усадьбы Соколовыхъ оказались отличные выходы угля, впрочемъ родителями Соколова не обнаруженные, даже и его дѣдомъ, горнымъ инженеромъ. Соколовъ съ юношескихъ годовъ жилъ въ ближайшемъ окруженіи представителей мелкой углепромышленности, которой такъ богаты были въ свое время такіе «центры», какъ Варварополье.

Избранный въ члены Совѣта Съѣзда Г. Ю. Р., Соколовъ естественно сталъ главой мелкой углепромышленности тогда,

когда съ учрежденіемъ «Продугля» дифференціація предпріятій по размѣрамъ добычи стала болѣе или менѣе на очередь. Соколовъ игралъ на нашихъ Съѣздахъ крупную роль, какъ объединитель шумной и очень многочисленной «меньшей братіи», имѣвшей, благодаря особой «конституціи» Съѣздовъ, большое вліяніе на судьбу Совѣта, особенно на выборы должностныхъ лицъ.

В. С. Соколовъ былъ типичнымъ сыномъ своей страны, степнымъ помѣщикомъ, вдохнувшимъ отъ промышленнаго предпринимательства; онъ былъ провинціальнымъ дѣятелемъ, чуждымъ отвлеченныхъ порывовъ нашей интеллигенціи. Онъ весь и всегда былъ въ доброжелательной и расположенной къ людямъ своего окруженія реальности; онъ страстно любилъ свой край, свою Россію и своего Царя — онъ былъ монархистомъ, но далекимъ отъ крайностей крайне правыхъ. Его исключительная, чисто жизненная, практическая волевая энергія была въ страшные годы перваго большевизма вся направлена на напряженную борьбу съ совѣтской властью и на поддержку добровольческаго движенія. Онъ былъ въ активнѣйшихъ сношеніяхъ съ генераломъ Алексѣевымъ, собиралъ для него деньги, отвозилъ ихъ въ армію. Неустанно хлопоталъ о всяческой поддержкѣ Харьковскаго фронта, состоя въ постоянныхъ и близкихъ сношеніяхъ съ генераломъ Кутеповымъ и ведя борьбу съ недоброй памяти генераломъ Май-Маевскимъ, къ тому времени почти окончательно спившимся. Соколовъ, отлично зная русскаго мужика, не обманывался нисколько въ оцѣнкѣ происходящихъ событій — онъ чутьемъ угадывалъ ихъ трагическую длительность. «Повѣрьте, сказалъ онъ какъ то мнѣ, что русскій народъ не успокоится, не прійдетъ въ нормальное состояніе до тѣхъ поръ, пока земля не будетъ вновь отнята у мужиковъ, что рано или поздно непременно будетъ». Въ какой то мѣрѣ Соколовъ оказался пророкомъ.

Соколовъ былъ вѣренъ какъ въ симпатіяхъ, такъ и въ дѣлахъ. Когда я предложилъ ему въ 1918 г. ѣхать со мной суровой зимой изъ Севастополя въ Одессу въ тяжелыхъ условіяхъ тогдашнихъ передвиженій по дѣламъ, связаннымъ съ Добровольческой Арміей, ѣхать на свой счетъ въ неактивной роли спутника, онъ немедленно согласился. Я помню, что мы такъ были замучены и переполнены до отказа пароходомъ и нетопленной, почти замерзающей Одессой и имѣли вѣроятно такой жалкій видъ, что встрѣтившій насъ въ Одессѣ знакомый по Харькову еврей — мелкій промышленникъ, расплакался отъ тоски и горя.

Соколовъ не хотѣлъ уѣзжать за границу, не хотѣлъ бросать семью, застрявшую въ Харьковѣ. Большевики настигли его въ Крыму и разстрѣляли, конечно, безъ всякой комедіи суда, вмѣстѣ съ горнымъ инженеромъ Иваномъ Васильвичемъ Ми-

роновымъ, также бывшимъ членомъ нашего Совѣта. Соколовъ и Мионовъ владѣли совмѣстно въ Крыму подгороднимъ къ Севастополю имѣніемъ — въ немъ они и были разстрѣляны.

Иванъ Васильевичъ Мионовъ, горный инженеръ, казакъ по происхожденію, былъ долготѣнимъ членомъ нашего Алмазнаго района. Въ Мионовѣ, совмѣстно съ несомнѣнной добротой и расположеніемъ къ людямъ, было что то рѣзкое, иногда неожиданно по смѣлости рѣшительное; онъ былъ, казалось, всегда въ положеніи человѣка, производящаго задуманный имъ рискованный опытъ, будь то воспитаніе его дѣтей, катаніе семьи на лодкѣ подъ парусомъ, которымъ онъ не умѣлъ управлять, и проч. Послѣдній опытъ чуть не стоилъ жизни его женѣ и маленькому сыну — лодка, въ которой онъ ихъ «каталъ» по рѣкѣ Калитвѣ во время разлива, перевернулась и Мионовъ, самъ отличный пловецъ, чуть не цѣлый часъ держался на поверхности воды потерявшюю сознание жену и маленькаго сына, пока не подоспѣла помощь.

Мионовъ не занималъ въ Бассейнѣ большихъ положеній — онъ почти все время оставался на роляхъ инженера-завѣдывающаго на большихъ рудникахъ отдѣльными шахтами, или старшимъ инженеромъ на рудникѣ — таковымъ онъ былъ моимъ сосѣдомъ на Ирминскомъ рудникѣ. Послѣдняя революція застала Мионова во главѣ небольшого рудника въ Донской области. Онъ пошелъ «на встрѣчу» событіямъ и образовалъ изъ рабочихъ коллективный органъ управленія рудникомъ, заявивъ себя такимъ образомъ какъ бы рѣшительнымъ сторонникомъ новой власти. Опытъ длился, однако, не долго и Мионовомъ скоро долженъ былъ оставить рудникъ. Все же въ первое время прихода большевиковъ репутація Мионова стояла у нихъ еще настолько высоко, что онъ помогъ спасенію арестованнаго въ началѣ 1918 г. президіума Совѣта Съѣзда, въ томъ числѣ и пишущаго эти строки, взявъ насъ совмѣстно со своими рабочими на поруки.

Когда и какъ попалъ Мионовъ въ Крымъ, я не знаю, какъ не знаю подробностей разстрѣла его и В. С. Соколова — разстрѣлъ произошелъ вѣроятно въ концѣ 1920 г. послѣ эвакуаціи Крыма арміей ген. Врангеля.

Тамъ же, въ Крыму, и, кажется, одновременно съ ними былъ разстрѣлянъ одинъ изъ старѣйшихъ дѣятелей Донецкаго Бассейна — горный инженеръ Альбинъ Михайловичъ Завадскій, бывший долготѣнимъ директоромъ Брянскаго рудника нашего района. Кротчайшій и прекраснѣйшій человѣкъ, въ своей душевной расположенности не могущій никого и никогда обидѣть — за что и почему погибъ онъ ужасной смертью, будучи уже старикомъ около 60 лѣтъ, — кто можетъ отвѣтить на этотъ страшный вопросъ.

Павель Андреевич Никишинъ, горный инженеръ, тоже казакъ, состоялъ въ теченіе многихъ лѣтъ управляющимъ Голубовскаго рудника, поступивъ тотчасъ послѣ ухода Крживицкаго — онъ былъ лѣтъ на 5-6 моложе меня. П. А. былъ на рѣдкость спокойнымъ и скромнымъ человекомъ. Отличный инженеръ и прекрасный работникъ, онъ въ сущности въ теченіе около 12 лѣтъ управлялъ Голубовкой почти самостоятельно — его прямое начальство, французскій инженеръ, директоръ рудника, Омаръ, почти не показывался на работахъ.

П. А. производилъ на меня впечатлѣніе человека, лишеннаго честолюбія — онъ не стремился впередъ, оставался неизмѣнно внѣшне удовлетвореннымъ, правда, всегда живой работой большого рудника, какимъ была Голубовка. Общественныя дѣла видимо мало его интересовали. Зная его близко и часто съ нимъ видясь, я съ особымъ сочувственнымъ вниманіемъ останавливался на той его особенности, которая, казалось, составляла главную черту его характера: онъ былъ удивительно вѣрнымъ въ любви и привязанности человекомъ. Оздоровивъ еще до поступленія на Голубовку — я не зналъ его жены, и оставшись съ крохотной дочерью Валею на рукахъ, онъ и не думалъ жениться, свято чтя память покойной жены. Весь смыслъ его внутренней жизни, казалось, замыкался любовью и заботой о дочери — онъ не отдалъ ее даже въ гимназію, не желая съ нею разставаться. Жизненной поэзіей П. А., кромѣ дочери, была еще... усадьба, которую онъ исподволь устраивалъ въ своей родной Урюпинской станицѣ, мечтая какъ можно скорѣе туда переѣхать. Судьба поступила жестоко съ бѣднымъ Никишинымъ: Валя вышла замужъ, родила сына — новое обожаніе П. А. Но мужъ ея, офицеръ-артиллеристъ, былъ почти тотчасъ послѣ рожденія сына убитъ на войнѣ. Очень скоро послѣ смерти зятя неожиданно умеръ и П. А. отъ тяжелой и очень рѣдкой болѣзни — рака легкихъ. Онъ умеръ сравнительно молодымъ — ему было едва ли больше 47-48 лѣтъ. Я видѣлъ его въ больницѣ за день-два до смерти; помню бѣлое до желтизны истаявшее лицо, шелестящій, еле слышный голосъ... онъ меня просилъ позаботиться объ его Валѣ. Увы, я не могъ исполнить его послѣдняго желанія — вскорѣ я долженъ былъ съ семьей покинуть Россію и не могъ развѣщать Валею — ея не оказалось въ Харьковѣ.

Съ чувствомъ большой симпатіи и жалости я останавливаюсь передъ памятью этого человека, у котораго черезъ внѣшній прозаическій видъ скромнаго работника неустанно горѣлъ внутренній огонь нѣжной любви и привязанности.

Я хочу упомянуть здѣсь о промышленномъ дѣятелѣ, фактически не принадлежавшимъ къ нашему району, но связывавшимъ насъ, дѣятелей съ мѣстъ, съ общественно-промышленной работой въ Харьковѣ, съ нашимъ Съѣздомъ и его Совѣтомъ. Я повторяю, что по обще-промышленнымъ дѣламъ мы, директора рудниковъ, должны были почти ежемѣсячно ѣздить въ Харьковъ.

Николай Федоровичъ фонъ-Дитмаръ, мой товарищъ по выпуску изъ Горнаго Института, мой большой пріятель со старшихъ курсовъ Института. Послѣ революціи, переѣхавъ въ Харьковъ, я сталъ долголѣтнимъ сотрудникомъ Дитмара по возглавленію нашего Совѣта — съ 1907 года онъ былъ избранъ Предсѣдателемъ Совѣта Съѣзда Горнопромышленниковъ, а я его замѣстителемъ. Объ избраніи Дитмара и объ его работѣ въ Совѣтѣ я говорю подробно во второй части моихъ воспоминаній.

Въ тѣ времена, о которыхъ я пишу, начала девятисотыхъ годовъ, Дитмаръ состоялъ завѣдующимъ статистическимъ отдѣломъ Совѣта, жилъ постоянно въ Харьковѣ, имѣя на окраинѣ города, на Петинской ул., небольшую слесарную мастерскую — тамъ же помѣщалась и его квартира. Дитмаръ не хотѣлъ «служить», предпочитая службѣ собственное, хотя бы и очень маленькое дѣло. Кромѣ того, онъ не хотѣлъ покидать Харькова и работы въ Совѣтѣ. Приѣзжая въ Харьковъ, я часто у него останавливался. Нѣсколько разъ онъ былъ у насъ на рудникѣ, сначала на Вѣровскомъ, а потомъ на Максимовскомъ. Говоря о Николаѣ Федоровичѣ, котораго я зналъ близко и къ которому былъ всегда дружески расположенъ, прежде всего скажу, что Н. Ф. фонъ-Дитмаръ, несмотря на чисто нѣмецкую фамилію, и по натурѣ, и по склонностямъ, и по симпатіямъ былъ чисто русскимъ человѣкомъ, — его мать, урожденная Соколова, была дворянка сѣверныхъ губерній, отецъ — давно обрусѣвшій нѣмецъ. Образование Н. Ф. получилъ въ одномъ изъ кадетскихъ корпусовъ Москвы и въ Петербургскомъ Горномъ Институтѣ, окончивъ его въ 1889 году.

Я укажу на нѣкоторыя замѣчательныя черты натуры Н. Ф., способствовавшія тому, что этотъ человѣкъ, не будучи горнопромышленникомъ, не имѣя спеціальнаго стажа практическаго горнаго инженера (Н. Ф. никогда не служилъ ни на рудникахъ, ни на металлургическомъ заводѣ), — сумѣлъ въ теченіе долгихъ лѣтъ съ огромнымъ успѣхомъ занимать постъ предсѣдателя организаціи, подлинныя интересы которой были ему какъ бы далекими. Завѣдуя нѣсколько лѣтъ статистическимъ отдѣломъ Совѣта при Н. С. Авдаковѣ, предсѣдатель Совѣта, Н. Ф. въ сущности его создалъ и отлично, какъ никто изъ насъ, изучилъ всю южную горную промышленность въ ея цѣломъ, что при его изумительной способности улавливать

прежде всего главную суть каждаго явления, каждаго положенія, сдѣлало его незамѣнимымъ въ созданіи синтеза нуждъ этой промышленности. Самая отдаленность его отъ непосредственнаго «дѣйства» надѣляла его какъ бы безпристрастіемъ суждений высшаго судьи. Н. Ф. обладалъ, кромѣ того, рѣдкимъ свойствомъ не только внимательно прислушиваться къ чужому дѣльному мнѣнію, но и принимать его во вниманіе при вынесеніи окончательнаго рѣшенія, — его оппонентъ или сотрудникъ не бывалъ обижаемъ напраснымъ пренебреженіемъ, столь частымъ у нашихъ руководителей. Оговариваюсь, однако, что Н. Ф. не только не былъ чуждъ промышленному дѣлу, но самъ былъ промышленникомъ, такъ какъ позднѣе имѣлъ въ Харьковѣ уже не мастерскую, а небольшой передѣлочный и машиностроительный заводъ, занятый главнымъ образомъ изготовленіемъ рудничныхъ предохранительныхъ лампъ, а также сельскохозяйственныхъ машинъ и орудій.

Еще со студенческихъ временъ мнѣ ярко рисуется исключительность образа Николая Федоровича. Никогда ничего не пившій, не курившій, ведшій жизнь почти затворническую и аскетическую, что было далеко не въ нравахъ тогдашняго студенчества, Н. Ф. вмѣстѣ съ огромной усидчивостью и работоспособностью, соединялъ не только постоянно-хорошее, ясное расположеніе духа, но и рѣдкую веселость нрава — кто не помнитъ смѣха Дитмара до подлинныхъ слезъ. Постоянная, ничѣмъ не поколебимая и ничѣмъ не затемненная ясность мысли и духа въ соединеніи съ рѣдкой находчивостью и быстротой улавливать чужую мысль, дѣлали его въ дальнѣйшей его общественной работѣ незамѣнимымъ полемистомъ и прекраснымъ ораторомъ въ самыхъ разнообразныхъ общественныхъ собраніяхъ. Большая разносторонность его дѣйствительныхъ дарованій и его неизмѣнное расположеніе къ людямъ дѣлали то, что онъ могъ оказаться близкимъ человѣкомъ, чуть не другомъ лицъ самыхъ разнообразныхъ положеній. Попадая къ архирею по дѣлу, онъ на пріемѣ, черезъ нѣсколько минутъ, напѣвалъ вмѣстѣ съ архиреемъ какой нибудь канонъ на новый гласъ, услышанный имъ на послѣдней службѣ. Избранный очень скоро членомъ обновленнаго Государственнаго Совѣта отъ промышленности, онъ, выступая на трибунѣ Государственнаго Совѣта, говорилъ иногда ереси неслыханныя въ этомъ высокомъ учрежденіи, но поражающія остротой и новизной мысли, часто въ области ему почти чуждой. Будучи гласнымъ Харьковской Городской Думы, борясь за проведеніе какого то новаго мѣропріятія въ области городского хозяйства, онъ бросилъ по адресу гласныхъ предупрежденіе, что отъ безпробудной спячки ихъ сможетъ разбудить только труба нѣмецкаго горниста, заигравшаго на улицахъ Харькова. Эта реплика Н. Ф., сказанная за много лѣтъ до послѣдней войны и казавшаяся

тогда только риторической формой, вспомнилась харьковской общественностью въ 1918 г., когда нѣмецкій горнистъ дѣйствительно затрубилъ на улицахъ Харькова...

Всѣ эти качества подлинной крупной натуры Н. Ф. не только способствовали его избранію въ предсѣдатели нашего Совѣта, но и сдѣлали его превосходнымъ предсѣдателемъ, именно для того кипучаго, загорающагося для большой и смѣлой инициативы времени «предвоеннаго періода». Н. Ф. никогда не останавливался передъ выполненіемъ смѣлаго и до того почти необычнаго начинанія, разъ это начинаніе отвѣчало нуждамъ промышленности или увеличивало блескъ и внутреннее значеніе представляемой организаціи. Никто, какъ онъ, не умѣлъ улавливать и духъ людей и духъ времени, претворяя его немедленно въ смѣлое и широкое практическое начинаніе.

Каковы были политическія убѣжденія Дитмара и каково было его отношеніе къ политическимъ событіямъ времени девятисотыхъ годовъ? Я ставлю этотъ вопросъ, забѣгая впередъ въ моемъ описаніи, по отношеніи Дитмара потому, что у него, какъ у жившаго постоянно въ большомъ городѣ, можно было ожидать большаго политической опредѣленности. По отношенію насъ, большинства моихъ друзей, и даже по отношенію самого себя, я останавливаюсь передъ трудностью ясно сформулировать нашу тогдашнюю политическую настроенность, даже и во время первой революціи. Дитмаръ, какъ и всѣ мы, былъ, конечно, яркимъ противникомъ революціи; кромѣ того, онъ былъ убѣжденнымъ и сознательнымъ противникомъ всяческаго социализма, считая социализмъ величайшимъ заблужденіемъ и зломъ. Онъ, какъ думаю, и всѣ мы, былъ монархистомъ и не считалъ тогдашнее самодержавіе только вреднымъ пережиткомъ старины, требующимъ немедленнаго и радикальнаго ограниченія. Мы слишкомъ хорошо знали подлинную Россію и умѣли цѣнить истинность государственнаго служенія нашихъ царей и ихъ добрую и отзывчивую волю въ этомъ служеніи. Но... насъ, какъ и большинство русскихъ спокойныхъ людей, смущала слабость власти, ея незадачливость, особенно военная, и мучила казавшаяся неразрѣшимостью всей русской задачи — трафаретъ нашихъ нарождающихся тогда политическихъ партій намъ не казался убѣдительнымъ, а явное отсутствіе настоящихъ людей во главѣ «освободительнаго движенія», какъ и нарастающее разнуздываніе народной массы, насъ приводили въ отчаяніе.

Я не помню точно, когда женился Николай Федоровичъ — на Петинской улицѣ онъ жилъ еще холостымъ. Женился Н. Ф. въ Харьковѣ на Ираидѣ Ивановнѣ Ивановой, очень красивой, доброй и спокойной женщинѣ. Переѣхавъ въ Харьковъ, мы жили очень дружно съ семьей Н. Ф. Особенно оѣзко запечатлѣлись

въ моей памяти событія предпоследняго года жизни въ Харьковѣ. Ираида Ивановна, Марія Павловна Соколова (жена инженера Б. Н. Соколова) и моя жена проявили много героическаго мужества въ тяжкіе дни большевизма, когда насъ, мужей, арестовали большевики и когда насъ надо было защищать передъ наглою, грубой властью*). Онѣ каждый день приходили къ намъ на свиданіе на вокзалъ (мы сидѣли въ вагонѣ), приносили намъ ѣду, и когда стража не пускала ихъ въ вагонъ, долго стояли подъ окнами вагона — я, какъ сейчасъ, помню ихъ печальныя, встревоженныя лица и заплаканные глаза.

Ни Николая Федоровича, ни Ираиды Ивановны уже давно нѣтъ въ живыхъ. Н. Ф. умеръ лѣтомъ 1919 года, нелѣпо, какъ умирало тогда большинство людей на взбаламученной Руси: онъ заразился сыпнымъ тифомъ, возвращаясь со мной, Базкевичемъ и Скорутой изъ Ростова въ Харьковъ, занятый уже Добровольческой Арміей. Я ничего не знаю о судьбѣ ихъ трехъ дѣтей. Этими краткими строками я ограничу пока свои воспоминанія о крупномъ человѣкѣ, сдѣлавшимъ очень много въ дѣлѣ развитія хозяйства въ старой Россіи — подробно объ его дѣятельности я буду говорить во второй части моихъ воспоминаній.

Моя память возстановила жизнь небольшого круга лицъ, занятыхъ однимъ дѣломъ, маленькую часть старой Россіи. Большинства моихъ соратниковъ и друзей уже нѣтъ въ живыхъ, многіе погибли трагически; нѣкоторые, оставшіеся въ живыхъ, влечатъ тяжелое существованіе эмигрантовъ. И вотъ, разставаясь съ тѣнями близкихъ для меня людей, спутниковъ почти всей моей жизни, я хотѣлъ бы еще разъ помянуть ихъ въ томъ общемъ, что вырабатывало изъ насъ все же какъ бы новый для тогдашней Россіи классъ.

Въ какомъ то смыслѣ мы были дѣйствительно «новыми» для современнаго намъ русскаго общества людьми. Мы, не наслѣдственные профессионалы-промышленники, а представители разныхъ слоевъ русской интеллигенціи, можетъ быть, одни изъ первыхъ, въ историческомъ ходѣ развитія нашей интеллигенціи, нашли па фось въ хозяйственномъ созидательномъ трудѣ. Оторвавшись отъ старыхъ русскихъ иллюзій, отъ «высшающаго насъ обмана», мы предпочли ему «низкія истины» обыкновеннаго труда, что было не столь уже частымъ явленіемъ въ тогдашней все еще очень празднои Россіи. Въ этомъ смыслѣ мы были героями Чеховской мечты, ибо никто, какъ онъ, «не чувствовалъ такъ значеніе труда, какъ основаніе куль-

*) Арестованъ былъ президіумъ Совѣта Съѣзда, состоявшій изъ Дитмара, меня и Б. Н. Соколова, управляющаго дѣлами Совѣта.

туры; такъ глубоко и всесторонне. Онъ любилъ строить, разводить сады, украшать землю, онъ чувствовалъ поэзію труда». (Воспоминанія М. Горькаго).

И вотъ реальный итогъ нашихъ достижений. Мы, не имѣя особой подготовки, безъ преемственности воспитанія, замѣнили иностранцевъ въ руководствѣ ихъ собственными предпріятіями. Мы этого достигли безъ чьего либо давленія извнѣ, только нашими преимуществами. Мы установили, въ сущности создали во многомъ особыя отношенія съ рабочими, вообще съ подчиненными намъ людьми. И мы успѣли осязать даже результаты — развѣ сравнительное спокойствіе рудничной жизни въ бурные годы первой русской революціи (я объ этомъ говорю ниже) не было этимъ результатомъ? Особое время и удачная обстановка позволили намъ на дѣлѣ выявить качества русскаго положительнаго человѣка: простоту, реально-доброе расположеніе въ отношеніяхъ съ другими и большую работоспособность въ выполненіи своихъ обязательствъ къ «дѣлу». Въ выполненіи этого дѣла мы нашли пафосъ труда, и мы можемъ смѣло сказать, что въ своемъ трудѣ мы не искали только личнаго обогащенія. Вопреки тогдашнему русскому общему мнѣнію, мы ясно осязали, что этотъ трудъ является основой культуры, что онъ, незамѣтно воспитывая, начиная съ рабочихъ и кончая нами, новыхъ людей, кладетъ вмѣстѣ съ тѣмъ фундаментъ для лучшей жизни русскаго народа, русскаго государства. Самый характеръ нашей работы, весь сложный механизмъ массовой добычи и сбыта всѣмъ нужнаго топлива, сблизая насъ съ разными сторонами государственнаго и народнаго хозяйства, раздвигалъ постепенно горизонты нашей работы и нашего воспріятія жизни. О характерѣ этой нашей, уже общественно-промышленной работы, объ ея масштабахъ и достиженіяхъ я буду говорить подробно во второй части моихъ воспоминаній.

Я хочу закончить свои воспоминанія о дѣятеляхъ «Алмазнаго» района (куда я отношу и всѣхъ служащихъ нашихъ рудниковъ) болѣе подробнымъ упоминаніемъ о Леонидѣ Ивановичѣ Лутугинѣ, о которомъ я говорилъ уже раньше. Л. И., работая отъ Геологическаго Комитета надъ составленіемъ карты Донецкаго Бассейна, былъ особенно частымъ гостемъ нашего района, живя сначала у Рабиновича, а потомъ у меня. Я не хочу отгнѣять «насъ» контрастомъ, но упоминаю о Лутугинѣ, давнемъ спутникѣ юныхъ дней нашего студенчества, какъ о живой связи насъ съ «міромъ инымъ».

Лутугинъ былъ удивительно странной и сложной натурой — иногда въ немъ чудились какъ бы два разныхъ человѣка; не даромъ многіе были склонны считать его... персонажемъ, сбѣжавшимъ изъ ненаписаннаго романа Достоевскаго,

увѣряя даже, что безбожникъ на людяхъ, дома онъ бьетъ поклоны передъ иконами. Этого, конечно, быть не могло, но двойственность образа, совершенно естественная, не нарочитая, и никакъ не фальшивая, несомнѣнно была. Какъ только обстановка «призывала» Лутугина на постъ борца «освободительнаго движенія», онъ становился неузнаваемъ и почти вражески чужимъ для его вчерашнихъ друзей, ничего общаго съ этимъ движеніемъ не имѣвшихъ, каковыми были всѣ мы. Вчера еще остроумный, милый собесѣдникъ, не только терпимый, но почти сходящійся съ вами въ политическихъ взглядахъ, вѣрнѣе, въ обоюдномъ отсутствіи ихъ опредѣленности — сегодня, на оппозиціонномъ правительству собраніи, или въ актѣ борьбы противъ директора Горнаго Института, ненавистнаго «реакціонера» проф. Коновалова (Лутугинъ, какъ приватъ-доцентъ Горнаго Института, былъ членомъ Совѣта Института), Лутугинъ, сверкая глазами, сотрясается отъ самой неподдѣльной злобы. Бывая часто въ Петербургѣ, мы всѣ, пріатели Лутугина, — Рабиновичъ, Крживицкій, я и другіе инженеры Юга, навѣщали Леонида Ивановича — онъ жилъ съ матерью, братомъ Викторомъ Ивановичемъ и Бауманами — его сестра, Ольга Ивановна, была замужемъ за проф. В. И. Бауманомъ, тоже моимъ товарищемъ по выпуску. Въ семьѣ, дома, Лутугинъ былъ такъ же очарователенъ, какъ и въ Донецкомъ Бассейнѣ. Жизнь его семьи, — онъ былъ купеческаго рода, его отецъ имѣлъ старое, еще при мнѣ существовавшее ювелирное дѣло, — была во многомъ не лишена стараго купеческаго уклада: Ольга Артамовновна, мать Л. И., «маменька», богобоязненная старушка съ черными живыми глазами, аккуратно посѣщала церковныя службы, а въ своей комнатѣ имѣла цѣлый иконостасъ и неугасимую передъ иконами лампаду.

«Леонидъ», какъ его звали въ семьѣ, былъ ея кумиромъ и гордостью; нужно отдать ему справедливость — общее поклоненіе его нисколько не портило: онъ былъ почтительнымъ, почти нѣжнымъ сыномъ и видимо очень любящимъ братомъ. Здѣсь Лутугинъ былъ «нашъ» и, странное дѣло, мнѣ даже казалось, что и насъ, своихъ друзей «южанъ», онъ выдѣлялъ изъ среды своихъ петербургскихъ знакомыхъ, какъ нѣкую «элигу». Такъ, съ подчеркнутымъ расположеніемъ встрѣчалъ онъ насъ съ женой, Крживицкихъ и Рабиновича, своего бывшего, какъ онъ его называлъ, «питателя». Живя у него по долгу, Лутугинъ увѣковѣчилъ Рабиновича, себя и неизмѣннаго Моисея на большой фотографіи, которую подарилъ ему съ надписью: «питателю отъ питомцевъ». Характерно, что и здѣсь Моисей остался вѣренъ себѣ, почтительно стоя у садоваго диванчика, на которомъ сидѣли Рабиновичъ и Лутугинъ. Съ «Леонидомъ» такъ считались въ семьѣ, что когда бездѣтнымъ и жаждущимъ имѣтъ ребенка Бауманамъ кто то подки-

нуль новорожденного мальчика, они долго не рѣшались оставить его у себя — «что скажетъ Леонидъ?», бывший тогда въ Бассейнѣ. Пріѣхавшій Леонидъ очень просто разрѣшилъ недоумѣніе, сказавъ: «чудаки, получили сына безъ всякихъ хлопотъ и неприятностей и еще колеблются».

Лутугинъ былъ очень способнымъ человѣкомъ и прекраснымъ, очень знающимъ геологомъ. Но... ученой степени, уже долго читая лекціи въ Институтѣ, не имѣлъ. Когда мы его укоряли въ небреженіи къ своему положенію и даже лѣни, онъ отвѣчалъ, что ему «гораздо пріятнѣе думать о томъ, какъ онъ будетъ писать диссертацию, чѣмъ ее писать». Онъ такъ ее и не написалъ. Былъ ли Лутугинъ дѣйствительно такимъ страстнымъ ненавистникомъ русскаго правительства и всего тогдашняго режима, какимъ онъ казался во время его публичныхъ политическихъ выступленій, я не знаю. Думаю, что имъ вопреки, можетъ быть, его самымъ сокровеннымъ ощущеніямъ и мыслямъ, владѣли еще со студенческихъ временъ сначала обособленно привитыя и воспитанныя, а затѣмъ питаемая его опредѣленнымъ петербургскимъ политическимъ окруженіемъ, настроенія и навыки, взявшіе его въ прочный плѣнъ. Мы, его товарищи, друзья и во многомъ единомышленники, были спасены отъ этой политической неволи, сначала аполитичностью нашей студенческой жизни, а затѣмъ реальной работой въ прозаической хозяйственной области. Обычный тогда политическій «максимализмъ» русской лѣвой интеллигенціи не переставала тлѣть въ сознаніи Лутугина, вспыхивая яркимъ свѣтомъ «героя» тогда, когда этому способствовала обстановка.

Такъ сохранился въ моей памяти образъ этого несомнѣнно талантливаго, но лишеннаго внутренней цѣльности человѣка. Моя память сохранила о немъ только хорошее, того взаимно расположеннаго къ намъ общаго пріятеля Леонида Ивановича, интереснѣйшаго русскаго человѣка, котораго, какъ милаго гостя, встрѣчали мы въ своихъ все же во многомъ медвѣжьихъ углахъ.

Бѣдный Леонидъ Ивановичъ умеръ неожиданно и нелѣпо во время міровой войны, думаю, лѣтомъ 1916 г., въ Сибири на геологическихъ изысканіяхъ въ Кузнецкомъ Бассейнѣ. Онъ долго болѣлъ тяжелой формой дизентеріи, кончившейся рѣзкимъ ослабленіемъ умственной дѣятельности вслѣдствіе анеміи мозга, почти безуміемъ. Говорять, что передъ смертью онъ былъ очень беспокоенъ, непрерывно нервно ходя изъ угла въ уголь по комнатѣ. И странно, почти послѣдними его словами были слова о Югѣ.

ГЛАВА VII.

ОТГОЛОСКИ ПОЛИТИЧЕСКОЙ БОРЬБЫ ТОГО ВРЕМЕНИ НА РУДНИКАХЪ.

Забастовочное движеніе. Годы, предшествующіе революціи 1905 года, были ознаменованы, какъ извѣстно, большимъ забастовочнымъ движеніемъ среди рабочихъ, особенно на заводахъ Петербурга. Оно коснулось Донецкаго Бассейна. На нашемъ рудникѣ не было ни одной забастовки ни до революціи, ни во время ея. О причинѣ, весьма оригинальной въ бытовомъ отношеніи, я скажу ниже.

Я помню особенно упорную и озлобленную стачку въ 1903 или въ 1904 г. на сосѣднемъ Кадіевскомъ рудникѣ, который принадлежалъ тогда уже Днѣпровскому Металлургическому Обществу и управлялся инженеромъ Дворжанчикомъ. Рабочіе въ сущности не имѣли ни особыхъ основаній къ забастовкѣ, ни тѣмъ менѣе къ исключительной озлобленности. Ихъ настроеніе черпалось, главнымъ образомъ, въ раздражающей приподнятости политическаго момента, о которомъ они сами съ особой настойчивостью освѣдомлялись шнырявшими тогда агитаторами. Ближайшіе же мотивы для недовольства и для забастовки могли быть найдены рабочими всегда и на любомъ рудникѣ: рабочая плата, эта альфа и омега всякой забастовки, державшаяся на рудникахъ на какомъ то болѣе или менѣе одномъ уровнѣ, регулируемомъ больше долготннимъ опытомъ и практикой, чѣмъ какими либо «экономическими» соображеніями и подсчетами, всегда съ точки зрѣнія рабочаго могла и должна была быть повышена. Жилищныя условія, на которыя иногда жаловались бастующіе, почти вездѣ одинаково мало удовлетворительныя, если и не могли быть измѣнены, что отлично знали рабочіе, то всегда давали удобный поводъ для протестующаго недовольства. Къ требованіямъ политическаго момента надо было отнести новое тогда требованіе 8-часоваго рабочаго дня. Это требованіе было и въ глазахъ самихъ рабочихъ «академическимъ»; въ немъ они не были настойчивы еще и потому, что кадры главныхъ задѣльныхъ рабочихъ и рабочихъ, занятыхъ на тяжелыхъ работахъ, работали и тогда восемь часовъ и даже меньше.

Я говорилъ уже выше объ условіяхъ жизни нашихъ рабочихъ. Скажу нѣсколько словъ объ ихъ бюджетѣ: самымъ низкимъ заработкомъ неквалифицированнаго рабочаго можно было считать, какъ минимумъ, 20-25 руб. въ мѣсяцъ. Зарботки квалифицированныхъ рабочихъ, какъ забойщиковъ, проходчиковъ были много выше. Питаніе стоило рабочему очень дешево: мясо и хлѣбъ доставлялись на рудники обычно особымъ под-

рядчикомъ, связаннымъ договоромъ съ администраціей рудника; въ тѣ времена мясо доставлялось по цѣнѣ около 8 коп., а бѣлый хлѣбъ около 3-4-хъ коп. за фунтъ (чернаго хлѣба рабочіе не ѣли). При этихъ цѣнахъ мѣсячное аккордное питаніе одного несемейнаго рабочаго, производимое обычно артелью, стоило около 6 руб. въ мѣсяцъ. При даровой обстановкѣ жизни (квартира и уголь) исправный рабочій и не пьяница имѣлъ и при минимальномъ заработкѣ недурной остатокъ для удовлетворенія своихъ остальныхъ нуждъ и для отсылки «на родину». Эта сторона жизни рабочихъ въ сущности не давала тогда причинъ для недовольства; по отношенію квартиръ, повторяю, не всегда удовлетворительныхъ, наши рабочіе не были требовательны.

Особенностью Кадіевскаго рудника, гдѣ разыгралась забастовка, нѣсколько отличавшей его отъ другихъ рудниковъ района, было то, что на немъ, помимо мелкихъ раскинутыхъ шахтъ, была огромная центральная шахта, сосредоточившая массы рабочихъ въ одномъ мѣстѣ и работы и жизни. Это обстоятельство было рѣшающимъ моментомъ въ смыслѣ легкости агитации и созданія необходимаго боевого массоваго настроенія. Подогреваемая агитаціей озлобленность питалась всегда легкой и почти всегда разрушительной возбудимостью нашего русскаго скопа.

Замѣчательно то, что на Максимовскомъ рудникѣ, гдѣ многія условія быта рабочихъ были хуже, никакихъ забастовокъ не было и по существу этого «быта» и быть не могло. Нашъ рудникъ добывалъ уголь изъ шести, иногда семи небольшихъ по добычѣ шахтъ, съ малымъ количествомъ рабочихъ на каждой и довольно отдаленныхъ одна отъ другой. Вотъ эта раскинутость мелкихъ шахтъ съ 100-200 рабочими на каждой, отсутствіе связи между рабочими разныхъ шахтъ, трудность сговориться для сбора на одномъ мѣстѣ, были во многомъ рѣшающими моментами въ отсутствіи забастовокъ на нашемъ рудникѣ. Угольные рабочіе, въ большинствѣ молодые крестьяне, не порвавшіе еще связи съ деревней, склонны были учитывать участіе въ забастовкѣ, какъ «бунтъ», какъ нѣчто, хотя начальствомъ и караемое, но протестующе-разгульное. Эти моменты обычно превалировали надъ прямыми причинами забастовокъ. Предреволюціонное и революціонное время внесло въ настроеніе рабочихъ нѣчто новое — оно стало вообще повышеннымъ. Иногда мы наталкивались даже на дерзкія, раньше невозможныя выступленія. Появился какой то новый типъ агитатора попроще, для шахтера. На нѣкоторыхъ рудникахъ инженеры стали получать анонимныя угрожающія письма. Получилъ и я такое безграмотнѣйшее письмо съ угрозой меня убить, если я не прибавлю жалованья сторожамъ конторы. Авторомъ оказался сторожъ Иванъ Буцъ, молодой парень нашей деревни,

обнаруженный почеркомъ письма, который онъ даже не догадался измѣнить. При дознаніи Будъ дурачки улыбался, явно не усматривая въ письмѣ ничего особеннаго — такова была мода.

Самой непріятной стороной управленія рудникомъ, наиболѣе морально тяжелой были вообще столкновенія съ рабочими, обычно рѣдкія; особенно тяжелыми они были тогда, когда переходили въ забастовку всего рудника. Разговаривать съ возбужденной толпой всегда непріятно; сугубо непріятно и даже небезопасно разговаривать тогда, когда вы сосредотачиваете на себѣ все ея негодующее вниманіе. И чѣмъ дальше мы, инженеры Донецкаго Бассейна, отодвигались отъ старыхъ, «патріархальныхъ» временъ, тѣмъ острѣе и жестче становились эти столкновенія. Я помню, какъ въ 91-мъ году при забастовкѣ на Карповскомъ рудникѣ одно появленіе начальства въ видѣ полицейскаго пристава, умиротворяло толпу — не было надобности ни въ какой военной силѣ; умиротвореніе вносилось вовсе не однимъ чувствомъ страха — былъ на-лицо непоколебленный твердый авторитетъ власти, и надо отдать справедливость нашей уѣздной полиціи, она въ большинствѣ имѣла практически выработанное умѣніе поддерживать надлежащій тонъ власти, даже не прибѣгая къ мѣрамъ «воздѣйствія». Я говорилъ уже о своеобразномъ характерѣ забастовокъ на Макѣевскомъ рудникѣ — правда, тамъ бастовали «хохлы», сезонные рабочіе, не профессионалы.

Въ годы революціонные вся обстановка, конечно, рѣзко измѣнилась — повѣяло новымъ воздухомъ и прежній авторитетъ власти былъ если не совсѣмъ расшатанъ, то сильно поколебленъ. Въ насъ рабочіе уже начинали видѣть прямого врага. Мало того, мы сами часто тоже не были чужды какой то политической заразы, принесенной воздухомъ идущей революціи. Все это осложняло и безъ того тяжелую обстановку рудничной забастовки, и что удивительнаго, что тогдашній директоръ бастовавшаго Кадіевскаго рудника, инженеръ Дворжанчикъ, почти нервно заболѣлъ и мы, его сосѣди, должны были принять какое то активное участіе въ ликвидаціи забастовки.

Наблюдая наши рудничныя забастовки, мнѣ казалось, что въ нихъ всегда было что то иное, большее отъ видимыхъ причинъ, вызвавшихъ забастовку, — въ нихъ чудился изнутри идущій протестъ противъ неудачно сложившейся жизни, родъ неутѣшной тоски по иной жизни. Наши рабочіе, главнымъ образомъ тѣ, которые не выбились «въ люди», т. е. неквалифицированные рабочіе, каковыхъ было все таки большинство, плохо приспособлялись къ рудничной работѣ; переходъ отъ мужика къ шахтеру совершался тяжело, угнетали механичность и размѣренность подневольной работы. Рабочіе тосковали по твор-

ческому «труду» на землѣ и не могли примириться съ «работой» въ промышленномъ предпріятіи. Не даромъ не только при урожаяхъ, но и вообще лѣтомъ, рудники страдали отъ недостатка рабочихъ, часто очень острого.

Я уже говорилъ выше, что въ нашемъ районѣ, какъ впрочемъ и вездѣ въ Бассейнѣ, мы, инженеры, стоящіе во главѣ предпріятія, старались вести управление рудниками, болѣе или менѣе согласовывая методы работы и управленія. Само собою разумѣется, что во время забастовки на рудникѣ района такіа согласованія были особенно нужны — они очень помогали и морально управленію рудника, гдѣ происходила забастовка. Помню, что большое вниманіе удѣлялось нами и восьмичасовому рабочему дню — большинство считало общее его введеніе въ рудничной работѣ несвоевременнымъ, не отвѣчающимъ нашему оборудованію, во многомъ и ненужнымъ, какъ это было указано выше. Помню, что этотъ вопросъ получилъ вдругъ совершенно неожиданное практическое осуществленіе на Ирминскомъ рудникѣ нашего района, что произошло впрочемъ послѣ 1905 года, по моему, во второй половинѣ 1906-го года, передъ самыми выборами во 2-ю Государственную Думу. Смѣлая, даже по тогдашнему времени, реформа была произведена на Ирминскомъ рудникѣ по инициативѣ директора-распорядителя рудника Л. Г. Рабиновича, о которомъ я говорилъ выше. Рабиновичъ ввелъ у себя 8-часовой день послѣ долгихъ и бесплодныхъ съ нами дебатовъ — мы не могли его переубѣдить и у насъ, увы, создалось впечатлѣніе, что помимо тогдашней убѣжденности Л. Г. въ хозяйственной безопасности этой мѣры, имъ руководили агитаціонные личные мотивы по избранію въ Государственную Думу. Осуществленіе «реформы» повлекло за собой неожиданное и даже курьезное послѣдствіе: тогдашній Харьковскій губернаторъ генералъ Пѣшковъ, большой самодуръ, несклонный особенно считаться съ законностью, въ несомнѣнной связи съ введеніемъ Л. Г. самовольно и «противно общей безопасности» 8-ми часоваго рабочаго дня... посадилъ Л. Г. въ Харьковскую тюрьму, по мѣсту его, Рабиновича, жительства. Это послѣднее мѣропріятіе оказало повидимому рѣшающее вліяніе на выборы Рабиновича — онъ добился своего и прошелъ въ члены 2-й Думы отъ партіи К.-Д. Пребываніе Л. Г. въ тюрьмѣ, длившееся едва ли дольше одного-двухъ мѣсяцевъ, было обставлено впрочемъ вовсе не плохо и въ общемъ мало походило на настоящее тюремное заключеніе: его одиночная камера была хорошо обставлена его же мебелью, включая и кровать; обѣдъ ему приносила изъ дома прислуга, къ нему пускали посѣтителей чуть ли не во все время дня. Вольности тогдашней тюрьмы доходили до того, что въ тюремныхъ корридорахъ и большихъ общихъ камерахъ происходили частые митинги заключенныхъ, на недоѣдливость

которыхъ, однако, очень жаловался Рабиновичъ. Этотъ «тюремный» режимъ былъ, думаю, обычнымъ для того времени и не для одного Харькова — съ нимъ былъ безсилень бороться даже Пѣшковъ — таковы были времена.

Замѣчательно то, что введеніе 8-ми часовой работы на Ирминкѣ никакъ не отразилось на настроеніи рабочихъ не только въ Бассейнѣ, но и въ нашемъ районѣ: наши рабочіе, какъ я уже говорилъ, не придавали 8-ми часовому дню особаго значенія.

Наши политическія настроенія. Какъ протекала въ это время, предшествующее общей смутѣ, 1905-1906 годовъ, наша личная жизнь, какое мѣсто занимали мы, рудничная интеллигенція, въ разгоравшемся движеніи? Я не ошибусь, если скажу, что время около середины девятисотыхъ годовъ, очень бурное для русской общественности, время всяческихъ съѣздовъ съ противоправительственными выступленіями, прошло и на рудникахъ и въ окрестныхъ деревняхъ, даже въ нашихъ уѣздныхъ городишкахъ, на рѣдкость тихо. Забастовки рабочихъ, о которыхъ я говорилъ выше, совсѣмъ не были общимъ явленіемъ, какъ и почти нигдѣ не сопровождались рѣзкими эксцессами. Было похоже на то, что гдѣ то далеко, въ столицахъ бунтуетъ часть интеллигенціи, главнымъ образомъ, сѣверные земцы. Происходитъ тамъ же малопонятное явленіе террористическихъ актовъ, чуть ли не повальныхъ убійствъ министровъ и лицъ высшей администраціи. Казалось страннымъ, что правительство не можетъ справиться съ этими въ замыслѣ какъ будто локализованными явленіями. Но даже и эта странная сторона тогдашняго русскаго политическаго «быта», помню, тревожно не останавливала нашего вниманія. Стараясь проникнуть въ странность тогдашняго общаго для широчайшихъ русскихъ круговъ, стоящихъ далеко отъ событій, кажущагося или подлиннаго безразличія, я вижу, что оно, это наше безразличіе было не лишено отѣнка нѣкоего сочувствія вообще «борьбѣ» съ правительствомъ, называемой тогда «освободительнымъ движеніемъ». Это настроеніе сочувствія питалось у насъ, почти лишенныхъ посторонняго общества, живущихъ въ сущности одиночками, главнымъ образомъ, прессой — газетами и толстыми журналами. Всѣ болѣе или менѣе распространенные органы русской печати были тогда сплошь рѣзко оппозиціонны, даже во многомъ не исключая и тогдашнее «Новое Время», пожалуй наиболѣе распространенную газету. Помимо всеобщаго оппозиціоннаго тона печати (ни «Гражданинъ» Мещерскаго, ни «Моск. Вѣд.», ни «Русск. Вѣстникъ» въ наши края никогда не проникали) наша оппозиціонная настроенность поддерживалась споради-

ческими, случайными встрѣчами съ нашими передовыми людьми, какъ наши луганскіе земцы, какъ профессорскіе круги Харькова, передовые промышленные круги Москвы, литературные круги Петербурга — вездѣ и всюду, въ общественныхъ ли собраніяхъ, въ частныхъ кружкахъ, куда бы мы случайно ни попадали при нашихъ отъѣздахъ съ рудниковъ. Болѣе или менѣе рѣшительная, хотя бы только на словахъ, поддержка правительства была просто невозможна въ атмосферѣ возбужденія, царящаго въ кругахъ той городской интеллигенціи, съ которой мы такъ или иначе соприкасались.

Нечего грѣха таить, во многомъ помогало этой настроенности и само правительство, напримѣръ, органы нашей полиціи, особенно тогда, когда она вступала въ малопонятную для нея область политики. Явно, на глазахъ у всѣхъ, она проявляла совершенное неумѣніе бороться съ террористами, наглые покушенія которыхъ несомнѣнно возмущали тогдашніе болѣе спокойные круги, къ которымъ принадлежали и мы. Тамъ же, гдѣ это было почти всегда излишне, она проявляла усиленную дѣятельность, какъ, напримѣръ, въ слежкѣ, арестахъ, высылкахъ людей, часто только подозрѣваемыхъ въ «образѣ мыслей», какъ говорили тогда. Наша полиція могла отнести въ категорію лицъ, подозрительныхъ по «образу мыслей» людей самыхъ неожиданныхъ, лояльность которыхъ, казалось, не могла подвергаться никакому сомнѣнію. Эта легкая возможность попасть въ нежелательную и очень непріятную «исторію» ощущалась болѣе или менѣе всѣми и всѣхъ враждебно настраивала.

Я вспоминаю два случая моего соприкасанія съ «властью» — какъ разъ въ эпоху начала девятисотыхъ годовъ, т. е. тогда, когда я уже былъ болѣе или менѣе замѣтнымъ для нашего края человекомъ, директоромъ рудника. Въ концѣ девяностыхъ или въ началѣ девятисотыхъ годовъ, точно не помню, я былъ призванъ, какъ прапорщикъ запаса, къ отбыванію 6-недѣльнаго лѣтняго сбора; отбывалъ я его по своему желанію въ Севастополѣ, не помню уже, въ какомъ пѣхотномъ полку. Живя съ разрѣшенія ротнаго командира въ городѣ, я чувствовалъ себя послѣ рудника на полномъ отдыхѣ, тѣмъ болѣе потому, что военнаго ученія въ сущности никакого не было, такъ какъ въ концѣ августа ожидался царскій смотръ и войска почти исключительно обучались церемоніальному маршу — «учили генераловъ командовать», какъ говорили солдаты; бригадные и дивизионные генералы, все очень старые люди, были на рѣдкость, видимо даже для солдатскаго глаза, неумѣлыми командирами. Въ Севастополѣ оказался мой старинный пріятель еще по студенческимъ годамъ — «философъ» Поповицкій, о которомъ я упоминалъ раньше. Онъ жилъ у родныхъ въ собственномъ домѣ и мы довольно часто съ нимъ видались, больше у меня, чѣмъ у него — я не зналъ

его семьи. Правду сказать, то общее «студенческое», что было у насъ въ юные годы, почти исчезло за прошедшее десятилѣтіе. Но Поповицкій мало измѣнился въ своей жизненной поэтической «никчемности», и я не безъ грустной пріятности любилъ вспоминать, болтая съ нимъ, и наше «безумное веселіе юныхъ дней».

Помню, въ серединѣ августа, пользуясь двумя днями праздниковъ, мы рѣшили поѣхать съ нимъ на Южный берегъ, въ Алупку — и онъ и я, мы были неисправимыми любителями природы и Крыма. Ротный командиръ разрѣшилъ мнѣ уѣхать, сказавъ: «Знаете что, поѣзжайте-ка лучше въ штатскомъ, а то скажутъ, что прапорщики шляются и ничего не дѣлаютъ». Вернувшись изъ Алупки утромъ, мы пили съ Поповицкимъ у меня чай — я сидѣлъ въ штатскомъ, собираясь переодѣться въ военное. На мое несчастье въ это же самое время происходилъ полицейскій обходъ домовъ, имѣвшій цѣлью, какъ потомъ оказалось, провѣрить по случаю царскаго пріѣзда документы въ особенности у постороннихъ Севастополю лицъ. Только тотъ, кто выросъ при старомъ режимѣ, сможетъ понять, въ какой мѣрѣ мое положеніе оказалось щекотливымъ. «Кто вы такой, почему вы въ штатскомъ, гдѣ вы были, зачѣмъ туда ѣздили и кого вы видѣли въ Алупкѣ, гдѣ тамъ ночевали, почему вы выбрали Севастополь для отбыванія сбора» — настойчивая атака подозрѣній, сразу дѣлавшимися жуткими... Въ итогѣ — «я долженъ объ этомъ довести до свѣдѣнія командира полка». Необходимо пояснить, что ношеніе штатскаго платья всякимъ военнымъ было строжайше запрещено; что въ Алупкѣ мы никого не видѣли «и что ѣздили туда безъ всякой цѣли, просто погулять», что я «неизвѣстно почему» выбралъ Севастополь, а не ближайшій мнѣ Екатеринославъ или Харьковъ — все это было подозрительно съ точки зрѣнія нашей полиціи. А если прибавить, что я оказался горнымъ инженеромъ, имѣвшимъ всегда дѣло съ динамитомъ, какъ потомъ пояснялъ мнѣ свои подозрѣнія производившій провѣрку приставъ, и что онъ, приставъ, подозрѣвалъ Поповицкаго въ неблагонадежности, то станетъ яснымъ, что мое положеніе дѣйствительно оказывалось очень затруднительнымъ и что я поневолѣ начиналъ себя чувствовать въ какомъ то родѣ преступникомъ — ощущение, увы, очень извѣстное всѣмъ, такъ или иначе попадавшимъ въ руки всякой полиціи, а тогдашней русской, пожалуй, особенно.

Надо было выкручиваться. Нашимъ полкомъ командовалъ графъ Шуваловъ, по свѣдѣніямъ офицерства — строгій до бѣшенства; моя «исторія» не должна была дойти до его ушей, иначе я рисковалъ быть отданнымъ подъ военный судъ. Положеніе окончательно осложнилось, когда ротный командиръ послѣ моего разказа, категорически заявилъ, что я долженъ

понять, что разъ я «влопался», то его, ротнаго, я подводить никакъ не могу и что я долженъ забыть о томъ, что онъ, ротный, самъ посовѣтоваль мнѣ надѣть штатское — «Вы въ итогѣ выкрутитесь, а мнѣ, батенька, портить службу не резонъ», не безъ основанія говорилъ онъ. Впрочемъ, тутъ же онъ далъ мнѣ добрый совѣтъ: «Вотъ что, ступайте къ баталіонному командиру, его терпѣть не можетъ полковой, ѣсть его поѣдомъ, и онъ, баталіонный, не допуститъ, чтобы «исторія» попала къ полковому». Такъ и вышло: баталіонный, обрушившись на меня за легкомысліе и неосторожность, поѣхаль къ полицейскому приставу и все уладилъ — въ наказаніе я былъ переведенъ изъ города въ лагерь и посаженъ на недѣлю подъ домашній арестъ, т. е. я не могъ выходить изъ лагеря и у меня было отобрано оружіе. Кромѣ того, такъ какъ меня въ Севастополѣ никто не зналъ, то я, по требованію баталіоннаго командира, долженъ былъ ему доставить телеграфныя о себѣ свѣдѣнія отъ мѣстныхъ официальныхъ особъ. Только послѣ этого подозрѣніе было окончательно съ меня снято и я былъ допущенъ къ участию въ войскахъ на царскомъ смотру.

«Случай» произвелъ на меня достаточно тяжелое впечатлѣніе — я почувствовалъ себя на мигъ охваченнымъ тяжелыми щупальцами власти. Суровая серьезность, съ которой «недоразумѣніе» было воспринято офицерами — моими начальниками, въ соединеніи съ пустымъ поводомъ, его породившимъ, говорили въ сущности больше о фатальной сложной тяжести всего тогдашняго русскаго внутренняго положенія, чѣмъ о подлинной виновности отдѣльныхъ лицъ. Недаромъ полицейскій приставъ, къ которому я послѣ окончанія моей службы обратился съ негодующими упреками, говорилъ мнѣ, полувиниваясь, что Алупка у нихъ всегда считалась гнѣздомъ революціонеровъ, а обстановка моего посѣщенія Алупки на первый взглядъ должна была показаться подозрительной.

Помню я еще, въ какомъ непріятномъ положеніи я оказался по слѣдующему, еще болѣе пустому поводу. Бывшій какъ то у насъ въ гостяхъ на рудникѣ мой старый пріятель, помѣщикъ нашей же губерніи Н. Ф. Плещеевъ, увидѣвъ у меня запрещенныя сочиненія Толстого, попросилъ ихъ почитать и, взявъ съ собой, забылъ ихъ въ ожидальнѣ 1-го класса на станціи Алмазной. Я помню, съ какимъ испугомъ сообщилъ мнѣ по телефону нашъ станціонный агентъ Шипликъ, что господинъ, уѣхавшій отъ меня, забылъ запрещенныя книги, что книги эти нашель станціонный жандармъ, который собирается при соотвѣтственномъ протоколѣ отправить ихъ въ жандармское Управленіе. Что было дѣлать? Напомню, что обладаніе запрещенными заграничными изданіями могло быть приравнено политическому противоправительственному проступку, во всякомъ случаѣ могло свидѣтельствовать о «небла-

гонадежномъ образѣ мыслей», которымъ директоръ рудника, казалось, обладать не могъ. Послѣ нѣкотораго неприятнаго раздумья я вспомнилъ, что начальникомъ жандармскаго управленія въ Луганскѣ состоялъ полковникъ Норбергъ, братъ жены Плещеева. Я сказалъ Шиплику не мѣшать жандарму дѣлать его дѣло, а самъ написалъ немедленно обо всемъ Плещееву...

Не всегда были благопріятны для правительственнаго престижа и близкія встрѣчи съ высшимъ административнымъ начальствомъ, съ мѣстными губернаторами. Помню, какъ мы, представители Южной Горнопромышленности, уже отъ состава нашего Совѣта, ѣздили, повидимому въ 1906 году, къ Харьковскому губернатору, генералу Пѣшкову. Пѣшковъ, собирая періодически представителей разныхъ общественныхъ организацій и учреждений, какъ земства, промышленности, городовъ и проч., любилъ политически увѣщевать собравшихся, рекомендуя... организовывать вездѣ «Союзы русскаго народа». Несмотря на генеральство, Пѣшковъ производилъ довольно жалкое впечатлѣніе.

Долженъ впрочемъ сказать, что большинство губернаторовъ, лично мнѣ извѣстныхъ, были людьми толковыми и въ общемъ недурными администраторами, всегда умѣвшими достойно поддерживать престижъ власти, даже и въ тяжелыя времена. Таковыми были по Екатеринославской губ. военные генералы — гр. Келлеръ, о которомъ я упоминалъ выше, и извѣстный затѣмъ, какъ министръ внутреннихъ дѣлъ, князь Святополкъ-Мирскій. Я видѣлъ князя при посѣщеніи имъ завода Русско-Бельгійскаго О-ва въ концѣ 90 годовъ, когда князь былъ Екатеринославскимъ губернаторомъ. Управление завода, состоявшее почти сплошь изъ бельгійцевъ, предоставляло передъ губернаторомъ. Мнѣ пришлось быть затѣмъ еще раза два у Святополкъ-Мирскаго въ Екатеринославѣ. Несомнѣнно очень культурный и доброжелательный человекъ, князь поражалъ, даже и при мимолетныхъ рѣдкихъ встрѣчахъ, своей почти болѣзненной, внѣшне очень замѣтной, слабостью, часто задумчиво, какъ бы въ безсиліи, останавливаясь во время разговора. Въ людяхъ, близко знавшихъ князя, вызывали недоумѣніе тѣ большія ожиданія, которыя были связаны съ назначеніемъ его въ концѣ 1904 года на постъ министра внутреннихъ дѣлъ. Его краткое управление министерствомъ было, какъ извѣстно, несмотря на самыя добрыя намѣренія, очень неудачно: нелѣпо допущенная Гапоновская демонстрація рабочихъ 9-го января 1905 года, кончившаяся разстрѣломъ, и иные сумбурные акты заставили бѣднаго князя сказать, уходя: «Боже, что я надѣлалъ».

Помню я также князя Ивана Михайловича Оболенскаго, произведшаго, бывши Харьковским губернаторомъ, безызвѣстное усмирёніе «бунта» крестьянъ Харьковской и Полтавской губ. Бунтъ выразался въ грабежъ помѣщичихъ усадебъ, производимомъ согласно «царской золотой грамоты», подметнаго документа, ловко использованнаго политическими агитаторами. Рядъ деревень сообща наѣзжали на усадьбы, увозили оттуда помѣщичье «добро», главнымъ образомъ хлѣбъ, иногда поджигая усадьбы. Я не знаю, по чьему приказу усмирёніе свелось къ тѣлесному наказанію, которому публично были подвергнуты участники бунта. Я уже владѣль къ тому времени небольшимъ имѣніемъ въ Полтавской губ., хозяйства еще не велъ и въ нашей усадбѣ ровно ничего не было, почему не было у меня и никакого бунта. Сосѣдніе намъ крестьяне «бунтовали» въ окрестныхъ богатыхъ имѣніяхъ Дурново, Бабанина и др. Помню, пріѣхавъ вскорѣ послѣ событій въ имѣніе, я съ изумленіемъ узналъ, что экзекуціи былъ подвергнутъ по явному недоразумѣнію и мой сосѣдъ, крестьянинъ — собственникъ довольно большого участка земли, по фамиліи Густодымъ. На Густодыма, якобы какъ на одного изъ зачинщиковъ и агитаторовъ, донесли сосѣди, всегдашніе деревенскіе враги, особенно многочисленные у богатыхъ крестьянъ. Густодымъ не могъ доказать своей непричастности къ бунту, а власти, какъ очень часто у насъ, слишкомъ по глупому ретивыя, не пожелали подумать и несчастнаго Густодыма подвергли экзекуціи. Мнѣ передавали, что онъ, вставая, сказалъ: «Оце законъ...» — вотъ такъ законъ. Густодымъ никому не жаловался, не искалъ реабилитаціи и даже проявлялъ большую злобу къ мужикамъ-доносчикамъ, чѣмъ къ начальству.

Помню я еще, какъ харьковскія общественныя организациі, въ томъ числѣ и наши промышленники, давали прощальный обѣдъ кн. Оболенскому по случаю его перевода отъ насъ на постъ генераль-губернатора Финляндіи. Помню, какъ одинъ изъ нашихъ мелкихъ промышленниковъ-собственниковъ, безызвѣстный на югѣ С. С. Каевскій, форменный черносотенецъ, человекъ мало культурный и достаточно наглый, частый *enfant terrible* нашихъ Съѣздовъ, позволилъ себѣ выступить на этомъ обѣдѣ съ рѣчью, восхваляющей Оболенскаго за его блестящее усмирёніе крестьянскихъ бунтовъ 1902 года. Помню, какое тяжелое впечатлѣніе произвела на присутствующихъ его рѣчь, и прежде всего на самого Оболенскаго. Онъ не могъ не отвѣтить, и сдѣлалъ это съ несомнѣннымъ внѣшнимъ достоинствомъ, говоря, что жизнь народныхъ низовъ часто сопровождается уродливыми судорогами, вызывающими соответственное реагированіе власти. О нихъ, сказалъ онъ, какъ о тяжелой болѣзни, лучше не вспоминать.

Изъ губернаторовъ тѣхъ времянь помню еще С. Н. Гербе-
ля, ген. Старынкевича и Азанчевскаго, бывшаго длительно
вице-губернаторомъ при многихъ губернаторахъ, ведшаго поч-
ти самостоятельно дѣловую часть управленія губерніей, очень
дѣлового, хотя сухого человѣка, политически крайне праваго,
но строгаго законника.

Наше общественное мнѣніе и наша передовая печать, осо-
бенно въ тѣ времена, не переставали указывать на произволь,
якобы, постоянно проявляемый нашими правительственными
органами, въ частности губернаторами, на управленіе ими не
по закону, а по «усмотрѣнію». Лично, живя на рудникѣ, я
имѣлъ мало дѣловыхъ сношеній съ губернаторами, но общій
характеръ ихъ управленія мнѣ былъ хорошо извѣстенъ, благо-
даря моему знакомству съ большинствомъ тогдашнихъ нашихъ
общественныхъ дѣятелей, какъ по Харькову, такъ и по Екате-
ринославу, гдѣ я часто бывалъ. Помимо генерала Пѣшкова,
человѣка собственно мало вмѣняемаго, дѣйствительно плохо
понимавшаго слово «законность» и мало считавшагося съ за-
кономъ, впрочемъ и то больше на словахъ, чѣмъ въ дѣлахъ,
все же огражденныхъ отъ губернаторскаго произвола налажен-
нымъ аппаратомъ, всѣ остальные, извѣстные мнѣ губернаторы
были вполнѣ почтенными людьми, въ предѣлахъ закона и свое-
го разумѣнія управлявшими нашими губерніями. То же о тѣхъ
же лицахъ говорить въ своихъ воспоминаніяхъ и В. Г. Коло-
кольцовъ, бывший многолѣтнимъ и исключительно дѣятель-
нымъ предсѣдателемъ Волчанской уѣздной Земской Управы,
а одно время и предсѣдателемъ Харьковской Губернской Упра-
вы, — я о немъ говорилъ выше.

РЕВОЛЮЦІЯ ИДЕТЬ.

Я повторяю, что въ то время, т. е. въ 1903-1904 годахъ, когда въ большихъ городахъ и кое-гдѣ въ сѣверныхъ губерніяхъ уже гремѣли революціонные громы, у насъ, и на рудникахъ и въ деревняхъ, царило почти полное спокойствіе — рабочія забастовки, о которыхъ я говорилъ выше, не носили общаго характера и проходили безъ эксцессовъ и даже безъ «политики». Картина рѣзко мѣнялась для большихъ городовъ и, наѣзжая въ тѣ годы въ Харьковъ, Москву, Петербургъ, мнѣ, какъ и другимъ моимъ коллегамъ, приходилось иногда сталкиваться съ общими тогда болѣе революціонными, чѣмъ оппозиціонными настроеніями на разныхъ публичныхъ съѣздахъ и собраніяхъ. Попалъ я какъ то, будучи въ Москвѣ, не помню точно, въ которомъ году, повидимому въ концѣ 1904 или 1905 года на какое то шумное многочленное собраніе-митингъ. Помню, какъ сразу меня поразила захлебывающаяся безудержность рѣчей большинства ораторовъ съ требованіями учредительнаго собранія, всеобщей полной амнистіи, конституціи, чуть не республики. Правда, выступалъ почти исключительно, видимо соскочившій съ рельсъ обыватель, и руководители собранія видимо не могли имъ овладѣть. Помню, какъ вѣроятно въ томъ же 1904 году я присутствовалъ на собраніи нашихъ дворянъ въ Екатеринославѣ. Собраніе было созвано для выслушанія проекта адреса государю о необходимости созыва законосовѣщательнаго органа по типу Земскихъ Соборовъ — о другомъ дворяне тогда еще не мечтали. Помню, однако, растерянные лица у большинства дворянъ, среди другихъ недоуменное лицо М. В. Родзянко, тогдашняго предсѣдателя губернской земской управы, его нерѣшительную, почти испуганную рѣчь — однако, адресъ былъ единогласно принятъ.

Однимъ изъ «проявленій» тогдашняго «освободительнаго движенія» были студенческія волненія. Въ теченіе почти 6-ти лѣтъ, вплоть до конца 1906 года, регулярныхъ занятій въ высшихъ школахъ не было. Это явленіе яркаго отраженія общественныхъ настроеній на студенчествѣ, обращеніе студенческой среды въ «барометръ общества», явленіе почти неизвѣстное въ западной Европѣ, говорило, конечно, о политической незрѣлости всего нашего русскаго общества. Знаменитый Пироговъ говорилъ, что это явленіе невозможно «тамъ, гдѣ политическое стремленіе и страсти проникли глубоко черезъ всѣ слои общества» и «чѣмъ больше (политическія страсти) настаиваютъ общество врасплохъ, чѣмъ меньше оно привыкло къ переходамъ и переворотамъ, тѣмъ сильнѣе выражается

его настроеніе въ университетѣ». Уже въ бѣженствѣ я наблюдаю это же явленіе въ 1920-22 годахъ въ... Египтѣ во время обостреннаго политическаго движенія, египетской, кстати сказать, малочисленной и политически примитивной интеллигенціи — главнымъ дѣйствующимъ лицомъ движенія являлось студенчество.

Если главнымъ дѣйствующимъ лицомъ раскачивающейся революціи являлись студенты, то главнымъ оружіемъ революціи былъ индивидуальный терроръ, направленный противъ высшихъ правительственныхъ чиновъ. И конечно, наши несчастные студенты несли на себѣ первые удары сопротивленія правительства революціи: ихъ разгоняли казаками со сходокъ, арестовывали, ссылали массами. Они же давали, главнымъ образомъ, активныхъ бойцовъ террористическому центру партіи с.-р., руководившему русскимъ терроромъ изъ Швейцаріи, гдѣ въ полной безопасности пребывала «головка» центра. Изъ рядовъ студенчества вышли убійцы министровъ: Боголѣпова — Карповичъ, Сипягина — Болмашевъ и Плеве — Сазоновъ. Убійства были совершены въ 1901, 1902 и 1904 г. г. Сухой перечень тогдашнихъ политическихъ покушеній и убійствъ, руководимыхъ въ большинствѣ швейцарскимъ центромъ и совершенныхъ, главнымъ образомъ, духовно отравленной русской учащейся молодежью, даетъ такой еще не полный итогъ. Убійства: министровъ Боголѣпова, Сипягина, Плеве; вел. кн. Сергѣя Александровича; Кіевскаго губернатора ген. Клейгельса; главнаго военнаго прокурора Павлова; ген. Мина. Покушеній, т. е. случайно неудавшихся убійствъ: ген.-губ. Дубасова; министра внутр. дѣлъ Дурново; адмирала Чухнина; министра внутр. дѣлъ Столыпина; ген. Лауница. Большинство этихъ злодѣяній совершилось на протяженіи 3-4 лѣтъ. Какъ растлѣвающе должна была дѣйствовать на мирное населеніе эта массовая расправа, совершаемая въ сущности невидимымъ и неуловимымъ палачемъ надъ носителями высшей власти. И такъ великъ былъ тогда гипнозъ общей революціонной заразы, подстерегающей cadaго вездѣ и всюду, что... мысль активно не останавливалась надъ страшной сущью этихъ явленій, а жертвы расправы уходили изъ жизни, сопровождаемая неизгладимой печатью въ лучшемъ случаѣ общаго холоднаго равнодушія — таково было тогда общественное отношеніе почти ко всѣмъ убитымъ.

Я повторяю, что всѣ бурныя явленія русской жизни начала девятисотыхъ годовъ все же мало затрагивали главную толщу провинціальной жизни, въ томъ числѣ и населеніе нашихъ рудниковъ. Наиболѣе затронутыми политическими событіями оказались у насъ верхи, т. е. главнымъ образомъ, инженеры

и преимущественно тѣ изъ нихъ, которые имѣли возможность сталкиваться съ болѣе широкими общественными кругами губернскихъ городовъ и столицъ. Всѣ тѣ, которые безвыѣздно жили въ это время на мѣстѣ и воспринимали событія изъ газетъ и по чужимъ рассказамъ, оставались неизбѣжно болѣе спокойными, живя всѣми своими интересами въ работѣ рудника, шедшей безъ всякихъ перерывовъ. Персональ нашего рудника реагировалъ на событія въ порядкѣ разговоровъ того или иного оттѣнка, въ зависимости отъ темперамента лица: Образцовъ рѣзко оппозиціонно, Міоковичъ и младшіе служащіе — почти охранительно. Казицынъ — какъ всегда, со скепсисомъ, иронически, въ сущности безразлично. Докторъ Гейдеръ, по врожденной нѣмецкой склонности къ порядку и организованности, не былъ цѣликомъ на сторонѣ росшаго оппозиціоннаго движенія, могущаго при видимомъ отсутствіи организаціи, только напрасно нарушить порядокъ. Но какъ врачъ, воспитанный земской средой, онъ не былъ на сторонѣ русскаго правительства, онъ его не любилъ, и я вспоминаю, какимъ «революціонеромъ» онъ возвратился, не помню, въ которомъ году, съ Пироговскаго Съѣзда врачей — тогда онъ и на насъ, старшихъ инженеровъ, готовъ былъ смотрѣть враждебно, какъ на «эксплоататоровъ» — слугъ капитала. Впрочемъ, эти настроенія скоро и потухли, погашенныя здоровой прозой повседневной работы. Такъ же разнообразны по темпераменту и въ сущности однообразны по сути были и настроенія служащихъ другихъ рудниковъ.

Какъ же были настроены мы, инженеры, особенно стоявшіе во главѣ предприятий, имѣвшіе больше общенія съ внѣшнимъ міромъ. Говоря откровенно, мнѣ очень трудно отвѣтить на этотъ вопросъ. Политически опредѣленнаго настроенія, особенно желанія активно примкнуть къ «борцамъ освободительнаго движенія», думаю, ни у кого изъ насъ не было, особенно въ началѣ революціи, пока она еще только «раскачивалась». Мы были и достаточно реальны и далеки отъ событій, а главное, слишкомъ озабочены положеніемъ рудниковъ, гдѣ все же каждый моментъ могли наступить «событія». Но политическая возбужденность несомнѣнно была, думаю, у насъ почти у всѣхъ съ уклономъ въ сторону «оппозиціи», хотя бы только чисто интуитивной. Внѣшне наши «настроенія» выражались, конечно, индивидуально разнo: наши поляки видимо были больше озабочены возможностью промышленныхъ конфликтовъ и тактично, даже въ разговорахъ, избѣгали говорить о политикѣ. Прядкинъ, котораго я тогда еще сравнительно очень мало зналъ и видѣлъ, казалось, озабоченно отмалчивался, какъ бы прислушиваясь и ожидая событій; Мироновъ размахивалъ руками, шумѣлъ и видимо готовъ былъ ринуться въ бой. Никишинъ пожималъ недоуменно плечами и еще усилен-

нѣ занимался рудникомъ. Соколова я въ это время какъ то не помню. Рабиновичъ и я стояли въ сущности наиболѣе близко къ событіямъ — онъ жилъ все время въ Харьковѣ, а я тогда часто наѣзжалъ то въ Харьковъ, то въ Петербургъ. Въ моей памяти запечатлѣлись отчетливо нѣкоторыя событія того времени.

Въ серединѣ декабря 1904 г. мы ѣхали съ Рабиновичемъ изъ Петербурга въ Харьковъ: въ нашихъ рукахъ было газетное сообщеніе объ «Указѣ Сенату» и «Правительственное Сообщеніе» отъ 14 декабря 1904 г. Оба мы были переполнены той суматохой общественной активности, которую застали въ Петербургѣ: образованіе «Союза Союзовъ», всяческихъ союзовъ, въ томъ числѣ и «Союза Инженеровъ», надъ которымъ усиленно хлопоталъ похудѣвшій, замотанный и больше, чѣмъ обычно, революціонно взвинченный Лутугинъ. Въ Петербургскомъ воздухѣ уже гремѣли резолюціи «Земскаго Съѣзда», требующія «конституціи». Назначеніе послѣ, казалось, для всѣхъ ненавистнаго Плеве либеральнаго и намъ хорошо извѣстнаго, хотя потому и не внушающаго намъ довѣрія, Святополкъ-Мирскаго министромъ внутреннихъ дѣлъ, съ его «весной», наконецъ, «Указъ 12 декабря», находящійся у насъ въ рукахъ, говорящій о несомнѣнныхъ уступкахъ правительства — все говорило намъ, реальнымъ дѣятелямъ провинціи, о несомнѣнной жути совершающихся событій. Я отлично помню общность нашихъ съ Рабиновичемъ впечатлѣній: смутно, тревожно, утомительно отъ общей, казавшейся во многомъ излишней, политической суеты, съ трескотней аналогичныхъ резолюцій, принимаемыхъ многочисленными собраніями. Угнетали переполненные, несмотря ни на что, рестораны и несомнѣнное разливное море кутежей и пьянства, которые охватили тогда часть русскаго общества. А если къ этому прибавить зловѣщія неудачи войны и ея казавшіеся въ той атмосферѣ неумѣстными аксессуарами царскихъ проводовъ войскъ съ неизмѣннымъ благословеніемъ иконами... помню, что было отвратительно и болѣе чѣмъ тревожно на душѣ.

Помню жуткія впечатлѣнія 1905 года отъ безумно галопирующаго вихря страшныхъ событій, которыя, какъ изъ рога изобилія, сыпались на насъ извнѣ, ибо у себя на рудникахъ мы были окружены непонятнымъ парадоксомъ совершеннѣйшей тишины жизни и работы. За выступленіемъ Гапона и разстрѣломъ 9-го января слѣдовало: тяжелое пораженіе подъ Мукденомъ; уничтоженіе эскадры Рожественскаго подъ Цусимой; волна аграрныхъ беспорядковъ; бунтъ броненосца «Потемкинъ». Что удивительнаго въ томъ, что этотъ дѣйствительный вихрь потрясающихъ ударовъ, сопровождаемыхъ постоянными революціонными выступлениями нашей столичной общественности взбудоражилъ и нашу провинцію.

Осталось у меня впечатлѣніе отъ одного лѣтняго дня 1905 года, вѣроятно середины іюля или августа, проведеннаго въ Харьковѣ, гдѣ я былъ по дѣламъ. Мы обѣдали въ небольшой компаніи въ садовомъ ресторанѣ Коммерческаго клуба. Я помню въ нашей компаніи Н. Ф. Дитмара и Л. Г. Рабиновича — остальныхъ не помню. Мы говорили о только что состоявшемся приѣмѣ царемъ делегации «Земскаго Съѣзда», возглавляемой очень популярнымъ по тому времени кн. С. Н. Трубецкимъ. Я помню какъ наше впечатлѣніе отъ этого приѣма, такъ и впечатлѣніе отъ реагирования на него столичной общественности. Тамъ Трубецкого ругали за слишкомъ ласковыя слова, сказанныя царю, за то, что онъ слишкомъ уже рѣзко отгораживался отъ революціи, за то, что размякъ и вздумалъ повѣрить царю.

Помню, что наше настроеніе было инымъ: насъ непріятно и тревожно поражалъ несдержанный и казавшійся намъ легкомысленнымъ шумъ, поднимаемый въ Петербургѣ вокругъ этого приѣма верхами нашей интеллигенціи, особенно при той уже очень возбужденной общей атмосферѣ. Намъ казалось, что земцы не умѣютъ пользоваться той, пожалуй, единственной тогда въ Россіи организованностью, которую они все же имѣли, и тѣмъ представительствомъ «голоса народа», которымъ они, по мнѣнію многихъ, обладали. Нашему скептическому отношенію къ тогдашней роли земцевъ во многомъ помогало то, что въ нашемъ представленіи, вынесенномъ изъ личныхъ близкихъ наблюденій, земская среда не представлялась тѣмъ, чѣмъ она представлялась не только городской интеллигенціи Петербурга и Москвы, но частью и нашему правительству — мы не перуचितывали ея общественнаго и политическаго значенія.

Рѣчь Трубецкого намъ вовсе не казалась столь непростительно умѣренной. Во всякомъ случаѣ Трубецкой былъ для насъ гораздо приемлемѣе другихъ, уже совсѣмъ неистовыхъ земцевъ, какъ, напримѣръ, нашъ харьковецъ Н. Н. Ковалевскій, бывший также въ депутаціи и ѣздившій, какъ у насъ говорили, послѣ приѣма депутаціи въ Петергофъ съ грубымъ требованіемъ возстановленія подлинныхъ выраженій царя, якобы кевѣрно внесенныхъ въ протоколъ. Насъ поражало и казалось очень опаснымъ это «третированіе» царя, развѣнчаніе его образа чуть не на глазахъ всего народа. Насколько помню, настроеніе и всей харьковской общественности было много умѣреннѣе столичнаго — во всякомъ случаѣ не было такъ революціонно взбудоражено. Даже студенчество, этотъ тогдашній авангардъ, а во многомъ и творецъ революціи, было много умѣреннѣе.

Помню еще особенность впечатлѣнія того времени — два начала оказались вдругъ противостоящими другъ другу — царь и наша передовая общественность, какъ бы олицетворяю-

щая народъ. И вотъ, образъ царя и все его тогдашнее поведение не только не вызывали у насъ отталкиванія, но скорѣе къ нему располагали — намъ было почти жаль этого, видимо доброжелательнаго, мягкаго человѣка, можетъ быть, даже очень теряющагося передъ событіями и «новыми» людьми, человѣка инога, часто мало понятнаго намъ міра, несущаго огромную, почти жуткую отвѣтственность. Къ этому ощущенію присоединялась и та «мистика», которой не могли не быть заражены еще тогдашніе русскіе люди, мистика, которая заставляла и меня, когда я участвовалъ офицеромъ на царскомъ смотру въ Севастополь и проходилъ мимо царя, салютуя шашкой, ощущать исключительный подъемъ, такъ неподобно описанный Толстымъ въ «Войнѣ и Мирѣ».

Для того момента памятно наше общее ощущеніе, что въ томъ поведеніи нашихъ верховъ есть какая то роковая ошибка — намъ смутно казалось, что они не такъ подходили къ историчности момента и лица. Этимъ настроеніямъ помогали и встрѣчи съ нашими передовыми политическими дѣятелями, хотя бы съ тѣмъ же Н. Н. Ковалевскимъ. Подчеркнуто «лѣвый», темпераментный ненавистникъ режима и царя, упрямый и непреклонный, онъ дѣйствовалъ на насъ раздражающе. Въ общемъ у насъ создавалось настроеніе неопредѣленнаго раздраженнаго состоянія, которымъ, думаю, была больна тогда русская масса, далеко стоящая отъ политики.

Къ непосредственности этого ощущенія, какъ нѣкій трагическій фонъ, присоединилось позже извѣстіе о совершенно неожиданной кончинѣ кн. Трубецкаго, погибшаго въ сущности какъ бы нелѣпой жертвой студенческой автономіи, которую онъ же и выхлопоталъ.

Вспоминаю еще, что одинъ изъ наиболѣе активныхъ дѣятелей нашего тогда только что образованнаго на югѣ «Союза Инженеровъ», І. І. Федоровичъ, побывавъ въ то время, почти передъ самой забастовкой, въ Петербургѣ, вернулся почти излѣченнымъ отъ своей политической активности.

Образованіе «Союза инженеровъ» въ Бассейнѣ. Съѣздъ въ Харьковѣ. Я становлюсь «Кадетомъ». Я не помню, по чьей собственно инициативѣ и когда точно было основано отдѣленіе «Союза Инженеровъ» Дон. Бассейна. Думаю, что резиденція его управленія была въ нашемъ районѣ. Собираясь, начали выносить резолюціи и мы, и посылать телеграфно политическія «требованія» Витте. Кроме того, мы организовали общій Съѣздъ инженеровъ въ Харьковѣ, вѣроятно въ августъ-сентябрѣ 1905 г. Наши общія политическія выступленія этимъ и закончились — ихъ воспоминаніемъ осталась... моя копировавшая книга, куда копировалась

конторскимъ копѣистомъ наша тогдашняя корреспонденція съ правительствомъ, оставшаяся впрочемъ совершенно односторонней. Черезъ годъ, перелистывая случайно попавшуюся на глаза книгу, я не безъ изумленія и даже страха остановился на общемъ характерѣ нашихъ требованій, во многомъ тождественныхъ съ политическимъ трафаретомъ тогда уже минувшихъ дней.

А вотъ какъ происходилъ политическій съѣздъ инженеровъ и представителей промышленности, созданный нами въ Харьковѣ осенью 1905 года. Съѣздъ рѣшилъ предъявить правительству политическія требованія отъ лица южной промышленности; текстуально я ихъ не помню. Предсѣдателемъ Съѣзда былъ тогда значительно старшій отъ насъ, извѣстный горный инженеръ Н. С. Авдаковъ. Онъ же предсѣдательствовалъ на созванномъ политическомъ собраніи. Авдаковъ, котораго считали «правымъ», былъ скорѣе политически индифферентенъ. По своей же промышленно-общественной дѣятельности онъ стоялъ очень близко къ опредѣленнымъ правительственнымъ кругамъ; житейски онъ былъ крайне остороженъ и въ общественныхъ дѣлахъ обладалъ не малою долей лукавства. Авдаковъ не особенно возражалъ нашему единодушному и горячему натиску, но изложилъ наши «требованія»... вѣрноподданнической телеграммой, за которую получилъ Высочайшую благодарность. Узнали мы объ этомъ много времени спустя, когда страсти улеглись и буря умчалась. Хорошо зная Авдакова, мы встрѣтили это завершеніе нашего общеполитическаго выступленія благодушнымъ смѣхомъ.

Я скажу ниже о томъ, какъ проходили у насъ въ Луганскѣ выборы въ I-ую Государственную Думу. Я былъ тамъ избранъ выборщикомъ отъ партіи К.-Д. Какъ я сдѣлался членомъ этой партіи? Я не помню, какимъ путемъ осуществилось мое вхожденіе въ партію и былъ ли я официально въ ней зарегистрированъ. Вѣроятно былъ, но только въ ея провинціальномъ отдѣлѣ. Съ ея столичными, даже губернскими кругами, насколько помню, я никогда не сталкивался. Вообще моя политическая активная дѣятельность въ сущности закончилась указаннымъ избраніемъ меня выборщикомъ.

Почему я остановился именно на этой партіи? Причинъ этому, какъ внѣшнихъ, такъ и внутреннихъ, было нѣсколько: другихъ политическихъ партій въ нашихъ мѣстахъ тогда въ сущности не было — я не помню у насъ ни одного октябриста, а о такихъ партіяхъ, какъ партіи «мирнаго обновленія» и «демократическихъ реформъ», никто у насъ даже не слышалъ. Не помню, были ли у насъ правыя партіи — онѣ во всякомъ случаѣ не привлекали моего вниманія, какъ не привлекали и лѣвыя, начиная съ такъ называемой «трудовой партіи», програм-

но мало определенной, во всякомъ случаѣ рѣзко оппозиціонной и социалистической. Пожалуй, я испытывалъ лично на себѣ и тогда, и всегда позже, отсутствіе настоящей партіи «центра», къ которому въ сущности я долженъ былъ бы принадлежать. Этой партіи не было, думаю, и не могло еще быть въ русской интеллигентской средѣ того времени, ни программно, ни особенно въ смыслъ наличія соотвѣтственнаго человѣческаго матеріала. Начиная съ 3-ей Думы, «октябристы» отчасти заполнили этотъ пробѣлъ, но только отчасти — партія была все же слишкомъ дворянской, слишкомъ землевладѣльческой, неся въ себѣ и всѣ соотвѣтствующія недостатки. «Правыя» партіи, особенно въ то время, были слишкомъ ультра-монархическими — къ нимъ могли примыкать люди рѣзко охранительнаго образа мыслей, не желающіе вовсе считаться съ все же происшедшимъ сдвигомъ, съ тѣмъ, что такъ или иначе, а уже было сдѣлано.

Была ли мною цѣликомъ принята программа кадетской партіи? По существу, конечно, нѣтъ — уже одно всеобщее избирательное право было для меня, хорошо знающаго русское крестьянство, совершенно непріемлемо. Но, странное дѣло, — вопросъ о политическихъ программахъ партій занималъ тогда, пожалуй, минимумъ вниманія со стороны лицъ, примыкающихъ къ партіи. Это зависѣло не только отъ политической безграмотности огромнаго большинства нашей всяческой интеллигенціи, — я не исключаю вовсе и себя, но и отъ самихъ программъ. По компетентному свидѣтельству современника, чело-вѣка политически грамотнаго, программы нашихъ политическихъ партій имѣли «чрезмѣрно доктринерскій характеръ своихъ основныхъ положеній»... Это «ничто иное, какъ краткіе конспекты конституціоннаго права съ присоединеніемъ ряда законовъ по экономическимъ, по земельнымъ и социальнымъ вопросамъ. Содержаніе этихъ конспектовъ не имѣетъ никакой видимой связи съ вопіющими нуждами русскаго народа и государства». (Слонимскій, В. Е. XII, 1906 г.). Эта характеристика, вѣрная и для самой «умной» партіи, какъ кадетская, говоритъ сама за себя. Практическая никчемность программъ дѣлала ихъ въ сущности ненужными, особенно въ средѣ промышленной и торговой провинціи, гдѣ люди были много практичнѣе столичнаго интеллигента, создателя программъ. Программы не учитывались всерьезъ, какъ сейчасъ явно неисполнимы, годныя развѣ для отдаленнаго будущаго. Наконецъ, программы большинства приемлемыхъ, скажемъ, для меня, политическихъ партій отъ кадетовъ до октябристовъ, мало чѣмъ отличались одна отъ другой. Въ сущности, въ вопросѣ окончательнаго избранія партіи очень важнымъ факторомъ для меня, какъ думаю, и для огромнаго большинства тогдашняго «политическаго дѣятеля», оказались личныя отношенія и связи —

Радаковъ, Васильевъ, Рабинович и я, во многомъ ихъ единомышленникъ — стали «кадетами».

«Политически» мнѣ не повезло — я остро заболѣлъ, приѣхавъ на выборы въ Екатеринославъ, и не могъ быть ни на одномъ собраніи выборщиковъ. Судьба избавила меня отъ тяжкаго испытанія присутствовать при первой встрѣчѣ русскаго правительства съ русскимъ парламентомъ, когда первое явилось съ смѣхотворными законами о ремонтѣ прачешныхъ, а второй отвѣтилъ тяжелой артиллеріей не только кадетской платформы, но и кадетской партійной тактики — требованіемъ всеобщей амнистии, отвѣтственнымъ министерствомъ, всеобщимъ избирательнымъ правомъ — программа со всей ея чрезмѣрной отвлеченностью и доктринерствомъ побѣдила. Первая Дума закончила апофеозомъ политически безцѣльнаго «Выборгскаго воззванія».

Я излѣчился отъ тяги къ политикѣ, какъ позднѣе, пройдя черезъ вторую Думу, излѣчился отъ нея и Л. Г. Рабиновичъ.

Рудничная жизнь въ 1905 году. Я говорилъ выше, что этотъ годъ прошелъ на рудникахъ нашего района совершенно спокойно — не было рабочихъ волнений, почти не было и забастовокъ. Въ общемъ это вѣрно; но нѣкоторыми характерными событіями это время все же было отмѣчено. Весной 1905 года забастовалъ сосѣдній Голубовскій рудникъ — забастовка длится уже три недѣли, приѣхали «новые люди», собираютъ рабочихъ на митинги и говорятъ зажигательныя политическія рѣчи. Рабочіе взбудоражены, но насилій нѣтъ, полиція не вмѣшивается. Во главѣ Голубовскаго рудника, какъ я уже говорилъ, директоръ — французъ, номинальный; рудникомъ управляетъ горный инженеръ П. А. Никишинъ.

Администрація рудника и бастующіе рабочіе рѣшаютъ обратиться къ третейскому суду. Мы, сосѣди, приглашаемся судьями, рабочіе выбираютъ «чужеземныхъ» гостей-агитаторовъ. Судбище происходитъ въ большой рудничной школѣ, сплошь, до отказа набитой рабочими. Выступаютъ агитаторы, выступаемъ и мы. Зрѣлище новое, рѣчи новыя, смѣлыя, не всегда справедливыя и сдержанныя, но рабочіе спокойны. Судъ выноситъ рѣшеніе, забастовка кончена. Попытка устроить забастовку была и на нашемъ Максимовскомъ рудникѣ. Главнымъ агитаторомъ оказался нашъ рудничный ташельщикъ Чумичевъ — молодой человекъ лѣтъ 20, сынъ нашего же полицейскаго стражника, захваченный «движеніемъ» до одури. Наши рабочіе не были склонны бастовать. Я призвалъ Чумичева и предложилъ ему немедленно оставить рудникъ подъ угрозой иначе отдать его въ руки полиціи. Чумичевъ ушелъ и я о немъ ничего не слышалъ вплоть до... 1927 года, когда я получилъ предложеніе отъ одного «виднаго» коммуниста возвратиться

для работы въ Россію. Предложеніе мнѣ было передано знакомымъ инженеромъ, работающимъ въ СССР. Виднымъ коммунистомъ оказался... Чумичевъ. Я встрѣчалъ его статьи о Дон. Бассейнѣ въ повременной совѣтской печати.

Вспоминаю еще эпизоды изъ жизни Максимовскаго рудника той же эпохи. Лѣтомъ 1905 г., бывъ въ Крыму въ отпуску, я встрѣтилъ извѣстнаго оппозиціоннаго писателя Богоразы-Тана, собиравшагося ѣхать въ Дон. Бас. По его просьбѣ я разрѣшилъ ему (какъ директоръ рудника) прочесть на нашемъ рудникѣ лекцію рабочимъ, насколько помню, о движеніи крестьянъ на Волгѣ и объ организаціи тамъ крестьянскаго союза. Возможность такого необыкновеннаго, при обычномъ теченіи жизни, «эпизода» была исполнѣ въ духѣ тогдашнихъ, во многомъ не лишенныхъ опредѣленнаго легкомыслія, настроеній. Возвратившись на рудникъ, я узналъ, что лекція состоялась, но что нашъ рудничный полицейскій урядникъ составилъ по этому поводу протоколъ и собирается отпратить его исправнику; это уже могло грозить ненужными осложненіями. Просмотрѣвъ протоколъ, начинавшійся такъ: «Директоръ рудника А. И. Фенинъ прислали изъ Крыма г. Тана для прочтенія рабочимъ Максимовскаго рудника лекціи о крестьянскихъ волненіяхъ на Волгѣ», я съ изумленіемъ увидѣлъ, что урядникъ ровно ничего не пишетъ о содержаніи лекціи, которую онъ очевидно не понималъ, а, можетъ быть, и не слышалъ; весь протоколъ былъ наполненъ сумбурными и почти не имѣющими никакого отношенія къ лекціи доносами на студента-практиканта нашего рудника, котораго почему то лично ненавидѣлъ урядникъ; студентъ повидимому что то говорилъ послѣ лекціи Тана. Когда я съ недоумѣніемъ спросилъ урядника, былъ ли онъ на лекціи и кто его туда приглашалъ, онъ мнѣ отвѣтилъ, что инженеръ А. А. Нарановичъ (мой помощникъ) ему «даже запретили ходить на лекцію, но я, извините, по долгу службы пошелъ, но переодѣтымъ, и сидѣлъ... за шкафомъ»... Рабочіе поняли лекцію Тана, конечно, еще меньше урядника. Наши рабочіе, какъ и крестьяне-мужики очень плохо понимали «умственность», особенно если она излагалась длинно. Даже къ театральнымъ представленіямъ они относились больше чѣмъ своеобразно. Въ нашей школѣ устраивались иногда спектакли; изъ служащихъ района составлялась недурная любительская труппа. Помню, ставили какую то драму, въ которой было мало забавнаго, еще меньше смѣшнаго. Рабочіе, заполнившіе весь залъ, были все время очень весело настроены, смѣясь, пожалуй, больше всего въ самыхъ патетическихкихъ мѣстахъ. Они считали, какъ неоднократно изъ разспросовъ выяснилось, что въ театрѣ люди ходятъ только для забавы, и что, конечно, никому не можетъ прійти въ голову въ театрѣ не развлекаться, тѣмъ болѣе плакать. Кромѣ того,

ужь очень забавно смотрѣть, какъ Василій Ивановичъ Кравцовъ (штейгеръ одной изъ шахтъ), съ которымъ вѣдь не случилось никакого несчастья, становится на колѣни, бьетъ себя кулаками въ грудь и плачетъ — очевидно онъ это дѣлаетъ «такъ, для забавы, для смѣха».

Вообще «раскачать» тогдашняго рабочаго до опредѣленнаго подъема настроенія можно было скорѣе всего митинговымъ хлесткимъ выступленіемъ съ крикливыми короткими фразами, когда дѣйствовалъ больше не смыслъ излагаемаго, а словесный напоръ оратора.

Во время всеобщей забастовки рудники, отрѣзанные отъ Харькова, были лишены денегъ. Нашъ районъ организовалъ поѣздку въ Харьковъ своими средствами, т. е. своимъ паровозомъ съ прицѣпленными къ нему тремя приспособленными товарными вагонами. Ъхали управляющіе рудниками въ сопровожденіи десятка рабочихъ, взятыхъ какъ стража. Служебный персоналъ поѣзда, какъ и разрѣшеніе проѣзда, мы получили ввиду важной цѣли поѣздки отъ мѣстнаго жел.-дор. комитета. Выѣхавъ утромъ со станціи Алмазной, мы около обѣда подѣхали къ ст. Дебальцево — самой большой узловой станціи района. Пассажирскія помѣщенія станціи безъ буфета и почти безъ мебели были сплошь заняты массой людей, вооруженныхъ самымъ фантастическимъ образомъ — самодѣльными пики, охотничьи ружья, даже косы придавали толпѣ видъ какого то пугачевского сборища — шель митингъ, послѣ котораго «вооруженный народъ» долженъ былъ ѣхать на станцію Горловку, гдѣ, по слухамъ, шло сраженіе рабочихъ съ солдатами. Къ нашему изумленію, среди толпы расхаживалъ въ полной парадной формѣ жандармскій унтеръ-офицеръ станціи, но «для порядка», какъ онъ, смѣясь, говорилъ, безъ оружія. Наше появленіе не вызвало также ничьего вниманія. Въ Дебальцевѣ мы должны были простоять часа три, пока не окончились митинги — машинистъ и кондуктора не могли оторваться отъ ораторовъ: они въ первый разъ въ жизни присутствовали на митингѣ.

Я точно не помню обстановку, которую мы встрѣтили въ Харьковѣ. Не было во всякомъ случаѣ ни народнаго волненія, ни шумныхъ выступленій, ничего не было слышно о насиліяхъ. Жизнь шла почти нормально, магазины и банки были открыты, мы безпрепятственно получили деньги. Помню, что на улицахъ было больше обычного простого, празднично-шатающагося народа, кое-гдѣ собирались небольшія кучки и слушали «ораторовъ». Трамвай какъ будто бы не ходили и, кажется, совсѣмъ не было на улицахъ полиціи. Но отлично помню, что все было спокойно, скорѣе даже похоже на праздникъ.

Въ сущности тотъ же характеръ общаго спокойнаго настроенія мы наблюдали и по дорогѣ, ѣхавъ въ Харьковъ. Начальники станцій были особо торжественны — въ нихъ чувствовалось сознание «хозяевъ» забастовки. Пассажировъ на станціяхъ не было, иногда попадались группы крестьянъ, особенно молодежи, одѣтой по праздничному, «лускающихъ» на перронѣ станціи сѣмечки и съ лѣнливымъ любопытствомъ глазѣвшихъ на невиданное тогда явленіе подходящаго, хотя и не совсѣмъ обыкновеннаго поѣзда. Помню еще появленіе въ нашемъ вагонѣ какого то мужичка, попросившаго его подвезти. Человѣкъ неопредѣленныхъ лѣтъ, ѣхавшій почти безъ поклажи, онъ производилъ престранное впечатлѣніе. Говоря не то прибаутками, не то загадками, онъ имѣлъ видъ узнаваемаго какую то важную тайну. Его разговоръ поражалъ отсутствіемъ ясной мысли и оторванностью отъ повседневнаго интереса. Нервная свихнутость пассажира бросалась въ глаза и наши провожатые-рабочіе, все люди спокойные и солидные — такихъ выбрали для охраны — разсматривали не безъ подозрительнаго недоумѣнія новаго пассажира. Это былъ несомнѣнный продуктъ революціи, заглянувшей въ какой либо дотолѣ богоспасаемый медвѣжій уголъ русской деревни. Я встрѣчалъ такихъ среди крестьянъ, особенно во вторую революцію.

Изъ Харькова, нагруженные очень большими деньгами, мы выѣзжали вечеромъ въ томъ же поѣздѣ, принявъ еще какихъ то постороннихъ пассажировъ, нѣсколькихъ крестьянъ, застрявшихъ въ Харьковѣ; среди нихъ въ нашемъ вагонѣ оказалась толстая, пожилая баба, видимо торговка — бойкій политиканъ въ юбкѣ, немедленно вступившая съ нашими рабочими въ оживленный разговоръ. Она рассказывала, что ей говорили «какіе то» на станціи, что нужно, чтобы у насъ «было такъ, якъ у Хранціи, шобъ не было царя». Она не понимала и не одобряла такого порядка, возмущалась и требовала поддержки. Тогдашнимъ лозунгомъ было, какъ извѣстно, «не трогать царя» — рабочіе ее успокаивали. Мы заснули подъ этотъ разговоръ и проснулись на другой день утромъ подъ реплику той же бабы, отвѣчавшей кому то изъ рабочихъ: «та хйба-жь я за панівъ, та я любому пану глотку перерву» — общее пониманіе было повидимому вполне установлено. Какъ хорошо, думали мы, что слово «панъ» имѣло (тогда еще) узкое толкованіе помѣщика, сидящаго на землѣ, — мы были инженеры-директоры (какъ насъ называли рабочіе), принадлежали къ еще нужной породѣ людей.

Еще одно воспоминаніе: эпизодъ, могущій имѣть печальныя послѣдствія для моей семьи: май-іюнь 1905 г., я и жена провожаемъ чудесной лунной ночью семью доктора отъ насъ къ больницѣ. Идемъ пѣшкомъ небольшою компаніей въ пять душъ; мужчинъ двое — нашъ бухгалтеръ и я. Моя жена

идеть медленно, съ трудомъ — она на послѣднемъ мѣсяцѣ беременности. Проходимъ мимо рабочей казармы, около которой стоитъ группа рабочихъ. Пройдя съ сотню шаговъ, замѣчаемъ, что отъ казармы отдѣлились два человѣка, идутъ за нами съ ругательствами, мимо насъ пролетѣли камни... Мы попросили дамъ идти возможно скорѣе, а сами, замедля шагъ, идемъ сзади. Рабочіе, бросивъ еще нѣсколько камней, отстали, можетъ быть, обезпокоенные тѣмъ, что мы не спасались бѣгствомъ. На другой день, совершая обычный утренній объѣздъ рудника, я зашелъ въ казарму, рассказалъ бывшимъ тамъ рабочимъ о вчерашнемъ случаѣ, упомянувъ и о подробностяхъ обстановки, и машинально спросилъ, не знаютъ ли они, кто были ночные хулиганы. Я менѣе всего рассчитывалъ на признаніе и вдругъ, послѣ нѣкотораго молчанія, одинъ изъ рабочихъ, сдѣлавъ два шага ко мнѣ, бухнулся на колѣни, прося прощенія и говоря, что онъ былъ выпивши и не зналъ, кто шелъ. Рабочій былъ лично мнѣ примелькавшійся, давно работавшій на рудникѣ шахтеръ, человѣкъ смиренный, но склонный, какъ и огромное большинство, сильно выпить. У меня осталось впечатлѣніе, что онъ говорилъ неправду, онъ узналъ, кто шелъ, иначе хулиганство не имѣло смысла. Винный угаръ выявлялъ скрытую ненависть и свирѣпую зависть къ человѣку иного, лучшаго состоянія, эту альфу и омегу всякой революціи, а кто, какъ не я олицетворялъ на рудникѣ «иной міръ». Отрезвление принесло вѣроятно и раскаяніе, такъ какъ рабочій по типу вовсе не принадлежалъ къ разряду хулигановъ. Я не наложилъ на него никакого взысканія — онъ самъ былъ видимо слишкомъ потрясенъ случившимся.

Я скажу нѣсколько словъ о томъ, какъ революціонное движеніе 1905-6 г.г. отразилось въ нашей провинціи, въ городѣ Луганскѣ; мнѣ пришлось его наблюдать, бывая тамъ на предвыборныхъ собранія въ Государственную Думу. Главнымъ выраженіемъ движенія были митинги и предвыборныя собранія. Митинговыя рѣчи довольно примитивныхъ ораторовъ-агитаторовъ, преподносимыя невзыскательной публикѣ, были хлестки и грубы. На митингахъ, которыхъ впрочемъ въ нашихъ мѣстахъ было мало, выступали пріѣзжіе, чужіе ораторы. Интереснѣе были предвыборныя собранія, на которыхъ подвизались «свои». Если исключить крайнихъ «лѣвыхъ», социалистовъ типа Михайличенки (членъ 1-й Думы отъ нашего уѣзда — «трудовикъ») и другихъ, бывшихъ рабочихъ, имѣвшихъ свою политическую исторію, побывавшихъ часто и въ тюрьмахъ и въ ссылкѣ, натасканныхъ на митинговыхъ выступленіяхъ и усвоившихъ себѣ скучный, но трескучій, какъ барабанъ, трафаретъ

основъ соціалистической русской «политграмоты», то въ остальныхъ выступленіяхъ обывателя, даже «кадета», чувствовался немалый сумбуръ, очень много отъ политически взвинченного легкомыслія, порожденнаго общей повальной тогда заразой «освободительнаго движенія». Я мало помню тонъ предвыборныхъ собраній Луганска. Думаю, что и они въ какой то упрощенной и болѣе грубой формѣ повторяли митинговые собранія большихъ городовъ. Были тѣ же «революціонныя» рѣчи, произносимыя мѣстными обывателями; эти выступления являлись въ сущности безотвѣтственнымъ пустоцвѣтомъ, постороннимъ придаткомъ къ сути личной жизни и личной дѣятельности этихъ «политическихъ дѣятелей». Всѣми овладѣла тогда Хлестаковская «легкость мысли необыкновенная». Въ нѣсколько иномъ положеніи оказались люди, непосредственно связанные съ земскою дѣятельностью, гораздо болѣе политически обязывающей, какъ по общественно-соціальной ея сути, такъ и по ея заманчивой общественной близости къ народу. Тамъ, гдѣ выборный составъ земства былъ либераленъ и гдѣ «третій элементъ» лѣво-активенъ — тамъ шла сознательная и планомѣрная работа пропаганды въ низахъ, тамъ связь съ «движеніемъ» была непосредственной. Эти положенія создавали для лицъ, стоявшихъ во главѣ земствъ, типа Радакова — умѣренно-либеральныхъ и по натурѣ практически-здравыхъ, позиціи мучительныхъ, драматическихъ коллизій, отъ которыхъ не безъ доли извѣстнаго политическаго лицемѣрія избавили себя мы, инженеры Дон. Бассейна, дѣятели въ области частно-хозяйственныхъ интересовъ.

Какъ я уже упоминалъ, мы отдали извѣстную дань общими настроеніямъ. Мы настойчиво сохраняли, однако, неприкосновенной отъ всякой «политики» самую сферу нашей дѣятельности — намъ не приходило, конечно, въ голову использовать своихъ рабочихъ для поддержки «движенія», что являлось тогда однимъ изъ лѣвыхъ лозунговъ. Въ отношеніи своихъ «дѣлъ» мы заняли позиціи Тургеневскаго Соломина изъ романа «Новь», сходство съ которымъ этимъ, правда, и кончалось, — агитируй сколько угодно, но моей фабрики не тронь. Въ концѣ концовъ развѣ не такую же позицію заняло въ сущности и большинство нашей либеральной интеллигенціи. Я помню, какъ одинъ изъ такихъ либеральствующихъ ново-испеченныхъ «политическихъ дѣятелей», человекъ богатый и съ положеніемъ, живущій въ Петербургѣ, открылъ свою роскошную квартиру для политическихъ собраній, и въ какой ужасъ онъ пришелъ, когда одинъ изъ участниковъ собранія, какъ онъ рассказывалъ потомъ, невѣдомый ему лохматый соціалистъ-армянинъ, притащилъ къ нему кучу разнаго оружія для нуждъ вооруженнаго возстанія... квартира была немедленно хозяиномъ закрыта и политическія собранія ликвидированы.

Конечно, политически наиболее грамотными оказались тогда, главным образом, земцы-либералы, вообще «кадеты»; нужно впрочем сказать, что земцы-нелибералы, будущие правые и даже октябристы, в предвыборном движении тогда как будто совсѣмъ не участвовали — я по крайней мѣрѣ ни разу не слышалъ ихъ рѣчей — онѣ явились бы, правду сказать, слишкомъ большимъ диссонансомъ въ единообразіи тогдашняго оппозиціоннаго вихря. Даже рѣчи многихъ нашихъ «кадетъ», людей болѣе сдержанныхъ, могли показаться разношерстной толпѣ нашихъ политиковъ, хозяину тогдашняго политическаго разгула, чуть не охранительными. Поэтому, напримеръ, наши земцы, Радаковъ и его сотрудники, въ своихъ рѣчахъ ограничивались чаще только изложеніемъ и толкованіемъ платформы своей партіи.

На одномъ собраніи, предназначенномъ для избранныхъ «выборщиковъ» въ Государственную Думу, состоявшемся подъ предсѣдательствомъ В. Н. Радакова, я былъ избранъ однимъ изъ, насколько помню, семи выборщиковъ отъ Славяносербскаго уѣзда. Я не помню точно содержанія моего выступленія; помню, что моя рѣчь была построена, главнымъ образомъ, на необходимости имѣть въ Государственной Думѣ представителя отъ угольной промышленности уѣзда. Я ѣздилъ въ Екатеринославъ на собраніе выборщиковъ отъ всей губерніи, но, какъ я уже говорилъ выше, на собраніе не попалъ, остро заболѣвъ, и въ Думу, вѣроятно къ моему благополучію, избранъ не былъ.

Вспоминаю я также одно, если не характерное, то не лишнее оригинальности предвыборное собраніе, бывшее въ Луганскѣ. Одинъ изъ нашихъ крупныхъ горнопромышленниковъ, владѣлецъ большого, имъ созданнаго (Селезневскаго) рудника въ Славяносербскомъ уѣздѣ, инж. К. Л. Мсциховскій*), увлекся идеей быть избраннымъ въ Государственную Думу отъ своего уѣзда. Это былъ оригинальный человѣкъ, культурный, какъ большинство поляковъ, но какъ то мало понимавшій Россію и то, что тогда въ ней происходило, несмотря на то, что и образованіе онъ получилъ въ Петербургѣ, въ Институтѣ Путей Сообщенія, и что жилъ и служилъ все время въ Россіи.

Мсциховскій былъ человѣкомъ своеобразно широкимъ, много дѣлавшимъ для «своихъ» крестьянъ (дер. Селезневки). Онъ цѣнилъ и почиталъ Россію, какъ огромное, сильное государство, какъ носительницу большой монархической идеи, и не безъ гордости считалъ себя русскимъ дворяниномъ. Онъ считалъ политическое движеніе той эпохи несущественнымъ, идущимъ отъ незначительной кучки смутьяновъ и не затрагивающимъ глубинъ русскаго народа. Такъ же неважнымъ, ненужнымъ для тогдашней Россіи считалъ онъ и наличіе поли-

*) Объ этомъ интересномъ человѣкѣ я буду подробнѣе говорить въ своемъ мѣстѣ, во 2-й части воспоминаній.

тических партій, почему не примкнулъ ни къ одной изъ нихъ. Онъ наивно вѣрилъ, что его выборы въ Государственную Думу обезпечены тѣмъ, что онъ являлся крупнымъ промышленнымъ дѣятелемъ промышленнаго уѣзда, не чуждымъ и широкой общественно-благотворительной дѣятельности. Онъ былъ увѣренъ въ государственности своихъ политическихъ взглядовъ.

Мсциховскій былъ жестоко разочарованъ: его рѣчь, произнесенная на устроенномъ имъ собраніи, своеобразно охранительная и даже національная, но сказанная съ характернымъ для него польскимъ акцентомъ, уже въ своей вступительной части рѣзко дисгармонировавшая съ общимъ тогдашнимъ настроеніемъ, не понравилась разношерстной аудиторіи. А когда, подъ конецъ, восхваляя русскаго мужика, онъ въ не совсѣмъ осторожныхъ выраженіяхъ коснулся способности этого мужика, несмотря ни на что, увеличивать население, аудиторія не выдержала — присутствуя на собраніи, я помню, какъ какой то по виду рабочій прервалъ первымъ рѣчь Мсциховскаго истерическими выкриками: «не смѣй касаться русскаго народа»..., сопровождая выкрики рядомъ крупныхъ ругательствъ.

Собраніе было сорвано, и бѣдный Мсциховскій уѣхалъ домой оскорбленнымъ и разочарованнымъ въ лучшихъ своихъ чувствахъ.

Такъ политически «бурлила» наша захолустная провинція, не отдавая себѣ яснаго отчета въ истинномъ существѣ происходящихъ въ Россіи событій.

Выборгъ лѣтомъ 1906 года. Мнѣ не удалось попасть въ Думу, но пришлось наблюдать въ Выборгѣ ея конецъ лѣтомъ 1906 года.

Это лѣто моя семья рѣшила провести въ Финляндіи — она жила въ Выборгѣ, куда на мѣсяцъ приѣхалъ и я, попавъ неожиданно ко времени Выборгскаго засѣданія распушенной первой Думы.

Моя память сохранила урывки слѣдующихъ впечатлѣній: узнавъ о роспускѣ Думы и о приѣздѣ большинства членовъ на засѣданіе въ Выборгъ, я съ утра дня роспуска пошелъ разыскивать знакомыхъ думцевъ. Первымъ я увидѣлъ харьковскаго депутата проф. Н. А. Гредескула, который и сообщилъ мнѣ вкратцѣ о событій. Позже, уже около гостиницы Бельведеръ, повидимому передъ самымъ засѣданіемъ, я нашелъ моихъ Луганскихъ пріятелей-думцевъ — В. Н. Радакова и С. М. Рыжкова, завѣдывавшаго школой паровозостроительнаго завода Луганска, избраннаго отъ партіи «трудовиковъ». Я помню, что мы, стоя, разговаривали около входа въ Бельведеръ, а, можетъ быть, и около входа въ самый залъ Бельведера, такъ какъ я видѣлъ внутренность зала, разсаживающихся депутатовъ и издали импозантную фигуру Муромцева. Мимо насъ

безпрерывно проходили депутаты, иногда останавливаясь около Радакова и Рыжкова.

Помню, что наш разговоръ былъ сосредоточенъ на мотивахъ такъ названнаго потомъ «Выборгскаго воззванія», принятіе и подписаніе котораго членами Думы должно было тогда состояться на Выборгскомъ засѣданіи.

Я не понималъ практической цѣли воззванія, такъ какъ отлично сознавалъ, что призывъ къ неплатежу налоговъ и къ отказу отъ отбыванія воинской повинности повиснетъ въ воздухъ и никакого отклика въ населеніи не найдетъ; единственнымъ результатомъ воззванія будутъ, говорилъ я, неизбежныя репрессіи противъ членовъ Думы, его подписавшихъ.

Я помню, что и Радаковъ и Рыжковъ были видимо смущены, Радаковъ какъ будто даже подавленъ происходящимъ — я его близко зналъ и зналъ, что онъ не могъ не раздѣлять всецѣло моихъ опасеній; его, какъ думаю, и Рыжкова захватила неизбежность участія въ коллективномъ политическомъ актѣ, существу котораго они не сочувствовали. Во всякомъ случаѣ, я совершенно не помню ихъ мнѣ возраженій, но ясно помню, что подошедшій къ намъ мнѣ незнакомый депутатъ, молодой человекъ, по виду рабочій, вмѣшался въ разговоръ и горячо реагировалъ на мои слова, сказавъ, что если они этого не сдѣлаютъ, то «народъ ихъ разорветъ». Мнѣ сказали, что это былъ депутатъ Олимпко, рабочій или крестьянинъ, трудовикъ. Онъ былъ разстрѣлянъ, кажется, въ 1918 г. большевиками, совершенно не знаю, при какой обстановкѣ.

Такъ закончилась первая Дума, Дума «народнаго гнѣва», какъ ее называли. Только значительно позже, послѣ роспуска и 2-й Думы и когда мы жили уже въ Харьковѣ, въ наступавшемъ медленно общемъ успокоеніи я смогъ болѣе отчетливо разобраться въ жуткихъ событіяхъ, частично прошедшихъ и передъ моими глазами. Отзвучала первая русская революція, прошла, какъ психозъ и болѣзнь, вызвавъ своимъ концомъ, думаю, всеобщій вздохъ облегченія.

Заканчивая I-ую часть моихъ воспоминаній періодомъ революціи, я хочу сказать о судьбѣ В. Н. Радакова, этого въ какой то мѣрѣ выразителя тогдашней либерально-дворянской земской Россіи, пусть и въ очень провинціальномъ ея аспектѣ. Лишенный нѣкоторыхъ правъ, какъ подписавшій Выборгское воззваніе, Радаковъ не могъ больше служить по земскимъ выборамъ. Оставивъ мѣсто Предсѣдателя Славяносербской Земской Управы, онъ не искалъ никакого занятія и, человекъ совершенно обеспеченный, жилъ въ совершенной, правда, внѣшне очень красивой праздности; онъ являлъ видъ человека, духовно удовлетвореннаго въ нужденной невозможностью за-

ниматься любимымъ общественнымъ дѣломъ — это былъ родъ какого то пассивнаго политическаго протеста. Сначала Радаковъ провель нѣсколько лѣтъ въ путешествіи за границей; затѣмъ, женившись послѣ смерти своей первой жены на племянницѣ Полтавскаго помѣщика Лизогуба, очень красивой и интересной женщиной, онъ жилъ все время, насколько я помню, вплоть до второй революціи на южномъ берегу Крыма, построивъ около Алупки прелестную виллу. Мы были какъ то у него съ женой, думаю, около 1912-13 года — Радаковъ заполнялъ свое время чтеніемъ — у него была хорошая бібліотека, прогулками и... очень изящнымъ ухаживаніемъ за Анной Ильиничной, своей женой, и двумя прелестными дѣтьми — онъ былъ совершенно счастливъ.

Его не тянуло ни къ какой иной жизни, ни къ какому «дѣлу». Напомню, что какъ разъ въ то время Россія пережила огромный подъемъ всеобщей творческой хозяйственной дѣятельности. Милый Викторъ Николаевичъ даже не подозрѣвалъ о наличіи этого подъема.

Вспомнивъ Радакова, я не могу не вспомнить Колокольцова, земскаго дѣятеля иного типа, о которомъ я говорилъ выше, отдавъ дань своего восхищенія его изумительной творческой энергіи. Но вотъ его дальнѣйшая судьба. Онъ не былъ въ Думѣ, его дѣятельность земскаго работника не была прервана вплоть до второй революціи, до вынужденнаго его отрыва отъ кипучей работы и такого же вынужденнаго отъѣзда изъ Россіи въ потемки эмиграціи. Подъ конецъ жизни онъ оказался въ Парижѣ въ роли... ночного сторожа на какомъ то заводѣ. Я не знаю, какъ онъ жилъ и кто былъ въ послѣдній годъ около него, уже 65-лѣтняго старика. Знаю, что начавъ болѣть и видимо опасаясь потерять и эту работу, Колокольцовъ, смертельно усталый и больной, кончилъ жизнь самоубійствомъ, открывъ газъ. Можно ли себѣ представить болѣе трагическое несоотвѣтствіе жизни и смерти.

Мои воспоминанія о знаменательномъ періодѣ исторіи Россіи, отраженномъ въ жизни близкихъ мнѣ людей, заканчиваются какъ бы нѣкоторымъ осужденіемъ памяти очень близкаго мнѣ и дѣйствительно прекраснаго человѣка, В. Н. Радакова. Но, увы, правда, то, что онъ жилъ долгіе послѣдніе годы въ праздности, что онъ активно не интересовался иной дѣятельностью, помимо той, которой жилъ раньше, и отъ нея оторванный, ничего больше не дѣлалъ, можетъ быть, ничего не умѣлъ дѣлать. Все его пониманіе долга передъ жизнью и передъ Россіей отграничивалось только однимъ — служеніемъ земской идеѣ, во многомъ въ ея политическомъ повышенномъ аспектѣ.

Посвятить себя наслѣдственному труду на своей землѣ, тѣмъ, если не прямо, то косвенно улучшая жизнь и быть своихъ сосѣдей-крестьянъ, наконецъ, работать надъ улучшеніемъ хозяйства въ своемъ имѣніи, исполняя тѣмъ неотложную культурную русскую задачу, онъ не хотѣлъ — эта отрасль труда его не интересовала. И это несмотря на огромныя къ тому матеріальныя возможности: Радаковъ, помимо большого участка наслѣдственной земли, ничего ему, ввиду примитивности хозяйства, не приносившей, получалъ огромную для него плату за нѣдра своей земли (уголь), сданныя въ долгосрочную аренду Алексѣевскому Горнопромышленному Обществу. Не слѣдуетъ, однако, думать, что Радаковъ былъ исключеніемъ: я думаю, что въ тогдашней помѣщичьей дворянской средѣ на его мѣстѣ такъ же поступили бы многіе богатые дворяне.

«Мы лѣнны и не любопытны», сказалъ о насъ еще Пушкинъ. Но и со времени Пушкина мы не научились учитывать жизнь, какъ «тяжелый трудъ», какъ «исполненіе долга» — для насъ жизнь еще во многомъ была «наслажденіемъ», въ лучшемъ случаѣ наслажденіемъ отъ служенія красивой идеѣ...*).

Вотъ, думаю, это уклоненіе отъ постояннаго творческаго труда, несущаго уже въ творческомъ созиданіи почти всегда благо людей, это неумѣніе осуществить прямою долгу человѣка на землѣ понималъ Пушкинъ, какъ «лѣность».

А развѣ не отсутствіе у насъ — у русскаго человѣка — того высшаго горячаго «любопытства», которое должно было бы всегда озарять человѣческую жизнь жаждой знанія и жаждой правильной оцѣнки явленій, — развѣ не отсутствіе у насъ такого любопытства позволило трагически... забыть Колокольцова?

Какъ въ послѣднихъ годахъ жизни Радакова, такъ и въ жуткомъ концѣ Колокольцова отразился послѣдній трагическій аккордъ жизни самой Россіи.

ПРИМѢЧАНІЕ. Заканчивая эту по замыслу первую часть моихъ воспоминаній, я чувствую себя обязаннымъ нѣкоторымъ, передъ уважаемымъ читателемъ, объясненіемъ.

Вторая часть воспоминаній, охватывающая періодъ отъ 1907 г. до эмиграціи изъ Россіи, почти закончена писаніемъ.

*) „Жизнь не шутка и не забава; жизнь даже не наслажденіе... жизнь — тяжелый трудъ... не исполненіе любимыхъ мыслей и мечтаній, какъ бы онѣ возвышенны ни были, — исполненіе долга, вотъ о чемъ слѣдуетъ заботиться человѣку“. Тургеневъ — „Фаустъ“.

Выпускъ же ея въ свѣтъ остается по причинамъ матеріальнымъ подѣ сомнѣніемъ. Такимъ образомъ, мои воспоминанія могутъ фактически закончиться предлагаемой книгой, совершенно замыкающей опредѣленный періодъ моей жизни. Въ силу этихъ причинъ я и позволилъ себѣ не именовать предлагаемую книгу «первой частью» моихъ воспоминаній.

К О Н Е Ц Ъ .

П Р И Л О Ж Е Н І Е .

КРАТКІЙ ОБЗОРЪ ХОЗЯЙСТВЕННОГО СОСТОЯНІЯ РОССІИ КОНЦА XIX-ГО И НАЧАЛА XX-ГО ВѢКА. РЕФОРМЫ АЛЕКСАНДРА III.

Волею судьбы я окончилъ техн. высш. уч. заведеніе, ставъ горнымъ инженеромъ. Къ этому роду труда меня не влекли ни склонность, ни наслѣдственныя традиціи — только случай, сказавшійся въ волѣ моего отца «опредѣлить» меня, 18-лѣтняго мальчика, въ Горный Институтъ, сдѣлалъ меня инженеромъ. Слѣдствіемъ этой случайности я всю свою жизнь проработалъ въ русской горной промышленности. Такъ же слагалась судьба и почти всѣхъ моихъ коллегъ.

Совершенно естественно, что я хочу сопроводить мои воспоминанія нѣкоторыми, хотя бы суммарными данными, о томъ положеніи, какое занимала въ хозяйственной жизни Россіи южная тяжелая промышленность, гдѣ мы работали, и какъ она развивалась.

Я работалъ на углѣ, но близко наблюдалъ какъ промышленность желѣза, такъ и работу жел.-дорожного транспорта — иначе говоря, мнѣ были близки главныя основы, база всей промышленной жизни Россіи. Чтобы правильно оцѣнить значеніе для тогдашней Россіи тяжелой промышленности и связаннаго съ ней жел.-дорожного транспорта и нашу въ этой области работу, необходимо, хотя бы въ самыхъ бѣглыхъ чертахъ, ознакомиться съ общимъ состояніемъ хозяйства Россіи въ концѣ XIX и началѣ XX вѣка. Начну съ условій, данныхъ природой и созданныхъ исторіей.

Природныя условія. Горныя богатства — уголь и желѣзо. При взглядѣ на карту, прежде всего поражаетъ огромное пространство Россіи съ массой суши и съ мало годной для утилизациі морской береговой линіей, съ почти полнымъ отсутствіемъ на всемъ ея пространствѣ естественныхъ границъ. Россію трудно защищать и Россію трудно экономически выгодно обслужить. Въ смыслѣ характера рельефа и Россія и Сибирь представляютъ скорѣе огромное однообразіе равнины въ противоположность «мозаичности» рельефа

Западн. Европы. Почвенныя и климатическія условія Россіи — постепенный и ровный переходъ отъ сѣвера къ югу на огромномъ протяженіи 4-5 тысячъ верстъ. Скучность почвы сѣвера и центра смѣняется богатствомъ почвы на югѣ; эта смѣна попадаетъ въ неблагоприятныя климатическія условія, подвергая богатыя почвы юга вліянію «сухихъ неурожаевъ» (засушливость), съ которыми гораздо труднѣе бороться, чѣмъ съ мокрыми неурожаями Западной Европы.

Необъятность русскихъ пространствъ представляетъ уже сама по себѣ огромный тормазъ для развитія удобнаго внутренняго оборота, для преуспѣянія роста производительныхъ силъ страны; дальность морей, почти полное отсутствіе океаническаго выхода, главнаго фактора міровой торговли, затрудняютъ внѣшнія сношенія Россіи. Нѣкоторыя неблагоприятныя особенности почвъ и климата усугубляются бѣдностью и невыгоднымъ расположеніемъ главныхъ горныхъ богатствъ — кам. угля и желѣзныхъ рудъ, этихъ главнѣйшихъ факторовъ хозяйственнаго развитія страны. По территории и населенію Евр. Россіи запасы угля и желѣзныхъ рудъ скорѣе незначительны и во всякомъ случаѣ невыгодно расположены географически. Вотъ краткій очеркъ этихъ запасовъ для Европейской Россіи.

Изъ трехъ угольныхъ бассейновъ — Подмосковнаго, Уральскаго и Донецкаго, коксовый уголь, необходимый для желѣзной плавки, находится только въ Донецкомъ Бассейнѣ. Подмосковный Бассейнъ, несмотря на выгоду географическаго положенія (близость Москвы), имѣетъ ничтожное промышленное значеніе изъ-за очень плохого качества углей. Уральскій Бассейнъ имѣетъ угли нѣсколько лучшіе, но при отсутствіи коксоваго угля и при крайнемъ его расположеніи въ Евр. Россіи, онъ также не имѣетъ значенія для общепромышленнаго развитія страны. Оба эти бассейна кромѣ того бѣдны количествомъ пластовъ и имѣютъ малый запасъ угля.

Европейская Россія имѣетъ въ сущности одинъ угольный бассейнъ общерусскаго значенія — Донецкій. Онъ занимаетъ огромную территорию въ Екатеринославской и Харьковской губ. и въ Области Войска Донскаго, равную около 25.000 кв. верстъ, и обладаетъ разнообразными, въ большинствѣ очень хорошаго качества углями. Однако, и этотъ единственный бассейнъ не лишентъ нѣкоторыхъ существенныхъ недостатковъ: пластовъ угля мало и они тонки (30-40 пластовъ общей мощностью 25-28 метровъ); толщина же всѣхъ каменноугольныхъ отложений равна около 10.000 метровъ. Въ смыслѣ малаго содержанія угля въ толщѣ угольныхъ породъ, Донецкій Бассейнъ въ десять разъ бѣднѣе нѣмецкаго бассейна Рура, въ три раза бѣднѣе Силезскаго и въ четыре раза бѣднѣе нашего Кузнецкаго Сибирскаго бассейна. Это его свойство влечетъ

за собой сравнительную дороговизну затрат на капитальные сооружения, превышающія эти затраты, напр., для Рурскаго бассейна въ $2\frac{1}{2}$ раза. Такая большая разница зависитъ еще и отъ того, что, благодаря малой населенности южной Россіи, рудники Донецкаго Бассейна должны были строить жилья помѣщенія для всѣхъ рабочихъ, также оплачивать нѣдра, принадлежавшія владѣльцамъ поверхности, — оба эти условія отсутствуютъ въ Германіи. Большіе запасы угля въ Донецкомъ Бассейнѣ, обязанные только его огромной территоріи, равные около 57.000 млрд. тоннъ, состоятъ почти на три четверти изъ, правда, отличныхъ, но антрацитовыхъ и вообще некоксовыхъ углей. Запасъ коксовыхъ углей сравнительно малъ. Наконецъ, Донецкій Бассейнъ расположенъ географически невыгодно, далеко отъ промышленнаго и культурнаго центра Россіи (отъ Москвы около 700-800 в., отъ Петербурга 1100-1200 в.) и очень далеко (около 1500 в.) отъ главныхъ мѣсторожденій желѣзныхъ рудъ — Урала.

Европейская Россія обладаетъ въ сущности также только тремя желѣзородными бассейнами: Уральскимъ съ большимъ запасомъ превосходныхъ разнообразныхъ жел. рудъ; благодаря отсутствію на Уралѣ коксовыхъ углей, старинная русская желѣзная промышленность Урала была основана и всегда шла на древесномъ углѣ. Дальность Донецкаго Бассейна не позволяетъ Уралу пользоваться донецкимъ коксомъ — поэтому уральская желѣзная промышленность не могла успешно развиваться и въ болѣе позднія времена; до войны она давала не болѣе 20% всей русской выплавки чугуна. Я ничего не говорю здѣсь о запасахъ угля и желѣза въ Сибири, такъ какъ они не играли почти никакой роли въ общепромышленномъ развитіи старой Россіи. Поэтому же я ничего не говорю о возможности плавки уральскихъ рудъ на коксѣ Сибирскаго Кузнецкаго Бассейна.

Криворожскій желѣзородный бассейнъ, расположенный въ Херсонской губ., питаетъ рудой самую мощную металлургическую промышленность Россіи — южную. Онъ обладаетъ большимъ запасомъ отличныхъ желѣзныхъ рудъ (гематитъ — красный желѣзнякъ). Только наличие Криворожской руды въ небольшомъ разстояніи (около 400 в.) могло обезпечить быстрый и мощный ростъ металлургіи Дон. Бас.

Огромное мѣсторожденіе бураго желѣзняка находится также на югѣ, въ южной части Керченскаго полуострова; несмотря на легкость и дешевизну добычи, эта руда имѣетъ сравнительно ограниченное примѣненіе въ южной металлургіи благодаря наличію въ рудѣ очень вредной примѣси мышьяка.

Этими тремя главными мѣсторожденіями въ сущности исчерпываются запасы промышленной желѣзной руды въ Евро-

пейской Россіи — мѣстороженіе центральной Россіи, несмотря на большой исчисляемый въ немъ запасъ низкопроцентнаго бурого желѣзняка, не имѣетъ промышленнаго значенія, такъ какъ оно ограничивается небольшимъ по толщинѣ и непостояннымъ пластомъ, залегающимъ на огромной площади земли.

Все вышесказанное говорить скорѣе о хозяйственно-неблагопріятныхъ условіяхъ Европейской Россіи.

Историческія условія и экономическія задачи современности — желѣзнодорожная колонизація и индустриализація Россіи. Я могу лишь вкратцѣ коснуться общихъ историческихъ причинъ слабости хозяйственнаго роста Россіи, ея экономической общеизвѣстной отсталости. Начиная съ XIX вѣка, т. е. съ періода, когда главныя страны Европы вступили на путь интенсивнаго развитія, мы не догоняли, а экономически отставали отъ Западной Европы. Главными тормазами развитія нашего экономического роста были: малонаселенность Европейской Россіи при огромномъ ея пространствѣ, бездорожье, слабое развитіе городовъ и слишкомъ надолго затянувшееся тяжелое крѣпостное право — промышленность не могла успѣшно развиваться при несвободномъ трудѣ. Наши немногочисленные и слабонаселенные города служили, главнымъ образомъ, административными центрами — они не были средоточіемъ ремесленной промышленности, какъ то было на западѣ. Зачатки русской промышленности были сосредоточены больше въ деревнѣ, съ ея натуральнымъ замкнутымъ хозяйствомъ. Интенсивное развитіе городовъ Западной Европы сыграло колоссальную роль въ ея хозяйственномъ ростѣ; ея населеніе съ отдаленныхъ историческихъ эпохъ представляло элементъ хозяйственно отличный отъ жителя русскаго государства. Темпъ жизни Западной Европы былъ хозяйственно болѣе активенъ, населеніе болѣе предпримчиво и культурно — это былъ превосходный матеріаль для широкаго и быстраго развитія процесса индустриализаціи. Различіе въ отношеніи къ «хозяйственному моменту» сказалось очень быстро, тотчасъ же, какъ только для болѣе интенсивнаго хозяйственнаго роста представились новыя благопріятныя обстоятельства: использование изобрѣтенія паровой машины и возможности плавки желѣзныхъ рудъ на коксѣ потребовало соответственной культурной среды, оказавшейся на западѣ и отсутствовавшей въ тогдашней Россіи. «Городской воздухъ даетъ свободу», говорили въ средніе вѣка — «въ Россіи не вѣялъ воздухъ промышленнаго города». «Россія не знала той стройной и законченной организаціи мелкихъ промышленниковъ, на почвѣ которой возникла вся цивилизація и культура запада» (Туганъ-Барановскій).

Слабость границъ, трудность обороны огромной территории, почти не имѣющей естественной защиты, дѣлали изъ Россіи скорѣе военное государство — Витте говоритъ въ своихъ воспоминаніяхъ: «Россійская Имперія въ сущности была военная имперія; ничѣмъ инымъ она особенно не выдвигалась въ глазахъ иностранцевъ». Можно ли удивляться, что въ связи съ этимъ кореннымъ отличіемъ историческихъ условий развитія, «въ Россіи была необычайная сила и устойчивость принудительнаго труда» (Т.-Барановскій). Крѣпостное право не только тѣснѣйшимъ образомъ вошло въ хозяйство и бытъ старой Россіи, но оно приняло характеръ подлиннаго рабства, отравившаго на безконечно долгіе годы всю русскую жизнь. Можно сказать, что мы до сихъ поръ недооцниваемъ всю губительность этого непомѣрно тяжелаго фактора нашей исторіи, фактически лишь недавно уничтоженнаго.

Для завершенія краткой характеристики того положенія, въ которомъ росло русское государство и образовывался обликъ русскаго народа, главнымъ образомъ, крестьянства, необходимо упомянуть еще объ одномъ очень типичномъ для Россіи явленіи — о стихійной тягѣ къ переселенію на новыя земли, къ постоянной внутренней колонизаціи — «Россія, по выраженію проф. Ключевскаго, страна непрерывной колонизаціи». «Уже съ конца XVI вѣка ея населеніе, ступившись на территоріи Московской Руси, начинаетъ понемногу сползать къ юго-востоку и востоку и разсѣиваться въ безбрежныхъ степяхъ черноземной полосы» (Огановскій). Со второй половины XIX ст. начинается заселеніе сѣв. Кавказа, Сибири и Степного Края. Эта тяга къ переселенію, заложенная въ тѣхъ общихъ условіяхъ, въ которыхъ складывалось русское государство, объясняется важнымъ факторомъ — способностью къ быстрому росту населенія и «аграрной перенаселенности» русской деревни. Хозяйственная жизнь крестьянства слагалась такъ: неудовлетворительный характеръ землепользованія (крѣпостное право и община) имѣли слѣдствіемъ примитивность хозяйства; оно было до послѣдняго времени исключительно зерновымъ — это было натуральное, почти нерыночное экстенсивное хозяйство съ плохимъ использованіемъ земли. Примитивности хозяйства способствовала и крайняя сжатость рынка, лежавшая въ слабомъ развитіи городовъ, промышленности и въ бездорожьи. Слѣдствіемъ было явленіе, всегда наблюдаемое въ Россіи, но особенно остро развившееся въ концѣ XIX столѣтія, — «аграрное перенаселеніе». Населеніе деревни, вообще очень быстро растущее, росло гораздо быстрѣе населенія городовъ — такъ, за послѣднія 40 лѣтъ XIX ст. населеніе городовъ увеличилось на 8,2 мил. душъ, а населеніе деревни на 34,6 мил.; приростъ деревенскаго населенія поглощался въ XIX ст. городомъ и

промышленностью только въ 10% и 90% оставалось въ деревнѣ. Бездорожіе, выразившееся и въ послѣднее время въ крайне маломъ протяженіи русской жел.-дорожной сѣти, очень суживало возможности переселенія — получалось тяжелое экономически и крайне опасное политически явленіе избыточности деревенскаго населенія, котораго земля при ея экстенсивной и примитивной обработкѣ не могла прокормить. Проф. Огановскій говоритъ, что «такого явленія не было нигдѣ въ странахъ Зап. Европы и Америки; что то явленіе и породило аграрное перенаселеніе и аграрный кризисъ въ Россіи, разразившійся съ такой силой, какъ нигдѣ въ мірѣ».

Таково было въ главныхъ чертахъ хозяйственное положеніе Россіи даже къ концу XIX ст.: очень слабо развитая промышленность; болѣе чѣмъ недостаточная сѣть желѣзныхъ дорогъ; примитивность сельскаго хозяйства и угрожающая перенаселенность деревни.

Что представлялось правильнымъ выходомъ изъ столь тяжелаго хозяйственнаго положенія страны, выразившимся въ итогѣ въ томъ, что производительныя силы народа были на столь низкой ступени, что по народному доходу Россія занимала послѣднее мѣсто въ числѣ странъ Зап. Европы. Необходимо было народу дать возможность продуктивно работать, не забывая о томъ, что нашъ крестьянинъ находился на низкой ступени хозяйственнаго развитія и что по его навыкамъ земледѣліе являлось его главнымъ занятіемъ. Необходимо было разрѣдить перенаселенность занятыхъ мѣстъ, т. е. открыть для культуры новыя земли, иначе говоря, организовать широкую колонизацію Россіи, ея дальнѣйшее освоеніе, бывшее всегда исторической задачей русскаго народа. Со второй половины XIX ст., благодаря новымъ условіямъ жизни, успѣшность этой колонизаціи стояла въ прямой зависимости отъ рыночности земли, т. е. отъ ея обслуженности искусственными путями. Въ итогѣ это была задача огромнаго желѣзнодорожнаго строительства, являвшагося «осью экономическаго развитія Россіи еще на долгіе годы», какъ говорилъ проф. Гриневецкій.

Столь же важнымъ для развитія народнаго хозяйства Россіи былъ и вопросъ строительства мощной промышленности, главнымъ образомъ, тяжелой, промышленности угля и желѣза, этого основнаго элемента индустриализаціи страны. Надо было дать населенію возможность производить дорогіе продукты и примѣнять квалифицированный, болѣе продуктивный сравнительно съ земледѣліемъ трудъ. Главный инициаторъ и создатель желѣзно-дорожнаго и промышленнаго, исключительнаго по размѣрамъ, строительства конца XIX вѣка С. Ю. Витте, писалъ въ своихъ воспоминаніяхъ (Т. I, стр. 451): «Чтобы

создать источникъ примѣненія труда, было болѣе нежели желательнo развить нашу промышленность. Эту идею началъ мудро и со свойственной его характеру твердостью проводить императоръ Александръ III. Я всячески старался развить нашу промышленность. Этому требовали не только интересы народные, взятые въ частности, но и высшій государственный интересъ». Онъ же въ 1898 году писалъ Государю (стр. 468, т. I): «Ваше Величество имѣетъ 130 милліоновъ подданныхъ; изъ нихъ едва ли болѣе половины живутъ, а остальные прозябаютъ. Нашъ бюджетъ до освобожденія крестьянъ былъ равенъ 350 мил. рублей; освобожденіе дало возможность довести его до 1400 мил. руб. Но уже теперь тяжесть обложенія даетъ себя чувствовать. Между тѣмъ, бюджетъ Франціи при 38 мил. жителей составляетъ 1260 мил. руб.; бюджетъ Австріи при народонаселеніи въ 43 мил. составляетъ 1100 мил. руб. Если бы благосостояніе нашихъ плательщиковъ было равносильно благосостоянію плательщиковъ Франціи, то нашъ бюджетъ могъ бы достигнуть 4200 мил. руб.»

Само собою разумѣется, что сильно развитая промышленность отвлечетъ большія количества рабочихъ рукъ изъ деревни и тѣмъ будетъ способствовать разрѣженію «аграрной перенаселенности». Двѣ задачи — желѣзно-дорожная колонизація и индустриализація Россіи тѣсно соприкасались. Напомню, что существовавшая къ концу XIX столѣтія тяжелая промышленность Россіи была мизерна: въ 1890 г. было добыто угля въ Дон. Бассейнѣ 183 мил. пуд. (3 мил. тоннъ), что составляло около 85% всей добычи Россіи; чугуна было выплавлено 59 мил. пуд. (около 1 мил. тоннъ), изъ которыхъ на югѣ Россіи выплавлено всего 13 мил. пуд., т. е. тогда еще, по старинному, наибольшее количество русскаго чугуна получалось отъ плавки уральскихъ рудъ на древесномъ углѣ. Югъ Россіи имѣлъ едва ли не только 4 тогда небольшихъ металлургическихъ завода: Юзовскій, Брянскій (въ Екатеринославѣ), Каменской и заводъ Пастухова, работавшій на антрацитѣ.

Чтобы дать понятіе о томъ, какъ мы отставали отъ Зап. Европы, укажу, что производство чугуна въ Германіи и Россіи, почти одинаковое для 1860 г. (30 и 20 мил. пуд.), выростаеъ въ Германіи въ 1892 г. до 300 мил. пуд., превышая русскую выплавку этого года въ 5 разъ (63 мил. пуд.).

Осуществленіе строительства въ цифрахъ. Экономическія начинанія Александра III: финансы; протекціонная таможенная система; реформа жел.-дор. хозяйства; постройка Сибирскаго пути; винная монополія. И такъ, хозяйственное положеніе Россіи 90-хъ годовъ почти стихійно требовало

мощнаго желѣзно-дорожнаго и промышленнаго, въ области добычи угля и желѣза, строительства. Нѣтъ надобности говорить, что единственнымъ мѣстомъ въ Европейской Россіи для насажденія этой промышленности былъ Донецкій Бассейнъ. Также точно само собой подсказывалось, что наиболѣе выгоднымъ было соорудить желѣзныя дороги изъ рельсъ отечественнаго производства. Предприниматели, преимущественно иностранцы, привлекаемые Витте, о чемъ я болѣе подробно скажу ниже, обеспеченные долготѣнными заказами отъ казны на поставку жел.-дор. рельсъ, строили металлургическіе заводы съ рельсопрокатными отдѣленіями и связанные съ ними угольные рудники и коксовые печи; масштабъ строительства былъ такъ великъ, что, начиная, главнымъ образомъ, съ 1895 года, за 5-7 лѣтъ на югѣ Россіи было построено 8-10 металлургическихъ заводовъ, обладавшихъ 30-40 большими доменными печами. Производительность всей Россіи въ выплавкѣ чугуна по годамъ была за это время такова: въ 1890 г. — 55 мил. пуд., въ 1895 г. — 86,3 мил. пуд. и въ 1900 г. — 176,8 мил. пуд. Для юга Россіи эти цифры соответственно равны: 13 мил. пуд., 33 и 91 мил. пуд. Иначе говоря, «царская пятилѣтка» 1895-1900 г. дала приростъ для юга, равный 170%, что составляетъ 35% увеличенія на годъ — такого прироста не давали ни въ одной отрасли совѣтскія пресловутыя пятилѣтки. Добыча угля за десятилѣтіе равная для годовъ: 1890 г. — 367 и для 1900 г. — 986 мил. пуд., даетъ ростъ въ 172%, т. е. по 17% въ годъ. Знаменательно то, что число рабочихъ росло медленнѣе прироста продукціи. Такъ, особенно въ металлургической промышленности при среднемъ годовомъ ростѣ продукціи (за 10 лѣтъ) въ 20%, число рабочихъ выросло ежегодно лишь на 7% — это ясно говоритъ о здоровомъ ростѣ промышленности, сопровождаемомъ ростомъ производительности труда. Какъ извѣстно, развитіе совѣтской промышленности даетъ совершенно иную картину.

Интересны данныя, касающіяся затраты капиталовъ для промышленнаго строительства того времени. Принято думать, что все оно выросло исключительно на иностранномъ капиталѣ. Это не такъ и объ этомъ косвенно говоритъ ростъ капиталовъ русскихъ банковъ, выросшихъ съ 119 мил. 1895 г. до 280 мил. 1900 г. Указать, однако, точные размѣры вложенія русскихъ капиталовъ въ промышленное строительство того времени трудно. Участіе иностраннаго капитала въ промышленности измѣрялось на 1900 г. цифрой 778 мил. руб., вложенныхъ въ акціонерныя предприятия по всѣмъ отраслямъ промышленности. Надо считать, что около 40% всѣхъ промышленныхъ предприятий Россіи возникло въ періодъ этого десятилѣтія

(1890-1900 г. г.). Основной капиталъ всѣхъ акціонерныхъ предпріятій (старыхъ и вновь учрежденныхъ) возросъ за этотъ 10-лѣтній періодъ на 1,5 млрд. руб., а за предыдущіе 38 лѣтъ (1854-1892) г. г.) всего на 919 мил. руб.

Желѣзно-дорожное строительство того времени, совершенно исключительное по размѣрамъ, — наша сѣтъ почти удвоилась, — производилось не только за счетъ казны, но и частными обществами. Вся сумма затратъ казны на это строительство равнялась 1,7 млрд. руб., изъ которыхъ только 495 мил. покрыто займами; остальные суммы пополнялись внутренне-государственными запасами. Частное строительство можетъ быть оцѣнено въ суммѣ около 1,3 млрд. руб., покрытыхъ какъ заграничными займами, такъ и вовлеченіемъ внутреннихъ капиталовъ. Эксплуатационная сѣтъ желѣзныхъ дорогъ вмѣстѣ съ Азіатскими выросла съ 29,1 тысячъ верстъ (1893) до 52,7 тыс. верстъ (1902), т. е. увеличилась почти на 25 тыс. верстъ, изъ коихъ половина падаетъ на частное строительство. Аналогично росъ, конечно, и подвижной составъ желѣзныхъ дорогъ. Я привожу весь этотъ цифровой матеріалъ для того, чтобы освѣтить внутреннюю суть и хозяйственную мощь подъема этого замѣчательнаго періода.

Все это небывалое, исключительно большое даже для европейскаго масштаба промышленное и желѣзнодорожное строительство, совершенное въ послѣдніе годы царствованія Александра III и въ первые годы царствованія Николая II, было прямымъ результатомъ огромной подготовительной работы во всѣхъ областяхъ государственнаго хозяйства, выполненной въ царствованіе Александра III, время политическаго «затишья», столь характернаго для этого царствованія.

Въ области экономической царствованіе Александра III характеризуется прежде всего большими заботами по оздоровленію государственныхъ финансовъ. Россія была всегда классической страной бумажныхъ денегъ, — «билетовъ съ принудительнымъ курсомъ»; благодаря ничѣмъ не регулируемымъ ихъ выпускамъ, «финансовой политикѣ случайности», курсъ русскаго рубля былъ всегда колеблющимся, падая иногда чуть не до половины стоимости, что влекло за собой неизбежную неустойчивость внутреннихъ цѣнъ и частыя удорожанія жизни. Министры финансовъ Александра III, Бунге и Вышнеградскій, начали принимать настойчивыя мѣры къ упорядоченію курса и къ подготовкѣ введенія золотого обращенія. Для осуществленія этой реформы «они накапливали при помощи внѣшнихъ займовъ запасъ золота, складывая его въ подвалахъ Государственнаго Банка». Эта разумная политика

позволила Витте приступить въ началѣ царствованія Николая II къ осуществленію реформы денежнаго обращенія, обеспеченнаго золотомъ. Реформа, какъ извѣстно, была блестяще проведена.

Второй важной реформой была подготовка и введеніе при Александрѣ III новаго таможеннаго покровительственнаго тарифа 1891 года, составленнаго нашимъ знаменитымъ ученымъ Д. И. Менделѣевымъ. Введеніе этой рѣзко протекціонной таможенной системы, встрѣченное нашей тогдашней общественностью недоброжелательно, сыграло огромную положительную роль въ успѣшности нашего дальнѣйшаго хозяйственнаго развитія. Нужно сказать, что вся наша таможенная политика, начиная съ конца первой половины 18 столѣтія и почти до конца 19 столѣтія, т. е. за время, охватившее столѣтіе интенсивнаго экономическаго міроваго созиданія, сводилась въ большинствѣ къ постояннымъ, быстро смѣняющимся переходамъ отъ охранительной или даже запретительной политики къ либеральной, чуть не политикѣ открытыхъ дверей; каждый переходъ къ либеральной политикѣ сопровождался одними и тѣми же послѣдствіями: наплывомъ иностранныхъ товаровъ, захиреніемъ нашей индустріи, отрицательнымъ торговымъ балансомъ и паденіемъ курса рубля — послѣднее обычно заставляло возвращаться къ твердой таможенной охранѣ. Во многомъ эта губительная для нашего экономическаго развитія политика обязана борьбѣ сначала между земледѣльчески-дворянскими и промышленными интересами, а затѣмъ нарастаю «народническаго» общественно-вліятельнаго движенія.

Проф. Гриневицкій говоритъ: «Таможенная охрана нашего производства путемъ усиленнаго обложенія сырья, полуфабрикатовъ и издѣлій являлась основнымъ мотивомъ нашей экономической политики съ 90-хъ годовъ». «Тарифъ 1891 года вызвалъ въ связи съ желѣзнодорожнымъ строительствомъ значительное развитіе нашей металлургии, горнаго дѣла и металлообрабатывающей промышленности». Правильность этой политики подтверждается слѣдующими цифрами: ввозъ металлическихъ издѣлій увеличился съ 1892 г. по 1912 г. съ 75 до 395 мил. руб., т. е. на 400%; ввозъ полуфабрикатовъ и сырыхъ матеріаловъ выросъ за тотъ же періодъ съ 240 до 536 мил. руб., всего на 120%. Такимъ образомъ, выполнялась главная задача тарифа — обеспечение нашей промышленности отечественнымъ сырьемъ, поощреніе и охрана развитія отечественной добывающей промышленности и удовлетвореніе рынка какъ отечественными, такъ и заграничными предметами индустріи.

Съ такимъ же успѣхомъ осуществлялась настойчивая и широкая реформа нашего желѣзнодорожнаго хо-

заявства. За этотъ періодъ была постепенно выполнена огромная задача правильной и во многихъ отношеніяхъ образцовой организаціи русскаго желѣзнодорожнаго дѣла: было установлено соглашеніе о прямомъ товарномъ сообщеніи, о взаимномъ пользованіи вагонами, т. е. безпересадочное движеніе грузовъ; была проведена общая тарифная и уставная реформы — въ итогѣ вся сѣть русскихъ желѣзныхъ дорогъ оказалась объединенной въ хозяйствѣ и работѣ одними принципами и одними общими основаніями и законоположеніями. Къ большой и особенно сложной работѣ должно быть отнесено разрѣшеніе тарифнаго вопроса. Желѣзнодорожные тарифы Россіи вылились въ стройную схему дешевыхъ тарифовъ, гдѣ въ достаточной мѣрѣ были обезпечены очень разнообразныя интересы какъ потребителя, такъ и производителя.

Какъ извѣстно, старая желѣзнодорожная политика, укorenившаяся со времени большого строительства 70-хъ годовъ при Александрѣ II, привела къ очень печальнымъ результатамъ и требовала кореннаго измѣненія. Старый порядокъ, сосредоточившій почти все желѣзнодорожное дѣло только въ рукахъ необъединенныхъ частныхъ обществъ съ финансово-нелѣпыми обязательствами казны, для нея разорительными, привелъ къ тому, что въ 1878 г. основныя капиталы желѣзныхъ дорогъ въ 89% были гарантированы или выпущены правительствомъ. По даннымъ проф. Мигулина («Наша новѣйшая жел.-дорожная политика»): «ежегодныя приплаты казны по гарантіи достигали 50 мил. рублей» и «весь дефицитъ по государственному обыкновенному бюджету съ 1857 по 1877 г. г. былъ обусловленъ исключительно поддержкой частнаго желѣзнодорожнаго хозяйства».

Основное положеніе, что столь важная отрасль государственнаго хозяйства, какъ желѣзныя дороги, должна быть, если не цѣликомъ сосредоточена, то строго объединена въ рукахъ правительства, было понято и осуществлено правительствомъ Александра III. Особымъ правительственнымъ актомъ было оповѣщено, что «высшее управленіе во всѣхъ жел.-дорожныхъ дѣлахъ должно принадлежать исключительно правительству». Тогда же начался и усиленный выкупъ частныхъ жел.-дорожныхъ линій въ казну: въ 1882 г. казнѣ принадлежало только 4,1% сѣти; въ 1890 г. у казны было уже больше 30% и въ 1895 г. казнѣ принадлежало 60% сѣти.

Общеизвѣстно, какими тяжелыми явленіями спекуляціи и «денежнаго распутства» сопровождалось большое желѣзнодорожное строительство 70-хъ г. г. Спекуляціи содѣйствовали многія причины и прежде всего характеръ строительства, совершаемаго концессионнымъ порядкомъ при правительственныхъ гарантіяхъ; финансовыя условія и бытовая обстановка

тогдашняго русскаго общества, какъ появленіе въ обществѣ огромныхъ выкупныхъ платежей за землю въ суммѣ до 400 милліоновъ рублей и наступившее болѣе рѣзкое разложеніе помѣщичьяго класса, создавали нездоровую общественную атмосферу и, конечно, способствовали росту спекуляціи. Эта характерная особенность эпохи, рѣзко отмѣченная нашей литературой, не могла не оставить тягостнаго впечатлѣнія въ общественныхъ кругахъ, вызвавъ отрицательное отношеніе общественности не только ко всему желѣзнодорожному вопросу, но и ко всякому начинанію, связанному съ акціонерно-промышленнымъ, банковскимъ или другимъ, не обычнымъ для русскаго патріархальнаго уклада, предпринимательствомъ. Щедринъ тогда писалъ: «въ послѣднее время русское общество выдѣлило изъ себя нѣчто вродѣ буржуазіи, т. е. новый культурный слой, состоящій изъ кабатчиковъ, процентщиковъ, желѣзнодорожниковъ, банковскихъ дѣльцовъ и прочихъ казнокрадовъ и міроѣдовъ»...

Совершенно иной характеръ носило новое желѣзнодорожное строительство эпохи Александра III, производимое въ большинствѣ казной при очень раціональной и экономной постановкѣ дѣла. Частное желѣзнодорожное строительство того времени, также довольно значительное, было организовано еще въ 1890 г. министромъ Вышнеградскимъ на совершенно особыхъ началахъ, о которыхъ проф. Мартенсъ, большой знатокъ желѣзнодорожнаго дѣла, писалъ: «методъ постройки желѣзныхъ дорогъ былъ установленъ путемъ образованія крупныхъ группъ изъ частныхъ обществъ желѣзныхъ дорогъ, которымъ одновременно съ отсрочкой выкупа ихъ дороги въ казну давалось порученіе произвести постройку новыхъ дорогъ на опредѣленныхъ финансовыхъ и организационныхъ условіяхъ».

Гораздо большимъ, чѣмъ только небывалымъ по размѣрамъ желѣзнодорожнымъ строительствомъ, было созиданіе «Великаго Сибирскаго пути», начатое постройкой при Александрѣ III въ 1891 году. Это грандіозное государственное начинаніе было фактическимъ приобщеніемъ Сибири къ Европейской Россіи, началомъ ея подлиннаго и культурнаго завоеванія.

Вопросъ о необходимости постройки Сибирской дороги возникъ давно и долго подвергался тщательному изученію, не только въ правительственныхъ, но и общественныхъ кругахъ; еще въ 1875 г. было даже утверждено южное направленіе дороги, затѣмъ по разнымъ соображеніямъ оставленное. Въ 1884 г. было представлено три сѣверныхъ направленія. По одному изъ нихъ отъ ст. Міась на Челябинскъ и началось

осуществленіе созданія Сибирскаго пути. Рескриптомъ, данымъ Александромъ III на имя Наслѣдника, 17 марта 1891 г. былъ положенъ предѣлъ долготѣтнимъ колебаніямъ. Сибирская дорога строилась съ двухъ концовъ — отъ Челябинска и Владивостока. Ея длина при началѣ постройки учитывалась въ 7112 верстъ, стоимость въ 350 мил. руб. — осуществить всю работу предполагалось въ 12 лѣтъ, считая съ 1893 года. Принято, однако, считать, что стоимость Сибирскаго пути съ его вѣтвями и многочисленными связанными съ нимъ предпріятіями, какъ пароходства по прилегающимъ воднымъ путямъ, устройство городовъ Дальняго и Портъ-Артура, организациія переселенческаго дѣла и проч., достигла миллиарда рублей.

Ввиду грандіозности сооруженія, осуществляемаго въ разнообразныхъ, часто очень неблагоприятныхъ и новыхъ условіяхъ топографіи и климата, примѣняемыя къ разнымъ участкамъ техническія условія были не только разнообразны, но носили по необходимости нѣсколько облегченный характеръ не въ ущербъ, однако, хорошей и прочной постройки и съ тѣмъ, чтобы «впослѣдствіи по мѣрѣ надобности достраивать и дополнять необходимое, но отнюдь не перестраивать дороги». Трудность сооруженія усугублялась тѣмъ, что, благодаря малонаселенности, особенно Восточной Сибири, почти вся рабочая сила, особенно при работахъ въ этомъ краю, должна была доставляться изъ Европейской Россіи; рельсы, подвижной составъ, желѣзныя части мостовъ доставлялись морскимъ путемъ черезъ Владивостокъ.

Несмотря на эти трудности, Сибирская дорога было построена въ сущности въ срокъ: въ сентябрѣ 1904 г., хотя и спѣшно, благодаря тревжности политическаго Дальне-Восточнаго положенія, и съ большими экстренными затратами, была закончена труднѣйшая Круго-Байкальская желѣзная дорога, сомкнувшая непрерывнымъ рельсовымъ путемъ Атлантическій океанъ съ Тихимъ. Грандіозность сооруженія Великаго Сибирскаго пути, организованнаго правительствомъ Александра III и осуществленнаго руками русскихъ инженеровъ, не была по достоинству оцѣнена современниками; писанная исторія почти не отмѣтила всей значительности этого національнаго акта. Объясненіе этому историческому забвенію мы находимъ отчасти въ роковомъ стеченіи обстоятельствъ, когда несомнѣнная и предвидѣнная слабость дороги, какъ особенно ея малая пропускная способность, сыграла нѣкоторую, хотя и достаточно преувеличенную роль въ нашихъ неудачахъ русско-японской войны. Во всякомъ случаѣ позволительно усумниться въ возможности, при всѣхъ исключительныхъ трудностяхъ сооруженія, построить къ сроку, т. е. къ началу русско-японской вой-

ны, дорогу, могущую технически и экономически отвѣтить условіямъ войны, совершенно не предвидѣнной заранѣе.

Въ царствованіе Александра III была совершенно подготовлена одна очень важная, въ такой же мѣрѣ социальная, какъ и экономическая реформа — введеніе такъ называемой винной монополіи, т. е. осуществленіе продажи водки только въ казенныхъ «винныхъ лавкахъ». Правительство, оставляя производство водки въ частныхъ рукахъ, брало на себя ея продажу. Проф. М. М. Ковалевскій говоритъ, что объ реформы — и денежнаго обращенія и введенія монополіи, носили «характеръ настоящихъ міровыхъ событій» (Экономическій строй Россіи). До «монополіи» водка, обложенная акцизомъ, продавалась въ «питейныхъ домахъ», по просту въ кабакахъ, пагубное моральное вліяніе которыхъ достаточно извѣстно. Вводя «монополію», правительство дѣлало ставку на индивидуально малое, но массово болѣе значительное, регулярное потребленіе водки и, главное, на уничтоженіе спаиванія слабыхъ элементовъ деревни, наблюдаемаго въ кабакахъ. Предполагалось, что такимъ путемъ можно было достигнуть вмѣстѣ съ удешевленіемъ водки и улучшеніемъ ея качества, и повышенія дохода. Мѣра эта проводилась постепенно, сначала въ 1895 г. въ четырехъ восточныхъ, а затѣмъ въ 1896 г. въ девяти южныхъ губерніяхъ. Опубликованный министромъ финансовъ въ 1897 г. отчетъ объ этой пробѣ говорилъ о достигнутыхъ блестящихъ результатахъ: доходъ отъ «питей» не только не упалъ, но даже увеличился; «пьянство, о чемъ всѣ единогласно свидѣтельствуютъ, уменьшилось» (Ковалевскій). Тотъ же проф. Ковалевскій, заканчивая главу о господствовавшихъ тогда чертахъ экономической эволюціи, совершавшейся въ Россіи, съ полнымъ правомъ говоритъ, что «Россія (того времени), благодаря многочисленности и характеру поднятыхъ въ ней вопросовъ, для социолога самая интересная изъ всѣхъ европейскихъ странъ».

Особенности промышленнаго и желѣзнодорожнаго строительства Александра III — рѣзкое оздоровленіе хозяйственной атмосферы. Я привелъ выше общія цифровыя данныя объ интенсивномъ развитіи въ «нашу эпоху» Донецкаго Бассейна, совершенномъ почти исключительно иностраннымъ, главнымъ образомъ бельгійскимъ и французскимъ, капиталомъ. Финансовыя и экономическія мѣропріятія Александра III, соединенныя съ блестящимъ внѣшнимъ положеніемъ Россіи, создали для работы иностраннаго капитала атмосферу какъ полного довѣрія, такъ и значительнаго коммерческаго интереса, чему способствовало

и то очень важное обстоятельство, что незадолго передъ эпохой 90-хъ годовъ, въ концѣ 70-хъ—началѣ 80-хъ, начало выясняться огромное значеніе «Криворожскаго руднаго бассейна», совершенно измѣнившее возможности Донецкаго Бассейна. «Русская промышленность, писалъ въ 1892 г. Менделѣевъ («Толковый тарифъ»), сможетъ лишь тогда съ успѣхомъ конкурировать съ европейской, если она утвердится на берегахъ Дона... Во всей Европѣ нельзя найти стеченія условий, болѣе счастливаго, болѣе благоприятнаго для развѣта промышленности». Что удивительнаго, что иностранцы реагировали на югъ Россіи, какъ на золотыя россыпи. Эту погоню за наживой очень умѣло использовалъ Витте. Контракты, заключенные имъ съ предпринимателями на поставку казѣ рельсъ путемъ постройки заводовъ, оказались для иностранцевъ, благодаря общему низкому хозяйственному состоянію Россіи, вовсе не такъ выгодны, что обнаружилось очень скоро, уже въ 1900-1901 годахъ. Большое желѣзнодорожное строительство, главная приманка для капитала, было къ этому времени почти закончено, усиленная поставка рельсъ исчерпана и новые заводы юга стали лицомъ къ лицу, главнымъ образомъ, съ потребленіемъ желѣза населеніемъ; оно было ничтожно, равняясь едва 1/3 общаго, въ итогѣ все же малаго потребленія промышленностью, желѣзными дорогами, флотомъ и городами. Толчекъ паденія сбыта желѣза былъ такъ великъ, что въ 1901 году на югѣ было остановлено 26 доменныхъ печей (изъ общаго числа около 63) и выплавка чугуна этого года равнялась всего 91 мил. пуд. при годовой производительной способности доменныхъ заводовъ юга, равной 161 мил. пуд. Очень показательно, какъ иллюстрація создавагося положенія, вложеніе по годамъ капиталовъ въ желѣзную промышленность юга (въ мил. руб.):

1895 — 27,87	1900 — 11,42
1896 — 27,75	1901 — 5,5
1897 — 11,35	1902 — 0,83
1898 — 23,49	1904 — 0,48
1899 — 28,82	

Промышленный кризисъ, переживаемый съ 1900 г. югомъ, совпалъ съ общимъ промышленнымъ европейскимъ кризисомъ тѣхъ лѣтъ, но былъ гораздо болѣе длительнымъ — оживленіе началось лишь съ 1911 года. За 13-лѣтній періодъ (1900-1913) Россія увеличила выплавку чугуна на 60%, тогда какъ Геуманія увеличила на 156% и С. А. Штаты — на 121%. Нѣтъ надобности говорить, что южные заводы несли въ теченіе этихъ 10-ти лѣтъ большіе убытки.

Для того, чтобы болѣе рельефно подчеркнуть разницу строительныхъ эпохъ 70-хъ и 90-хъ годовъ, небезинтересно вспомнить объ условіяхъ, на которыхъ былъ построенъ въ сущности первый чугуноплавильный заводъ юга, очень извѣстный заводъ Юза. А. И. Дельвигъ, бывшій при Александрѣ II долготѣмъ товарищемъ министра путей сообщенія, пишетъ въ своихъ воспоминаніяхъ, что великобританскій подданный Джонъ Юзъ заключилъ въ 1868 году съ министромъ финансовъ и министромъ путей сообщенія договоръ на постройку «близъ Харьковско-Азовской дороги чугунолитейнаго и желѣзодѣлательнаго завода на землѣ, которая будетъ ему уступлена даромъ казною съ тѣмъ, что казна будетъ ему въ продолженіи 10-ти лѣтъ выдавать премію по 50 коп. на каждый пудъ рельсовъ, изготовленныхъ на этихъ заводахъ».

Помимо этого Юзъ, зарабатывая, по словамъ Дельвига, большія деньги на постройкѣ подъѣзднаго пути къ Азовской дорогѣ, выстроилъ его чуть не вдвое длиннѣе, чѣмъ было нужно, протянувъ путь «безъ пользы для дѣла вблизи Харьковско-Азовской дороги». Мало того, Юзъ заявилъ, что «безъ прибавленія ему 500 тысячъ рублей устроить желѣзной дороги не можетъ» и, разсказываетъ Дельвигъ, несмотря на всѣ его, Дельвига, возраженія, министръ Бобринскій Юзу эти деньги выдалъ». Я не останавливаюсь на объясненіи Дельвигомъ причинъ и обстановки выдачи Бобринскимъ этихъ денегъ; онѣ характерны для той эпохи и объясняютъ «ту легкость, съ которой, какъ говоритъ Дельвигъ, Бобринскій бросалъ огромныя казенныя суммы».

Эта справка объ Юзовской концессіи ясно показываетъ, какъ рѣзко на протяженіи всего 20-25 лѣтъ измѣнилась и оздоровилась атмосфера правящихъ сферъ Россіи и какъ необычайно выросъ ея престижъ. Само собою разумѣется, что въ договорахъ Витте, заключаемыхъ съ иностранными предпринимателями, не было иныхъ обязательствъ, кромѣ покупки рельсъ казною по опредѣленной цѣнѣ и въ количествѣ, какъ это мы видѣли, осторожно ограниченномъ.

Все сказанное, думаю, ясно говоритъ какъ о размѣрахъ, такъ и о современной цѣлесообразности экономическихъ реформъ и начинаній Императора Александра III, совершенныхъ въ спокойной здоровой атмосферѣ ничѣмъ не нарушаемаго социальнаго-хозяйственнаго творчества. Его реформы, все его царствованіе, при безпристрастной ихъ оцѣнкѣ, выростають въ этомъ смыслѣ почти до исключительной грандіозности. Хозяйственно осязательные результаты его реформъ могли, какъ и всякихъ большихъ начинаній, сказаться только значительно позже — они создали базу и вылились въ возможность хозяйственнаго расцвѣта «предвоеннаго періода», о чемъ болѣе

подробно я буду говорить въ своемъ мѣстѣ (во 2-й части «Воспоминаній»).

Царствованіе Александра III находило благожелательную оцѣнку и одобренія даже въ области его хозяйственныхъ начинаній, какъ извѣстно, только въ «реакціонныхъ» кругахъ русской политической общественности и въ кругахъ промышленныхъ, благодарныхъ, какъ принято было утверждать, Александру III за покровительственныя пошлины. Старый трафаретъ требовалъ, напримѣръ, вѣрить, что «бельгійцы, французы и англичане зарабатывали на своихъ по современному устроенныхъ заводахъ прямо невѣроятныя суммы денегъ», а «крестьянинъ не могъ купить себѣ по крайней дороговизнѣ желѣзный плугъ» и т. д. Уже указанная мною возможность затяжного кризиса металлургіи 1900-1910 г. г. опровергаетъ эти вздорныя разсужденія. А вотъ что, между прочимъ, говорить объ этой эпохѣ книга, выпущенная при большевикахъ въ 1923 году Украинскимъ Совѣтомъ Народнаго Хозяйства — «Промышленность Украины», источникъ очень далекій отъ благожелательности къ царской эпохѣ вообще. Указывая, что «заводы юга за время съ 1904 по 1909 годъ катали только 38% листового желѣза и 47% рельсъ отъ полной своей пропускной способности», авторъ говоритъ, что «продажныя цѣны чугуна опредѣлялись между тѣмъ условіями мирового рынка и держались въ этотъ періодъ чрезвычайно низко — 41-44 коп. пудъ», и дальше: «съ 1900 по 1912 г. г. ликвидировалось (на Украинѣ) 27 предприятий съ основнымъ капиталомъ въ 87,5 мил. руб. Дивиденды (въ области желѣзной промышленности) упали съ 7,7% до 2,68%» (стр. 89).

Такъ создается исторія и такъ невѣрно, часто въ увлеченіи политическаго отталкиванія освѣщается ходъ экономическаго развитія важной исторической эпохи. Не такъ ли невѣрно сплошь замарана черной краской эпоха Александра III и въ политическомъ ея значеніи? Можетъ быть, пора уже отказаться отъ мысли, что единственно непреклонная и злая воля Александра III и Побѣдоносцева съ присными дѣлали политическую погоду реакціи, насилуя народную волю и губя народный интересъ. Не слѣдуетъ ли, освободившись отъ оцѣнки политики, какъ рѣшающаго момента, отдать должное необыкновенному характеру подлиннаго творчества эпохи, могущаго найти корни въ огромномъ національномъ подъемѣ, о которомъ я говорилъ выше.

Политическое «затишье», какъ важный факторъ хозяйственнаго созиданія. Реальная работа въ области хозяйства, какъ школа политической сдержанности. Здоровое національное чув-

ство, «затишье» отъ политическихъ бурь не только предшествующей, но, къ прискорбію, и послѣдующей эпохъ, позволило выявить истинность хозяйственно-созидательнаго дарованія русскаго человѣка, «героя на малыя дѣла», какъ потомъ презрительно окрестила насъ, «восьмидесятниковъ», лѣвая интеллигенція. Я уже говорилъ выше, что «политическая реакція» эпохи насъ почти не задѣла — мы ея не замѣчали даже въ студенческіе, наиболѣе воспримчивыя годы. Вступивъ непосредственно, почти еще юношами, въ тяжелую обстановку работы и жизни тогдашней провинціи и деревни, низовой настоящей Россіи, мы постепенно, входя въ болѣе зрѣлый возрастъ, поняли ея во многомъ еще дореформенную духовную сущность, исключаящую возможность быстрой и коренной ломки политическаго и соціальнаго быта, этой завѣтной мечты нашей «передовой» интеллигенціи. Нами по иному стала восприниматься политическая сдержанность царствованія Александра III. Для насъ, благодаря непосредственности воспріятія, было ясно, что нельзя обратить сразу огромный человѣческій матеріалъ еще вчерашняго раба и рабовладѣльца въ свободнаго человѣка и въ культурнаго, уравновѣшеннаго граждаина своей страны.

Уже съ самаго начала 90-хъ годовъ мы близко стояли къ еще тѣсно связанному съ деревней крестьянину въ образѣ тогдашняго рабочаго. Мы научились понимать всю тяжкую безысходность и хозяйственнаго быта и правового положенія нашего крестьянства, мы знали, что архаическая форма общиннаго владѣнія землей и часто полная зависимость личности крестьянина отъ «міра», являются огромнымъ тормазомъ для успѣшнаго культурнаго развитія деревни. Но мы также понимали невозможность рѣзкихъ измѣненій какъ формъ землевладѣнія, такъ и бытового, правового уклада деревни. Помимо того, что этотъ порядокъ деревенской жизни дѣликомъ выросъ изъ вѣковаго историческаго прошлаго и былъ ему преемственно созвученъ, онъ находилъ себѣ оправданіе и въ существующихъ условіяхъ: многомилліонной массѣ русскаго крестьянства, некультурнаго элементарно, помимо примитивнаго земледѣлія, неумѣлаго, необходимъ былъ въ условіяхъ тогдашней Россіи постоянный нерушимый домъ, куда крестьянинъ могъ бы всегда спастись отъ вездѣ подстерегавшихъ его превратностей судьбы и жизненныхъ неудачъ. Крестьянину, порвавшему связь съ деревней, въ случаѣ неудачи «некуда было податься» — случай же этотъ былъ на каждомъ шагу. Область примѣненія крестьянскаго труда внѣ деревни была тогда слишкомъ сужена и ненадежна: мало населенные города, ничтожная промышленность и слабая сѣть желѣзныхъ дорогъ

создавали плохую обстановку для количественно большой постоянной работы.

Спасаніе въ деревню далеко не было матеріально благополучнымъ исходомъ, но оно избавляло отъ нищеты на сторонѣ. И замѣчательно, бродячее крестьянство, разбросанное по всему міру русской земли, очень дорожило связями съ родной деревней, рѣдко выходило изъ общины, продолжая платить подати и налоги, годами не пользуясь своимъ надѣломъ. Спасаться въ деревню всѣмъ и всегда, т. е. быть всегда потенциальнымъ полноправнымъ членомъ деревни, можно было только при опредѣленной принудительности строя деревенской жизни, какъ хозяйственной, такъ и лично-правовой. Это былъ очень плохой порядокъ, связанный вдобавокъ съ неизбежностью при немъ элементарной примитивностью хозяйства; но это былъ неизбежный тогда порядокъ, наслѣдіе русской исторической культурной нищеты, неизбежная форма ликвидаціи крѣпостного права. Этотъ порядокъ необходимо было разрушить, но его уничтоженію должно было предшествовать всеобщее улучшение условій труда, а потому и жизни русскаго народа, т. е. созданіе промышленности, развитіе городовъ, усиленная постройка желѣзныхъ дорогъ — вся это необходимѣйшая подготовительная работа къ измѣненію и улучшенію жизни народа и составляла главное содержаніе царствованія Александра III.

Я не буду останавливаться на другой тяжелой сторонѣ быта нашей деревни, намъ тоже хорошо извѣстной, на малоземельи крестьянскихъ хозяйствъ и на мѣрахъ борьбы съ нимъ правительства Александра III.

Всѣми этими вопросами крестьянскаго неуройства была тогда очень занята и наша провинціальная общественность — и я, какъ принадлежавшій къ помѣстному дворянству и благодаря родителямъ еще не порвавшій съ землей, отлично помню споры объ общинѣ, о преимуществахъ личной собственности, о необходимости изыскать новыя формы владѣнія и пользованія землей, объ общественныхъ запашкахъ и проч. и проч. Эти вопросы — тогда это представлялось безспорнымъ — были для того времени явно не созрѣвшими. Коренной для Россіи вопросъ дефектовъ крестьянскаго хозяйства, въ частности его малоземелье, могъ разрѣшаться тогда только въ порядкѣ мѣръ длительнаго дѣйствія, какъ учрежденіе крестьянскаго банка, открывшаго широкій и очень льготный кредитъ для покупки крестьянами частныхъ земель и облегченіе и урегулированіе возможностей переселенія. Этимъ правительство Александра III и было занято — общеизвѣстно, что эти мѣры оказали очень большое вліяніе на расширеніе крестьянскаго землевладѣнія.

Долженъ еще упомянуть, что вопросъ разрѣшенія крестьян-

скаго малоземелья за счетъ частновладѣльческаго, какъ особой государственной мѣры, даже за счетъ казенныхъ земель, тогда не подымался вовсе — онъ совершенно отсутствовалъ въ тогдашнихъ настроеніяхъ какъ общества, такъ и правительства. Я не могу останавливаться на бѣльшихъ подробностяхъ законодательства Александра III по крестьянскому вопросу — это не моя область. Эта сторона его хозяйственной законодательной дѣятельности была всегда достаточно непопулярна, думаю, потому, что благодаря тяжести всей обстановки русскаго хозяйства, о чемъ я говорилъ выше, она должна была невольно останавливаться на мѣрахъ предварительныхъ, подготовительныхъ.

Я ничего не буду говорить сейчасъ о политической сторонѣ царствованія Александра III — мы, нашъ «новый классъ», росъ и слагался во многомъ подъ влияніемъ его «политической реакціи». Я не хочу, однако, отказать себѣ въ попыткѣ дать въ концѣ моихъ воспоминаній мою оцѣнку и политической сторонѣ этого несправедливо зачерненнаго царствованія.

—*—

СОДЕРЖАНИЕ.

	Стр.
Вступленіе	5
ГЛАВА I. Студенческіе годы	11
ГЛАВА II. Вступленіе въ практическую жизнь. Донецкій Бассейнъ ста- рыхъ временъ	44
ГЛАВА III. Русское большое предпріятіе старыхъ временъ	60
ГЛАВА IV. Строительное оживленіе Бас- сейна	69
ГЛАВА V. Полное управленіе промышлен- нымъ предпріятіемъ (1899 - 1906 г. г.)	91
ГЛАВА VI. Мои сосѣди — товарищи	119
ГЛАВА VII. Отголоки политической борь- бы того времени на рудникахъ	147
ГЛАВА VIII. Революція идетъ	158
ПРИЛОЖЕНІЕ.	.